ASOCIAŢIA MOLDOVENEASCĂ DE ŞTIINŢĂ POLITICĂ

UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

UNIVERSITATEA DE STUDII POLITICE ŞI ECONOMICE EUROPENE "CONSTANTIN STERE"

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.I (LXIV), 2014

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2014

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.1 (LXIV), 2014. - Chişinău: USM, USPEE, AMSP, 2014. – 214 p.

Ideile şi opiniile expuse în materialele prezentate aparţin autorilor
şi nu reflectă neapărat punctul de vedere al colegiului de redacţie

Articolele apar în redacţia autorilor, sunt recenzate

versiunea electronică:
http://usm.md/cercetare/reviste/moldoscopie/

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
ISTORIA, TEORIA SI METODOLOGIA STIINTEI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И СМИ В СТРУКТУРЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ (ЧАСТЬ 1)

Владимир А. ГУТОРОВ
Российская Федерация, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра теории и философии политики
Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой

В статье анализируется теоретические вопросы эволюции западных политологических концепций функционирования СМИ в либеральных демократиях во второй половине XX в. Сформировавшись после второй мировой войны в политической науке США и Западной Европы, они стали играть определяющую роль в том сегменте мирового научного дискурса, который связан с анализом структур современных массовых и политических коммуникаций. В первой части статьи особое внимание уделяется автором тем концепциям, которые и в наши дни определяют теоретические подходы к изучению роли СМИ в политическом процессе. К их числу относятся - теория «минимального эффекта», теория «медиакратии», модели «исследования воздействия» (Effects Research) и «анализа текста» (Text Analysis), теория «использования и удовлетворения» (Use and Gratification Approach) и ряд других. Автор уделяет большое внимание теории структурации А.Гидденса, которая во многом обобщает современные научные дискуссии о роли СМИ, развивавшиеся на протяжении десятилетий в западной политологии и политической социологии.

Ключевые слова: массовые и политические коммуникации, политический анализ, средства массовой информации, общественное мнение, политические идеологии, политические процессы, государство, корпорации.

In the article theoretical questions of evolution of western political science conceptions of the functioning of mass-media in liberal democracies in the second half of XXth century are analyzed. Formed after the second world war they began to play the main role in that segment of the scientific discourse which is connected with analysis of structures of the modern mass and political communications. In the first part of the article special attention is paid to conceptions which now define theoretical approaches to investigation of the role of mass-media in political process, i.e. theories of "Minimal Effect", "Mediocra-

cy", "Effects Research", "Text Analysis", "Use and Gratification Approach" and the others. The author distinguishes especially the meaning of "theory of structuration" by Antony Giddens generalizing discussions concerning the role of mass-media developed during decades in western political science and political sociology.

Key words: mass and political communications, political analysis, mass-media, public opinion, political ideologies, political processes, state, corporations.

В послевоенный период исследование влияния СМИ на развитие политических коммуникаций проводились в Западной Европе и США под влиянием сложившихся концепций политического процесса, авторы которых, в свою очередь, опирались на вполне определенные теоретические модели демократического общества. Как отмечал Д.Хелд - один из наиболее авторитетных современных специалистов в области теории демократии: «Политические аналитики, рассуждая об исключительной неупорядоченности индустриального капиталистического мира в 20 веке - двух колоссальных войнах, русской революции, депрессии тридцатых, подъеме фашизма и нацизма - поражались той относительной политической и социальной гармонии, которая последовала за второй мировой войной. Американские, британские и континентальные политологи и социологи, работавшие в конце 50-х и начале 60-х гг., стремились дать объяснения такого положения дел.

Одна выдающаяся группа, аргументация которой строилась в рамках классического плюрализма, развивала тезис о "конце идеологии". Этот тезис был особенно созвучен со взглядами, выражаемыми в конце 50-х – начале 60-х гг. средствами массовой информации, основными политическими партиями, официальными политическими кругами и многими организациями в рабочем движении.

Другая, гораздо более малочисленная группа выражала радикально противоположную точку зрения: она давала интерпретацию событий, в которой содержалось совсем мало симпатии (если она вообще когда-либо существовала) к основным институтам государства, экономики и культуры, однако она имела огромное воздействие на студентов и новые радикальные движения протеста шестидесятых годов. Эта вторая группа, строя аргументацию в рамках модифицированного марксизма, анализировала так называемый "конец идеологии" как выражение далеко зашедшего репрессивного порядка: "одномерного общества"» [33, с.224-225].

В течение всех послевоенных десятилетий ученые, специализирующиеся в области теории политических коммуникаций, предлагали различные модели, объясняющие воздействие СМИ на общественное мнение и,

следовательно, - на формирование и развитие политического процесса. В 1940-гг. многие американские и западноевропейские аналитики считали, что пресса и радио, контролируют мысли людей в общественной сфере. Однако после второй мировой войны до начала 1970-х гг. господствующим был, скорее, обратный взгляд: независимо от того - идет ли речь о прямом обращении СМИ к индивидам или же косвенном (семья, знакомые, клубы и т.д.), их влияние на формирование позиций, отношение к обществу и политике имеет минимальный эффект (теория «минимального эффекта») [42; 44; 36].

На рубеже 1980-1990-х гг. маятник стал опять двигаться в противоположную сторону и акцент был вновь сделан на признании влияния СМИ. По мнению французского исследователя Р.Дебре, который ввел в научный оборот термин «медиакратия»), СМИ сегодня выполняют функции, принадлежавшие в средневековой Европе церкви [14; 1].

В отличие от исследователей 1940-х гг. ученые стали оказывать предпочтение мнению, в соответствии с которым СМИ сами по себе не осуществляют прямого контроля над обществом. При этом они фокусировали внимание на более тонких формах взаимосвязи между социальными группами в рамках политического процесса [73; 10; 53; 16; 54, с.175-190].

Можно ретроспективно выделить две основные модели, ориентируясь на которые ученые изучали влияние СМИ. Первая связана с исследованием воздействия массовых коммуникаций на индивидуальное поведение и вообще на социальную жизнь. Вторая, развивавшаяся в последние тридцать лет XX в. под влиянием культурологии, культурной антропологии, структуралистских теорий, семиотики и других междисциплинарных наук, была ориентирована на понимание связей между «текстами», индивидами и более обширными социальными образованиями. В дальнейшем эти модели получили в научной литературе соответствующие лапидарные названия - модель «исследования воздействия» (Effects Research) и модель «анализа текста» (Text Analysis) [65, с.81 sq.].

Теория политических коммуникаций, развиваясь как одно из наиболее динамичных направлений политической науки, будучи первоначально более ориентированной на первую модель, постепенно все более испытывала влияние междисциплинарных исследований. Однако и в настоящее время можно вполне согласиться с мнением ученых 1990-х гг., что до создания единой всеобъемлющей концепции политической коммуникации еще очень далеко. «Неспособность построить интегрированное поле политических коммуникаций, - отмечали Л.Джекобс и Р.Шапиро, - выявит вполне обоснованные вопросы относительно того - является ли воздействие СМИ преувеличенным или же в сущности неисследованным. Выгодная сторона

междисциплинарного подхода заключается в том, что он призывает к методологическому плюрализму» [37, c.11].

Существует немало определений политической коммуникации. В работе М.Гуревича и Дж.Блумлера «Системы политической коммуникации и демократические ценности» была предпринята попытка дать краткое определение, обобщавшее предшествующие аналитические разработки: «Политическая коммуникация фактически может быть определена как передача информации и различных видов воздействия к индивидам и от индивидов, которые совершенно явно не являются равными и разделяются на высоко информированных и глубоких невежд, обладающих огромным влиянием и совершенно бесправных, постоянно вовлеченных [в политику] и блаженно безразличных. Таким образом, сама структура политической коммуникации включает в себя различия между инициаторами и активаторами наверху и наблюдателями внизу, налагая ограничения на ту энергию участия, которую система может порождать» [26, c.27].

Такое определение вполне вписывалось в «модель воздействия» и использовалось преимущественно политологами. В западных университетах исследование проблемы политической коммуникации обычно осуществляется, помимо политологических факультетов, на специальных отделениях массовых коммуникаций, радио и телевидения, журналистики, речевых коммуникаций и риторики. На протяжении десятилетий представители этих дисциплин сосуществовали друг с другом, как правило, не обращая внимания как на их «взаимодополняемость», так и на те противоречия, которые могли возникнуть в результате «параллельного анализа». Даже когда исследовались сходные вопросы, ученые далеко не всегда поворачивались друг к другу, чтобы определить уровни возможностей ответа на них [49; 63; 31; 38; 6; 15]. В результате исследователи чисто случайно приходили к аналогичным заключениям, публикуемым иногда с разницей в несколько месяцев, и даже не подозревали об открытиях друг друга. В 1980-1990-е гг. так случилось, например, с публикацией четырех американских работ, принципиально важных для изучения политических коммуникаций. Две из них были посвящены новым особенностям составления президентских посланий и речей на президентских выборах в США [41; 32]. Две остальные были посвящены обоснованию того положения, что заранее планируемая стратегия освещения выборов в прессе становится господствующей схемой, в рамках которой избиратели вовлекаются в выборный процесс [39; 55].

Так или иначе, как указанные выше четыре работы, так и многие другие - зарубежные и отечественные - до сих пор вполне однотипно рассматривают процесс политической коммуникации, акцентируя внимание, прежде всего, на взаимодействии различных каналов информации, по кото-

рым источники информации (коммуникаторы) воздействуют на аудиторию. Для теории коммуникации сама категориальная пара «коммуникатор-аудитория» является традиционной. К функциям аудитории, обычно определяемой как «совокупность людей, к которым обращаются СМИ и которые воспринимают обращенную к ним информацию», относят понимание, принятие решения, а также эвристическую функцию. Тем самым предполагается, что аудитория «является не просто объектом воздействия, но и непосредственным участником коммуникации» [2, с.59; 59].

Такое понимание отношения коммуникатора и аудитории, естественно, порождает немало вопросов. Ведь характер интерпретации данного отношения, его эвристическая ценность во многом зависят от методологии анализа, избираемой тем или иным ученым. Например, если какой-либо информационный сигнал производит различное воздействие на однородные по своим характеристикам аудиторные группы, тогда, независимо от объяснений, приписываемых случаю, следует признать, что одна и та же информация воспринимается неоднородно на индивидуальном уровне.

Другая, на наш взгляд, не менее важная проблема заключается в следующем: приписывают ли рядовые читатели, зрители или слушатели воспринимаемой ими информации те же характеристики, что и исследователи? Если нет, то тогда ученые могут найти объяснения в понятиях, которые им представляются истинными, но не могут быть адекватно восприняты аудиторией.

Такого рода расхождение в оценках между исследователями и аудиторией является лишь одной из сторон тех неоднозначных связей, которые существуют между СМИ и объектами их информационного воздействия. Как отмечал еще в 1975 г. С.Чаффи - издатель сборника «Политическая коммуникация», пользующегося большим авторитетом в научном мире: «по крайней мере, со времени опубликования основополагающих данных осуществленного Колумбийским университетом синтеза, в результате которого было установлено только ограниченное влияние СМИ ..., в академических кругах было вполне типичным утверждать, что коммуникационные кампании могут оставлять лишь небольшие вмятины на здании, именуемом политикой. Восприятие гражданами информации, даваемой СМИ, рассматривалось как крайне избирательное, обусловленное партийными предпочтениями и подчиненное межличностным влияниям... Как предполагалось, почти любая получаемая информация, могла дать хороший шанс с точки зрения усиления существующего состояния личностного сознания» [12, с.19].

Хотя авторы вышеупомянутого сборника придерживались противоположной точки зрения и рассматривали роль СМИ как решающую в определении политических позиций избирателей, и в этом случае трудности

методологического характера, конечно, сохранялись. Например, серьезную проблему этического и политического характера представляет тенденция современных СМИ к стереотипизации политических образов. «Для того, чтобы сделать политику понятной для гражданина, - отмечал У.Шульц, - она должна быть сведена журналистами к нескольким простым структурным образцам» [57, с.29].

Но вернемся к методологическим проблемам «технологий исследования». В 1980-1990-е гг. представление о том, что СМИ играют ведущую роль в передаче информации, воздействующей на политические ориентации граждан, совпало с распространением в области социальных наук многообразных, иногда довольно изощренных методов анализа – лабораторного эксперимента, статистического анализа, контент-анализа и других методов обработки информационного материала. Их первоначальная цель состояла в обосновании характера и особенностей влияния СМИ на индивидуальные позиции и поведение. Однако уже с самого начала обнаружилась тенденция, которая ставила под сомнение достигнутые западными учеными результаты: предмет исследования - индивидуальное поведение - нередко лишался своей социокультурной составляющей, поскольку предполагалось некое единообразие воздействия СМИ на индивида. Подобный униформизм, как уже отмечалось выше, господствовал несколько десятилетий [50, с.253]. На протяжении этого периода теория «властных СМИ» стала подвергаться критике с самых различных методологических позиций. Уже в упомянутой выше работе Д.Клаппера «Эффекты массовой коммуникации» содержался призыв к систематическому исследованию ее «опосредующих факторов» [42].

Несмотря на упорное сопротивление сторонников традиционной «модели воздействия», ссылавшихся для подтверждения своей позиции на лабораторные данные и материалы психологических экспериментов, все более настоятельным становился вопрос, облекавшийся первоначально в форму исторической ретроспекции: возможно ли утверждать, что обитатели возникшего в 1950-е гг. «массового общества» были только послушными автоматами, подвергавшимися систематическому оболваниванию со стороны СМИ. Поскольку с каждым новым десятилетием защищать этот тезис становилось все труднее, возникло сомнение - обладают ли СМИ вообще каким-либо серьезным влиянием, или же речь идет о более тонком воздействии, последствия которого могут быть выявлены только с течением времени. Из этих сомнений возникло несколько вариантов пересмотра традиционных подходов.

Первый из них, связанный с именами Д.Клаппера, Дж.Блумлера и Э.Каца и получивший наименование теории «использования и удовлетворения» (use and gratification approach), во многом примыкал к традицион-

ному взгляду 1940-х гг., согласно которому массовая аудитория, пассивно потребляя продукцию СМИ, удовлетворяет тем самым свои специфические потребности [43; 9; 35; 61; 69].

В начале 1970-х гг. были предприняты попытки свести аргументацию в рамках данного направления в единую систему, придав ей некую общую перспективу. Находясь под большим влиянием социологической теории функционализма, концепция «использования и удовлетворения» внесла существенный вклад в разработку идеи «активной аудитории» в рамках модели «активного воздействия».

Другая перспектива была обозначена в работах Г.Гербнера и Л.Гросса, Н.Синьорелли и М.Моргана [20; 21; 60]. Созданное ими направление получило название cultivation analysis (анализ культивирования), поскольку его сторонников интересовала не столько активность аудитории, сколько долговременный кумулятивный эффект, возникающий в результате взаимодействия импульсов, образов, системы ценностей, которые лежат в основе разнообразных телевизионных программ [21, с.21]. Воздействие телепрограмм рассматривалось, таким образом, скорее в контексте «культивирования культуры», а не в плане влияния на изменение индивидуальных политических позиций.

Такой подход был окрещен в западной политологической литературе как «ревизионистский», поскольку он стремился преодолеть трудности концепции воздействия СМИ, исходящей из модели гомогенной, пассивной аудитории. Апелляция к методу контент-анализа с его акцентировкой объективного систематического изучения количественных переменных [7; 56; 19; 51; 55] не могла, однако, помочь решению проблемы, поскольку базисные предпосылки и социальная философия, лежавшие в основе «модели воздействия», оставались в сущности неизменными [40, с.14-15]. Это была философия индивидуализма, эволюционирующая под влиянием различных эмпирических социологических теорий в направлении более строгой, научно обоснованной концепции взаимодействия СМИ и индивидов [68, с.75-79].

В социологическом плане представления сторонников «модели воздействия» были вполне ортодоксальными: социальный мир состоит из акторов, преследующих свои собственные цели и осуществляющих выбор из тех средств, которые им доступны. Условия, в которых они действуют, фундаментально структурированы имеющими нормативный характер предписаниями относительно того чтó является допустимым действием. Политический процесс рассматривается с помощью вездесущей концепции социализации: роли определяют социальные позиции и нормативные ожидания, сопутствующие этим позициям; в ходе социализации нормы и цен-

ности, соответствующие нашим ролям, интериоризируются внутри культуры.

Системы ролей в свою очередь соотносятся с институциональными структурами, которые объединяются в сложный организм, сущностными элементами которого они и являются. В конечном итоге, на самом общем уровне всеобъемлющий культурный консенсус обеспечивает продолжительное функционирование всей системы.

Такого рода «социальная онтология» проявлялась в работах специалистов в области политической коммуникации самым различным образом. В простейшей своей форме она выражалась в вульгарном детерминизме, подталкивающем исследователей к простой фиксации «прямых» воздействий массовых коммуникаций на формирование и изменение позиций и ценностей. Эта тенденция, названная Д.Роном «сверхсоциализированной концепцией человека» [72, с.184] и предполагавшая взгляд на социального актора как на «культурного остолопа» [18], лежала в основе концепции пассивной манипулируемой аудитории, развивавшейся теоретиками «массового общества» и их последователями.

Более сложные версии лишь слегка ослабляли узы нормативных связей. Например, концепция «использования и удовлетворения» делала бóльший акцент на активную ориентацию аудитории с целью удовлетворения определенных потребностей - как в сфере политики, так и вне ее.

Тем не менее, источники потребностей и критерии выбора предполагались в рамках данной концепции в качестве нормативных и в принципе неизменных. Теоретически это может быть «активная аудитория», составленная из социальных акторов, ведущих переговоры относительно границ и условий использования информации, но этот переговорный процесс не стремится к нарушению консенсуса и культурных правил игры.

Модель «активного воздействия», находившаяся в русле классической западной социологической традиции, пренебрегала такими вопросами, как социальное конструирование значения, переводя эти вопросы, с одной стороны, в сферу технических задач контент-анализа, а с другой, ссылаясь на воспринимаемый как данность общий культурный контекст. В результате нередко возникала ситуация порочного круга: например, в наиболее прямолинейных теориях «массовой культуры» господство последней узаконивает веру в мощный эффект СМИ, в то время как убеждение в существовании данного эффекта делает правомерным вывод о возрастающей «массификации». При этом вариативность структур значения и проблема разнородности культурных пластов и социальной практики как бы исключалась из рассуждения.

Итак, следует признать, что варианты «модели воздействия», даже наиболее прогрессивные, оставляли неизменным взгляд на отношения меж-

ду обществом и индивидом и, следовательно, между аудиторией и средствами массовой коммуникации. Даже те исследователи, которые отвергали консенсусную модель социального порядка, предлагая вместо нее конфликтный и «манипулятивный мир», в котором господствуют СМИ, контролируемые борющимися политическими группировками, всегда сохраняли концепцию социализированного актора в качестве центральной.

«Модель воздействия» в том виде, в каком она была охарактеризована выше, привлекла внимание к «вредным эффектам» массовых коммуникаций вообще и СМИ, - в частности. На эти же последствия обратили внимание сторонники традиции «анализа текстов», сформировавшейся как реакция против различных элитарных теорий массовой культуры.

Первоначально это направление оформилось на основе противопоставления высокого искусства и утонченной культуры банальной потребительской культуре [58, с.4]. В дальнейшем (на рубеже 1950-1960-х гг.) оно было дополнено скрупулезным анализом популярных культурных текстов [67, с.47-68]. В дальнейшем к литературным критикам, искусствоведам и культурологам примкнули социологи, разочарованные ограничениями, которыми на них налагала ортодоксальная теория массовых коммуникаций, специалисты по теории образования и др. [29; 62; 70; 71].

Методологическую основу текстового анализа, составили структурализм и семиотика как наука, изучающая различные знаковые системы. Воздействие структурализма проявлялось в определенном понимании культурного «текста» путем разработки соответствующей техники анализа и установления «рабочих кодов» в соответствующих «языках». Это был путь, открывающий перспективу подхода к общей теории значения. Греша очевидным формализмом, структуралистский метод уделял особое внимание формальным качествам текстов и меняющимся контекстам, в которых они создавались и «прочитывались».

Решение этой, несомненно, трудной проблемы было предложено в рамках «структуралистского марксизма» Л.Альтюссера. В его анализе центральное место занимал субъект идеологии и ее функции, конституирующие конкретных индивидов в качестве «идеологических субъектов» [5, с.160].

Под влиянием альтюссеровской концепции детерминации субъекта идеологическими текстами специалисты, группировавшиеся вокруг «Бирмингемского центра современных исследований», обратились к изучению СМИ с целью выявления роли культуры во взаимодействии «базиса» и «надстройки», стремясь объединить в своем анализе психоанализ Лакана с концепцией гегемонии А.Грамши. Как свидетельствовали работы рубежа 1970-1980-х гг., такого рода теоретический синтез не только стимулировал

критическое отношение к традиционным социологическим теориям, но и многообразие поисков в сфере эмпирический исследований [30; 11].

В 1970-е гг. развитие «текстового анализа» совпало с кризисом эмпиризма в его применении к социальным наукам. Разрыв с эмпиризмом стимулировался составившими эпоху трудами Т.Куна, И.Лакатоса, П.Фейерабенда и др., создавшими предпосылки для развития конвенционалистских теорий в области философии науки [45; 46; 17]. Тем времен параллельное развитие реакции против «внешней» и «объективистской» социальной науки усиливало требование сделать интерпретацию значения в социальном действии центральным пунктом новой методологии исследования массовых коммуникаций. Сосредоточившись на изучении роли артефактов в общественной жизни, обладающих специфическим значением, «текстовой анализ» выдвинул проблему метода в качестве принципиальной. Каким образом можно обосновать истинность «текста» как в узком, так и в более широком социокультурном контексте, не прибегая ни к традиционной ссылке на эмпирическую очевидность, ни к не менее традиционным методам литературной или эстетической критики? Возникшая на основе этого требования постэмпирическая эпистемология активно использовала, как уже отмечалось выше, семиотику и психоанализ для обоснования принципов верификации новой теории значения.

Однако, начав с утверждения, что любые теории и, следовательно, знание являются социально детерминированными, сторонники этого направления, отбросив инструментальный эмпирический взгляд на теорию как орудие производства знания о действительности, превратили действительность в некую условность. В результате реальность оказалась поглощенной теорией. В рамках такой эпистемологии стало возможным создавать (в воображении, конечно) столько же реальностей, сколько возникло теорий для их объяснения [47, с.15-16]. Вследствие этого оказалось невозможным найти критерии различия данных теорий в их отношении к реальному миру. Возникла необходимость заменить конвенционалистский взгляд на теорию как на конституирующую мир перспективу концепцией, позволяющей, с одной стороны, взаимодействие между теориями, а с другой, - между теориями и феноменальным миром.

Фундаментальным в теории текстового анализа является отношение между «обществом» (значение которого интерпретируется различным образом в различных теориях), «текстом» и «читателем». Данное терминологическое трио фокусирует внимание на трех основных сферах: а) производстве, восприятии и потреблении культурных артефактов социальными агентами; б) воздействии «контекстуальных факторов» на эти процессы; в) той роли, которую эти процессы играют в более обширных социальных и исторических образованиях.

В границах такой ориентации можно выделить две взаимодействующие тенденции. Первая из них подчеркивала воздействие текста на позицию читателей, стремясь доказать, что структура их реакции (отклика) на «тексты» задана ими самими. Как отмечал Г.Тэрнер, «тексты всегда и неудержимо говорят нам как их следует понимать» [67, с.107]. Читатели, следовательно, «включены в идеологию» в зависимости от их «размещения в тексте». Таким образом, текст имеет читателей, «вписанных» в него, предлагая «предпочтительное (предпочитаемое) чтение» [48].

Главную тенденцию такого анализа можно усматривать в представлении о текстах как идеологических орудиях, определяющих предмет чтения. Но в таком случае, если тексты функционируют, определяя место читателей в качестве субъектов (культуры, политики, социума и т.д.), у читателей практически остается очень мало возможностей для «маневра» в процессе их интерпретации.

Сторонники данного направления подчеркивали, однако, что «полисемантичность» текста является вполне надежной гарантией против превращения социальных агентов в культурно оболваненных пассивных потребителей. Тем самым отбрасывался альтюссеровский детерминизм. При этом признавалось, что противоречивость и различные уровни свободы в истолковании текста сами по себе являются внутренним свойством полисемантических систем, даже если тексты рассматриваются в их отношении к доминирующему типу культуры [27; 28]. В процессе «декодирования» читатель может воздействовать на сам процесс чтения, может противостоять «предпочтительному чтению», являясь в этом смысле активным социальным агентом.

И все же, даже при наличии интерпретативной свободы, деятельность и воображение действующих индивидов ограничены типом культуры, в рамках которой они проходят процесс социализации. Потребляемые ими тексты не могут с необходимостью программировать их социальную позицию. Существуют возможности сопротивления и «преодоления», заложенные, как уже отмечалось выше, в самой природе полисемантичности. Тем не менее, окончательно преодолеть влияние идеологии (контролирующее и сдерживающее) невозможно [3, passim].

Анализ работ теоретиков «текстового анализа» подводит к мысли, что различия в теориях нередко зависят от того, какой из категориальных пар - «общество-индивид», «идеология-субъект» или «текст-читатель» - отдается предпочтение. В большинстве этих теорий общество воспринимается как система, принуждающая индивида преимущественно посредством идеологии. Это достигается благодаря способности идеологии «конституировать субъектов». По мере конституирования возникает отношение между текстом и читателем при детерминирующей роли первого. Таким об-

разом, процесс чтения создает жизненно важный микромеханизм, при помощи которого осуществляется связь между обществом и индивидом на макроуровне.

В 1980-е гг. вновь были предприняты попытки рассматривать «чтение» как более открытый процесс (взгляд, широко распространенный в постструктуралистских концепциях). Это, в свою очередь, привело к возобновлению интереса к взгляду на аудиторию как на структуру, активно воздействующую на отношение «текст-читатель». Тем не менее, в концептуальном плане эти попытки не выходили за пределы дуалистической онтологии, характерной для работ 1970-х гг. Традиционная модель детерминации – «общество-идеология-текст» уступила место тезису о творческих возможностях триады «индивид-субъект-читатель» с сильным акцентом на активную роль аудитории.

В известном смысле «текстуальный анализ» развивался параллельно и примерно в том же направлении, что и дискуссии в современной социологии вокруг роли макро- и микроструктур в социально-политических процессах [4; 47; 34; 13]. Из предшествующего краткого обзора методологии анализа массовых и политических коммуникаций в рамках социологических и культурологических моделей, распространенных в западной науке, становится очевидным, что изучение СМИ как в узком, непосредственном, так и в более общем культурном контексте во многом зависит от статуса теории, которая находится в основе такого изучения. Дискуссии последних тридцати лет выявили серьезные методологические трудности анализа СМИ в рамках традиционной «модели воздействия», хотя данная модель по-прежнему остается популярной особенно среди теоретиков социалистического и леворадикального направления [8; 47].

Но если «модель воздействия» (как и ряд других моделей в социологии) страдали от ритуального преувеличения эмпирических методов, «текстуальный анализ» страдал от преувеличенного теоретизирования, связанного во многом с конвенционалистской критикой социологического эмпиризма и стремлением выявить относительный характер полученных с его помощью данных.

В настоящее время является несомненным, что многие специфические методы анализа, возникшие в русле обеих традиций должны играть большую роль в изучении современных СМИ. Количественные данные, систематический анализ исторического материала, психоаналитически и семиотически обоснованные интерпретации текстов, сбор данных о характере их прочтения с помощью интервьюирования, периодические наблюдения за аудиторией - все эти направления могут стать существенными элементами для построения теоретической модели анализа СМИ в структуре политических коммуникаций.

Приведенный выше обзор может, на наш взгляд, свидетельствовать также в пользу того мнения, что несмотря на различия в мировоззренческих позициях «модель воздействия» и «текстуальный анализ» функционировали в рамках сходной онтологической системы, выдвигая на передний план дуалистические схемы – «индивид и общество», «структура и действие», «текст и читатель» и т.д. Более того, на первой стадии развития обе традиции постоянно склонялись в сторону одного из полюсов биполярной структуры, подчеркивая относительную пассивность индивида как социального агента, которого связывают (посредством социализации, места в идеологической системе, обусловленной текстом субъективности и т.д.) общество, СМИ, язык, текст. Позднее сформировались резко альтернативные гипотезы, которые преувеличивали значение «другой стороны» - способности индивида действовать автономно. Например, концепция «использования и удовлетворения», став преемницей традиционной «модели воздействия», выдвинула идею активной аудитории.

Такие альтернативы, конечно, не могут рассматриваться как исключительно ложные. Но, играя роль именно альтернатив, они не могли преодолеть традиционные для этих концепций противоречия.

В 1970-1980-е гг. одна из наиболее творческих попыток преодолеть окаменевший дуализм была предпринята английским социологом А.Гидденсом [22; 23; 24]. Основная задача, которую он перед собой поставил, заключалась в стремлении разработать новые основания социальной теории для того, чтобы преодолеть традиционные дуалистические дихотомии, отличавшие как «модель воздействия», так и «анализ текста». Сердцевиной проблемы, как полагает Гидденс, является признание учеными всеобщего дуализма «объективизма» и «субъективизма». «Под первым из этих понятий, - отмечал Гидденс, - я подразумеваю ту перспективу в социальной теории, в соответствии с которой социальный объект, т.е. общество, обладает приоритетом над индивидуальным агентом, и в котором общественные институты рассматриваются в качестве главного компонента социального анализа. Субъективизм, в сущности, означает противоположность объективизма. В соответствии с его точкой зрения, человек как действующее лицо рассматривается как центральный пункт социального анализа» [25, с.530].

Альтернатива А.Гидденса - теория структурации - заключалась в новой концептуальной трактовке этого дуализма в виде «двойственности структуры» (duality of structure), основанной на онтологии, в которой объективное и субъективное, структура и деятельность рассматриваются не как полярные противоположности, но как глубоко взаимосвязанные между собой элементы.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время стало очевидным, что противоположность между объективизмом и субъективизмом была центральным пунктом в социологическом и культурологическом исследовании СМИ. Обе традиции продемонстрировали аналогичное смещение акцентов от первоначального «базового» объективизма в сторону субъективизма. В этом смысле, как нам представляется, подход Гидденса оказался одним из наиболее перспективных вариантов синтеза всего ценного, созданного обеими традициями.

Разумеется, его теоретическая позиция не была единственной. На рубеже 1980-1990-х гг. появились теории, обосновывавшие новые подходы к изучению СМИ в различных культурных контекстах, авторы которых разделяли некоторые положения Гидденса [52; 64; 66].

Итак, А.Гидденс стремился дать новую концептуальную трактовку отношению между структурой и действием без установления приоритета случайности или, наоборот, онтологической причинности при их взаимодействии друг с другом: в общем плане структура и действие всегда предполагают друг друга, но в такой форме, которая не может быть адекватно выражена в рамках традиционного методологического дуализма. Структура - это внешняя принуждающая «сила». Потенциально она всегда является сдерживающей и стимулирующей к действию, подобно тому, как язык равным образом ставит ограничения тому, что мы способны сказать, одновременно являясь необходимым условием нашей способности говорить. Структура не является также просто описательной концепцией, как это часто представлялось сторонниками применения методов естественных наук в социологии и политологии. Для Гидденса структура наблюдается только в своих проявлениях, в определенным образом упорядоченных формах социальной активности, условием и следствием которых она одновременно является. Заимствуя ряд положений у структурализма (правда, с существенными модификациями), он рассматривает структуру как целостность, определяющую структурирующие свойства, «создающую возможность для существования в различных промежутках времени и пространства аналогичных видов социальной практики, поддающихся различению и придающих им "системную" форму» [24, с.17].

В свою очередь, деятельность соотносится не с направленными дискретными актами, но с потоком (flow) поведения, совершаемого индивидами, который имеет место в рамках условий (признаваемых или не признаваемых ими) и последствия которого не являются целенаправленными, включая воспроизведение структурированных социальных отношений.

Гидденс различает три вида «сознания», которыми индивиды могут обладать в процессе своей деятельности: 1) «дискурсивное сознание» - ближайшее с точки зрения повседневного словоупотребления, которое

означает способность социальных акторов сообщать о своих намерениях, позициях, чувствах и т.д.; 2) на другом полюсе находится «бессознательное» - сфера подавления мотивов и желаний, не артикулируемых самими социальными акторами (и не доступных им непосредственно); 3) между ними находится «практическое сознание», т.е. «все вещи, относительно которых акторы могут молчаливо предполагать - как они развиваются в контекстах социальной жизни, будучи не в состоянии дать им прямое дискурсивное выражение» [24, с.XXIII].

Акцент на том, кого А.Гидденс называет «квалифицированным, хорошо осведомленным субъектом» (skilled knowledgeable subject), подводит его к концептуальной формулировке структуры значения, расположенной, в первую очередь, «в методологическом аппарате, запечатленном (embedded) в практическом сознании рутины повседневной социальной жизни» [25, с.538] и тем самым к усилению внимания к роли установившейся практики и шаблонам (routinization).

Естественно, возникает вопрос - каким образом эти новые социологические формулы могут быть применены для обоснования новых принципов исследования СМИ? И в традиционной теории массовых коммуникаций, и в обозначенных выше способах их исследования речь всегда, как правило, шла о специфических видах культурных образований (артефактах, текстах) и социальной практике, связанной с их производством и потреблением. Тексты и соответствующие виды социальной практики являются структурированными, они существуют в пространственно-временной сфере и являются особыми случаями «ситуативной активности людей». Они являются, следовательно, результатами специфических процессов производства и воспроизводства социальными агентами системных социальных отношений. На самом общем уровне вопрос должен ставиться так - каким образом производятся и воспроизводятся тексты и соответствующие виды социальной практики? Как они соотносятся с производством и воспроизводством других форм общественной деятельности? Создаваемые эвристические модели должны не просто указывать - как именно идеология принуждает или как аудитория использует свободную игру источников информации. Они должны выявлять механизм, при посредстве которого структура и деятельность постоянно взаимодействуют в процессе идентификации и формулирования отношений между сферами, определяющими структуру и многообразие сознания, в котором отражается деятельность.

Таким образом, в процессе создания таких моделей внимание может фокусироваться на практическом осознании индивидами текстовых систем или же на деятельности институтов, создающих эти системы. Разумеется, речь идет только о формировании теоретических принципов, обосно-

вывающих методологию анализа СМИ в политическом процессе. Концепция «практического сознания» А.Гидденса, опиравшаяся на очень давнюю, восходящую к Аристотелю, традицию политической и социологической мысли, представляется чрезвычайно важной, поскольку выражаемый ею аспект анализа очень часто оказывался в пренебрежении при изучении массовых коммуникаций. Способность людей конструировать тексты может быть сравнима только с самим процессом, в результате которого эти значения становятся общими для обширных человеческих групп. СМИ, выступая в сфере политики как коммуникационная система, порождающая специфическую структуру политических текстов и смыслов, должны изучаться с позиций постоянно совершенствуемой методологии.

Литература:

1. Иголкин А. Пресса как оружие власти. // Ярлыки и мифы. - Москва, 1996.
2. Мельник Г.С. Mass-Media: психологические процессы и эффекты. - Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.
3. Abercrombie N., Hill S., Turner B. The Dominant Ideology Thesis. – London, 1980.
4. Alexander J.C., Giesen B., Munch R., Smelser N.J. (Eds.). The Macro-Micro Link. - Berkeley, 1987.
5. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. // Althusser L. Lenin and Philosophy and Other Essays. - London, 1971.
6. Bennett W.L. The Ritualistic and Pragmatic Bases of Political Campaign Discours. // Quarterly Journal of Speech. #63, 1977, p.219-138.
7. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. - Glencoe, IL, 1952.
8. Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. - Brighton, 1979.
9. Blumler J.G., Katz E. (Eds.). The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratification's Reseach. - Beverly Hills, London, 1974.
10. Brody R. Assessing Presidential Character: The Media, Elite Opinion and Public Support. - Stanford, 1991.
11. Carey J.W. Communications as Culture: Essay on Media and Society. – Boston, 1989.
12. Chaffee S.H. (Ed.). Political Communication. - Beverly Hills, 1975.
13. Clark J., Modgil C., Modgil S. (Eds.). Anthony Giddens: Consensus and Controversy. - London, 1990.
14. Debray R. Cours de mediologie generale. - Paris, 1991.
15. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. - Chicago, 1988.

16. Fan D.P. Predictions from the Mass Media: Content Analysis and Mathematical Modeling. - Westport, CT, 1988.
17. Feyerabend P. Against Method. - London, 1975.
18. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. - Engelwood Cliffs, NJ, 1967.
19. Gerbner G., Holsti O.R., Kippendorf K., Paisley W.J., Stone P.J. (Eds.). The Analysis of Communication Content. - New York, London, Sydney, Toronto, 1969.
20. Gerbner G., Gross L. Living with Television: The Violence Profile. // Journal of Communication. #26(2), 1976, p.173-199.
21. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorelli N. Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process. // Bryant J., Zillmann D. (Eds.). Perspectives on Media Effects. - Hillsdale, NJ, London, 1986.
22. Giddens A. New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies. - London, 1976.
23. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action Structure and Contradiction in Social Analysis. - London, 1979.
24. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of Theory of Structuration. - Cambridge, 1984.
25. Giddens A. Action, Subjectivity and the Constitution of Meaning. // Social Research. #53, 1986, p.529-545.
26. Gurevitch M., Blumler J.G. Political Communication Systems and Democratic Values. // Graber D.A. (Ed.). Media Power in Politics. 3-d Edition. – Washington, 1994.
27. Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms. // Media, Culture & Society. #2, 1980, p.57-72.
28. Hall S. Encoding / Decoding. // Hall S., Hobson D., Lowe A., Willis P. (Eds.). Culture, Media, Language. - London, 1980, p.128-138.
29. Hall S., Whannel P. The Popular Arts. - London, 1964.
30. Hall S., Hobson D., Lowe A., Willis P. (Eds.). Culture, Media, Language. - London, 1980.
31. Hart R.P. Verbal Style and the American Presidency. - New York, 1984.
32. Hart R.P. The Sound of Leadership. - Chicago, 1987.
33. Held D. Models of Democracy. - Stanford, 1987.
34. Held D., Thompson J.B. (Eds.). Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics. - Cambridge, 1989.
35. Herzog H. Professor Quiz: A Gratification Study. // Lazarsfeld P.F., Stanton F.N. (Eds.). Radio Reseach. - New York, 1942.
36. Iyengar S., Lenart S. Beyond "Minimal Consequences": A Survey of Media Political Behavior Annual. Vol.2. Long S. (Ed.). - Boulder, CO, 1989.

37. Jacobs L.R., Shapiro R.Y. Toward the Integrated Study of Political Communications, Public Opinion and the Policy-making Process. // Political Science & Politics. Vol.XXW, #1, March, 1996.
38. Jamieson K.H. Packaging the Presidency: A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising. - New York, 1984.
39. Jamieson K.H. Dirty Politics. - New York, 1992.
40. Jamieson K.H., Cappella J.N. Bridging the Disciplinary Divide. // Political Science & Politics. Vol.XXIX, #1, 1996.
41. Kernell S. Going Public: New Strategies of Presidential Leadership. – Washington, DC, 1986.
42. Klapper J.T. The Effects of Mass Communications. - Glencoe, IL, 1960.
43. Klapper J.T. Mass Communication Research: An Old Road Resurveyed. // Public Opinion Quarterly. N27, 1963, p.515-527.
44. Kraus S., Davis, D. The Effects of Mass Communication on Political Behavior. - University Park, PA, 1976.
45. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. - Chicago, London, 1962.
46. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs. // Lakatos I., Musgrave A. (Eds.). Criticism and the Growth of Knowledge. - Cambridge, 1970.
47. Lovell I. Pictures of Reality: Aesthetics, Politics and Pleasure. - London, 1980.
48. MacCabe C. Realism and the Cinema: Notes on Some Brechtian Theses. // Screen, #15 (2), 1974, p.7-27.
49. Mc Combs M., Shaw D. The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press. - St. Paul, MN, 1977.
50. Mc Quail D. Mass Communication Theory. - London, 1987.
51. Miller W., Goldenberg E.N., Erbling L. Typ-Set Politics: Impact of Newspapers on Public Confidence. // American Political Science Review. #73, 1979, p.67-82.
52. Murdock G. Critical Inquiry and Audience Activity. // Dervin B., Grossberg L., O`Keefe B.J., Wartella E. (Eds.). Rethinking Communication. Vol.2 Paradigm Exemplars. - London, 1989, p.226-249.
53. Page B.I., Shapiro R.Y. The Rational Public. - Chicago, 1992.
54. Page B.I., Shapiro R.Y., Dempsey G.R. What Moves Public Opinion. // American Political Science Review. #81, March, 1987.
55. Patterson Th. Out of Order. - New York, 1993.
56. Poll I. de Sola (Ed.). Trends in Content Analysis. - Urbana, IL, 1959.
57. Schulz W. One Campaign or Nine. // Blumler J.G. (Ed.). Communicating to Voters: The Role of Television in the First European Parliamentary Elections. - Beverly Hills, Calif., 1983.

58. Shils E. Mass Society and its Culture. // Jacobs N. (Ed.). Culture for Millions? - Princeton, NJ, 1961.
59. Shramm W. The Nature of Communication between Human. // The Process and Effect of Mass Media. - Urbana, 1971.
60. Signorelli N., Morgan M. Cultivation Analysis: New Directions in Media Effects Research. - Newbury Park, London, New Delhi, 1990.
61. Suchman E. An Invitation to Music. // Lazarsfeld P.F., Stanton F.N. (Eds.). Radio Research. - New York, 1942.
62. Thompson D. (Ed.). Discrimination and Popular Culture. – Harmondsworth, 1964.
63. Thorson E., Christ W.G., Caywood C. Effects of Issue-Image Strategies, Attack and Support Appeals, Music and Visual Content in Political Commercials. // Journal of Broadcasting and Electronic Media, #35, 1991, p.465-486.
64. Tudor A. Monsters and Mad Scientists: A Cultural History of the Horror Movie. - Oxford, Cambridge, MA, 1989.
65. Tudor A. Culture, Mass Communication and Social Agency & Society. Vol.12. - London, Thousand Oaks, New Delhi, 1995.
66. Tulloch J. Television Drama: Agency, Audience and Myth. - London, New York, 1990.
67. Turner G. British Cultural Studies. - Boston, 1990.
68. Wilson T.P. Normative and Interpretative Paradigms in Sociology. // Douglas J.D. (Ed.). Understanding Everyday Life. - London, 1971.
69. Wolfe K.M., Fiske M. Why Children Read Comics. // Lazarsfeld P.F., Stanton F.N. (Eds.). Communication Research. - New York, 1949.
70. Wood R. Hitchcock`s Films. - London, 1965.
71. Wood R. Howard Hawks. - London, 1968.
72. Wrong D.H. The Oversocialised Conception of Man in Modern Sociology. // American Sociological Review. #26, 1961, p.183-193.
73. Zaller J.R. The Nature and Origins of Mass Opinion. - New York, 1992.

Представлена в редакцию
12 декабря 2013 года

Рецензент – ***Михаил ГУЗУН***, доктор филологических наук, доцент

GÎNDIREA POLITICĂ A CRONICARILOR

Nicolae LAIU
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Politice şi Economice Europene „Constantin Stere”, Facultatea Relaţii Internaţionale şi Ştiinţe Politice
Doctor în istorie, conferenţiar

Cezar MÎNĂSCURTĂ
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Politice şi Economice Europene „Constantin Stere”, Facultatea Relaţii Internaţionale şi Ştiinţe Politice
Doctor în ştiinţe politice, conferențiar, șef-catedră

În lucrarea prezentată sînt elucidate problemele referitoare la gîndirea politică medievală din Moldova. Important pentru această perioada a fost activitatea cronicarilor care şi-au adus aportul său la descrierea şi analiza evenimentelor care s-au produs în Moldova.

The problems of medieval political thoughts from Republic of Moldova are elucidated in this article. The most important for this period was the work of chroniclers who contributed his description and the analyze of the events that accured in Moldova.

Un rol important în exprimarea gîndirii politice la etapa dezvoltării raporturilor feudale de producţie a avut-o literatura istorică. Autorii scriirelor istorice au atras o atenţie deosebită fenomenelor politice care reflectau raporturile dintre domnitor şi boerime, a rolului a clasei ţărăneşti al atitudinii faţă de formele de guvernare. În ţările române literatura istorică s-a manifestat preponderent prin forma cronicilor. Referindu-ne la această formă menţionăm scrisoarea lui Ştefan cel Mare trimisă principilor creştini după victoria de la Vaslui. Din această perioadă datează şi prima cronică domnească „Letopiseţul de cînd s-a început Ţara Moldovei” scrisă în cancelaria voevodului Ştefan.

Autorii anonimi consacră cea mai mare parte a Letopiseţului întinsei domnii a lui Ştefan cel Mare glorificînd luptele de apărare a ţării. Îmbinînd relatarea faptelor văzute şi trăite cu exprimarea emoţională şi dramatizată a situaţiilor concrete, cronicarii curţilor domneşti prin temelia expunerii narative, care a transformat cronica expunerii în genul major al literaturii noastre vechi.

Primele cronici din Moldova scrise sub forma de anale eflectă principiul autocratismului domnesc în care domnul este considerat ca unicul conducător al statului feudal centralizat. În cronici este argumentată concepţia feudală prin care domnul este reprezentantul divinităţii care înfăptuieşte voinţa divină.

Primii cronicari au scris din porunca domnitorilor. Macarie scrie din porunca lui Petru Rareş „Letopiseţul de cînd s-a început Ţara Moldovei”, „pentru ca să nu fie acoperite în mormîntul uitării lucrurile ce s-au întîmplat în vremile şi în stăpînirile trecute şi care au ajuns pînă la noi”. Creator de şcoală Macarie nu face numai descriere istorică, dar şi expunere memoralistică relatînd evenimente la care a fost martor ocular.

Eftimie, ucenic al lui Macarie continue cronica acestiua scriind din porunca lui Lăpuşneanu pentru ai justifica cruzimea faţă de boieri. Stilul de expunere este mai simplu şi mai accesibil în comparaţie cu cel al lui Macarie.

Azarie un alt ucenic al episcopului Macarie continue „Cronica Moldovei” într-o manieră părtinitoare acuzînd domniile lui Despot-Vodă şi al lui Ion-Vodă-Viteazul, care în dorinţa de a instaura o domnie autoritară îşi atraseră ura boierilor. Azarie scrie cronica sa la porunca domnitorului Petru Şchiopu.

Cronicile expuse de aceşti cronicari prezintă interes pentru materialele interesante, dar valoarea lor este scăzută din motivul expunerii la comanda domnitorilor şi în aprecierea domniilor acestora.

Activitatea cronicărească ajunge la strălucire în secolele XVII-lea şi al XVIII–lea prin personalităţi eminente ca: Grigore Ureche, Miron Cosin, Ion Neculce. Din cronicile acestor autori reiese sentimentul utilităţii, conştiinţa că datorită eforturilor lor, nu se va uita „cursul vremurilor” şi un întreg popor îşi va putea contempla trecutul.

Gr.Ureche mărturiseşte că a scris „ca să nu să înece a toate ţările anii trecuţi şi să nu se ştie ce s-au lucrat să se asemene fierălor şi dobitoacelor celor mute şi fără minte”, iar Costin „ca să nu se uite lucrurile şi cursul ţării”. În concepţia cronicarilor, istoria era purtătoarea unor valori educative care după Ureche „să rămîie feciorilor şi nepoţilor, să le fie de învăţătură, despre cele rele să se ferească şi să se socotească, iară dupre cele bune să urmeze şi să se înveţe şi să se îndăreptere” [1, p.23]. În acelaşi sens gîndesc şi M.Costin şi I.Neculce.

Scrierea cronicilor reprezintă un mare act patriotic prin reflectarea doleanţei generale de eliberare de sub jugul otoman, prin aspiraţia spre independenţă şi suveranitate naţională, sentimente care au trecut din viaţă în istorie, iar din istorie în cronici şi pe care vechii noştri cărturari le-au trăit cu intensitate şi dramatism.

Fiind personalităţi instruite cronicarii s-au folosit în scrierile sale de o documentare bogată ceea ce lea permis să aducă în discuţie o serie de teze pe care au încercat să le fundamenteze cu argumente ştiinţifice. Practica şi experienţa lor politică dobîndite în timpul cît şi-au exercitat funcţiile de înalţi dregători i-au ajutat să privească realist unele fenomene politice şi să formuleze o serie de principii referitoare la organizarea statului şi activitatea politică.

Referindu-se la expunerea conceptului despre lume ei nu reuşesc să se desprindă de sub influenţa teologică medievală care domina în aceea perioadă, recur-

gînd la divinitate pentru a explica evenimentele şi relaţiile social-politice. Cronicarii rămîn la concepţia determinismului divin şi a originii divine a puterii domnitorului. M.Costin afirma „Domnul ori bun ori rău la toate primejdiile feritu trebuieşte, că oricum este, de la Dumnezeu este” [2].

La cronicari concepţia religioasă se împleteşte cu note de pesimism exprimate ca rezultatul unor constatări în contextul evenimentelor de atunci deoarece cronicarii au ştiut să se ridice pînă la nivelul înţelegerii sarcinilor politice generale ale ţării militînd pentru realizarea lor. Reflectînd situaţia grea a ţării, aspiraţiile maselor largi populare, cronicarii fiind patrunşi de un sentiment aprofundat patriotic au scris despre necesitatea vitală de lupta împotriva jugului otoman pentru înlăturarea acestuia.

Sentimentele înalte de patriotism înflăcărat şi dragoste faţă de ţară şi popor i-au determinat să se pronunţe în problema originii poporului şi a limbii române. Reeşind din analiza profundă şi argumentată ştiinţific ei au susţinut tezele originii romane comune a românilor din toate ţările româneşti, a continuităţii lor în Dacia şi a latinităţii limbi noastre, străduindu-se să aducă argumente istorice lingvistice în sprijinirea lor.

Ei au combătut cu indignare afirrmaţiile istorice false şi jignitoare la adresa originii poporului român.

Elogierea faptelor de glorie din trecutul de luptă a poporului pentru independenţa naţională urmărind scopul de a apăra drepturile şi demnitatea neamului nostru să trezească dragostea de patrie şi să moblizeze la lupta împotriva cotropitorilor.

Referindu-se la problema raporturilor dintre domnitor şi boerime cronicarii s-au situat pe poziţiile de apărare a intereselor clasei sale şi au luat atitudinea împotriva domniilor autoritare. Critica adresată regimurilor autoritare, despotice a puterii de către domnitor conţine elemente interesante în aprecierea acestora.

Gr.Ureche considera că starea de anarhie şi nesiguranţă din Moldova era o urmare şi a faptului că „nici legile nici tocmeala ţării pre obicee bune nu-s legate, ci toată direptatea au lăsat pre acel mai mare, ca să o judece şi ce i-au părut lui, ori bine ori rău aceia au fost lege, de unde au luat voie aşa mare şi vîrf”.

Opinia critică la adresa domniilor autoritare au expus-o M.Costin şi I.Neculce.

Cronicarii şi-au formulat concepţiile sale de pe poziţia clasei boiereşti şi în problema organizării statului şi raporturilor dintre domnitor şi boierime. Ei se pronunţă hotărît pentru îngrădirea autocraţiei domneşti şi consolidarea poziţiilor marilor boieri la conducere care s-ar manifesta pozitiv pentru destinele ţării. Deoarece domnitorul este înscăunat prin voinţa divină, nu trebuie să cîrmuiască de unul singur, ci împreună cu boierii întruniţi în divan de a căror părere trebuie să ţină cont ca şi de legile interne ale ţării. Domnitorul trebuie să ţină seamă de boerii deoarece boierii sînt reazemul de nădejde al statului.

Referindu-se la problema luptei pentru independenţă Gr.Ureche şi M.Costin consideră că Moldova nu va putea cu forţele proprii să-şi cucerească libertatea, acest desiderat este posibil de realizat numai cu ajutorul acordat de un stat mai puternic văzînd această forţă în statul polonez care prezenta în acea perioadă o forţă impunătoare.

Este de menţionat faptul că conjuctura politica internaţională a evoluat cu schimbări esenţiale în regruparea forţelor principale ale actorilor politici pe continentul european. Reeşind din aceste realităţi cronicarul I.Neculce spre deosebire de predecesorii săi este convins că eliberarea Moldovei poate fi o realitate numai cu ajutorul Rusiei care se afirmase drept o mare putere europeană.

Letopiseţul lui Gr.Ureche descrie evenimentele din istoria Moldovei de la „descălecatul al doilea" întemeirea Moldovei 1359 adică de la Dragoş Vodă pînă la a doua domnie a lui Aron Vodă 1594. Va fi publicat pentru prima dată în 1852 de către Mihail Cogâlniceanu. Cronicarul scrie letopiseţul „din dragostea ţării" şi el trebuie să fie pentru generaţiile care vor urma un izvor de înţelepciune, să ofere oglinda vieţii strămoşilor, să fixeze în memoria lumii nu numai a neamului „începătura" adică actul de naştere ca popor momentele importante ale evoluţiei.

Este o epocă de mari frămîntări care îl fac pe cronicar să vorbească despre Moldova ca despre „o ţară mişcătoare şi neaşezată" aflată în „calea răutăţilor" din cauza cărora „de multe ori să facă războaie ca să se apere ţara şi pămîntul său", prădată şi arsă de tătari şi turci bîntuită „de foamete mare" de ierni „cu omet mare şi ger", de cutremur de pămînt şi „stea cu coadă sau cum-i zic unii cometă" cu rare vremuri de bucurie şi linişte.

Referindu-se la identitatea enică cronicarul susţine că limba română este de provinienţă latină, iar moldovenii, muntenii, transilvanenii constituie un singur popor. „Românii câţi să află locuitor în Ţara Ungurească şi la ardeal şi la Maramureş de la un loc suntu cu moldovenii şi toţi de la Răni se trag" [1, p.63].

Rezumînd am menţiona că conceptul politic a cronicarilor emana un patriotism, militant al eliberării ţării de sub ocupaţia otomană concomitent cu apărarea poziţiei clasei feudale exponent al cărei era.

M.Costin este continuatorul cronicii lui Gr.Ureche în care locul principal îl ocupă „Letopiseţul Ţării Moldovei de la Aron-Vodă încoace" şi „De neamul moldovenilor, din ce ţară au ieşit strămoşii lor " el mai scrie primul poem de meditaţie filosofică „viaţa lumii", „Istoria în versuri polone despre Moldova şi Ţara Muntenească", memorii şi altele. Letopiseţul lui M.Costin ca şi al lui Gr.Ureche este publicat pentru prima dată de M.Cogâlniceanu în 1852.

Cea mai luminată minte a secolului XVII a lăsat un număr însemnat de lucrări istorice şi poeme în limba română şi polonă, unde un loc deosebit revine „De neamul moldovenilor"[2] în care cronicarul tratează problema originilor ca răspuns la denaturările aduse de copiştii cronicii lui Gr.Ureche, îndeosebi împo-

triva lui Simion Dascalul. Patriotismul este exprimat prin susţinerea tezelor etnogenezei: romanitatea poporului român, latinitatea limbii române, continuitatea românilor în Dacia, unitatea poporului român.

Temelia concepţiei social-politice a lui M.Costin este credinţa în Dumnezeu care îşi manifestă puterea sa prin acţiunile oamenilor, argumentînd astfel originea divină a puterii domneşti.

I.Neculce reprezintă ultimul mare cronicar al Moldovei care a scris „Letopiseţil Ţării Moldovei de la Dabija Vodă pînă la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat” [3]. În letopiseţ sînt descrise evenimentele care s-au produs în Moldova anii 1661-1743. Autorul continuă cronica lui M.Costin în care ca martor şi participant al diferitor evenimente, care au avut loc în Ţara Moldovei descrie şi apreciază cu o veridicitate mai convigătoare comparativ cu predecesorii săi.

O atitudine categorică întîlnim la I.Neculce în aprecierea regimului turco-fanariot martorul căruia a fost cronicarul. El critică vehement conducerea fanariotă a ţării care cumpărînd la sultan scaunul Moldovei prădău poporul pustiind ţara. Împărtăşind ura poporului faţă de cotropitorii străini Neculce caută să arăte contemporanilor săi calea ce ar duce la eliberarea ţării de la exploatarea otomană. În acest context cronicarul descrie cu lux de amănunte mişcările antigreceşti din Moldova la răscrucea secolelor 17-18 care indirect chemau la luptă sfîntă împotriva cotropitorilor.

Apreciind opera lui I.Neculce menţionăm faptul, că cronicarul face un pas înainte în descrierea şi aprecierea evenimentelor şi fenomenelor social-politice pentru perioada corespuzătoare.

Bibliografie

1. Ureche Gr. Letopiseţul Ţării Moldovei. - Chişinău, 1990.
2. Costin M. Letopiseţul Ţării Moldovei. - Chişinău, 1991.
3. Neculce I. Letopiseţul Ţării Moldovei. - Chişinău, 1990.
4. Istoria gîndirii politice în Moldova. Partea I. - Chişinău, 1994.
5. Juc V. Din istoria gîndirii politice româneşti. - Chişinău, 1997.

Prezentat la redacție
la 25 martie 2014

Recenzent – ***Iulia GORINCIOI***, doctor în filosofie, conferențiar

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ SI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

EU MIGRATION POLICIES IN MODERN TIMES

Eugeniu BURDELNII
Republic of Moldova, Chisinau, Parliament of the Republic of Moldova, Foreign Affairs Department,
Deputy Director, MA in Politics, Security and Integration; Ph.D. candidate, Political Sciences Department, Moldova State University

Since the end of the 1960s European Union's immigration policies followed an irregular trend as a consequence of the different characteristics that migrations had at international level and of the different perception that the immigration States have of this process. However, since that time, the migration processes started to pass through radical *structural* and *qualitative* transformations, being characterized no more as an unidirectional, permanent and definitive *event*, but rather as an open, circular and reversible *process*, a sort of "*pendular movement*" there and back, which is possible due to continuous advance of means of communication and transport [2, p.8].

In November 2000, the Commission published a *Communication on a Community Immigration Policy* [7] in which it recognized that immigration has an important role to play in increasing Europe's growth potential and realizing the goals of the Lisbon Strategy, adopted in 2000, more generally. In addition, it notes a growing recognition that the «zero» immigration policies of the past 30 years are no longer appropriate and that channels for legal immigration to the Union should be made available for labor migrants [18, p.3-4].

Governments and EU institutions are more and more accepting that it is impossible to stop migration, in fact they are focusing their attention on 'migration management'. In this context, which emerged already at the end of the 1990s, debates on migration policy have arisen, for instance on how migration policies and development policies can be combined so that the effects of migration are positive for both developed and developing countries [2, p.5]. The development of policy has seen a shift of emphasis from an inter-governmental approach to developing common EU policies in specific areas, towards a renewed emphasis on national control and intergovernmental co-operation [8, p.3].

In context, Professor Messina of Trinity College (Dublin, Ireland) argues that "*immigration-related issues have transcended their historical status as 'low' questions of domestic public policy to become 'high' issues of national and, increasingly, supranational policy and politics*" [2, p.25].

Generalizing, EU migration policies encompassed four aspects as regards efficient migration management [6, p.7]:

- Policies aimed at regulation and control of migration flows;
- Policies aimed at combating irregular migration and illegal employment of foreign workers;
- Policies aimed at integration of immigrants;
- Policies aimed at international cooperation in the migration field.

These policies are reflected in EU directives, as well adopted strategies and programs in the migration field [6, p.8].

The following EU key migration programs could be mentioned [6, p.11]:

- *Tampere Program* (1999), which introduced common asylum policy;
- *The Hague Program* (2005) adopted at the European Council of 4 and 5 November 2004, sets out 10 priorities for the Union with a view to strengthening the area of freedom, security and justice in the next five years (2007-2013). This program defined a balanced approach to both regular and irregular migration, proposing concrete actions for combating irregular migration and trafficking in human beings, as well as concrete action plans. *Policy Plan on legal migration*, as well *The European Job Mobility Action Plan* (2007-2010) could be mentioned in this regard [6, p.11].
- *Global Approach to Migration (GAM)*, adopted by the European Council in 2005 [17] and 2006 [9]. This comprehensive approach refers to all stages of migration, following the use as of benefits of legal migration, as security policies for combating irregular migration and trafficking in human beings. As a policy approach, GAM looks like a good attempt to minimize tensions surrounding EU migration policy, giving equal weight to all its components and pooling the competences and resources of the EU and the Member States. However, the different political interests of the Member States seem to strain the policy framework. Naturally, old colonial powers and Southern Member States are more interested in safeguarding their position *vis-à-vis* African partners. Likewise, Central European Member States focus their cooperation on Eastern Europe, Russia and the Caucasus [23, p.6].
- *The Stockholm Program* [21] set ups EU priorities for the field of justice, liberty and security for the period 2010-2014. According to the Program, the EU should continue to develop its integrated border management and visa policies to streamline the access of third country nationals in Europe, ensuring the security of its citizens. On the basis of the *European Pact on Immigration and Asylum* (2008) [20], the EU should develop a flexible and comprehensive migration policy. Policy must take into account the needs of the EU labor market, while reducing to a minimum the brain drain from third countries.
- *The Global Approach to Migration and Asylum (GAAM)* [10];

Although migration is high on the European Union's political agenda, the Arab spring and events in the Southern Mediterranean in 2011 further highlighted the need for a coherent and comprehensive migration policy for the EU. That is why today the European Commission proposes to strengthen dialogue and operational cooperation with non-EU partner countries in the area of migration and mobility, deepening the proposals contained in the Communication on a Partnership and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean, of 8 May. The new approach is detailed in a renewed "*Global Approach to Migration and Mobility*" which places mobility of third country nationals at its centre and which makes partnerships more sustainable and forward-looking [13].

Also, GAMM complement the traditional three pillars of the Global Approach - legal migration, irregular migration, and migration and development with a fourth pillar on international protection and the external dimension of asylum policy [13]**.**

The following pillars, presented in "*Global Approach to Migration and Mobility*", will be used for the categorization as regards the analyses of migration policies. Choosing of this document is determined by the fact that GAAM represents the most coherent and comprehensive policy in the field of migration at the UE level at the current stage.

a) Legal labor migration;

For EU27 it is clear that labor market related reforms leading to higher labor force participation rates – in line with the Lisbon targets and beyond – should have high priority [1, p.11]. In its mid-term review of the *Lisbon Strategy* [11], the Council recognized the paramount importance of attracting more people into the labor market, while assuring high levels of social protection, promoting gender equality and social inclusion [14, p.7].

The lack of access to work, including labor market rigidities, incomplete recognition of acquired degrees and skills by the receiving societies, was identified by the European Commission to be the greatest barrier to integration and thus the most important political priority within national integration policies [19].

b) Irregular migration;

The importance of reducing illegal immigration is highlighted in a Communication [7] issued in 2000, for example, the Commission emphasized the "fight against illegal immigration" as part of a coherent immigration policy, and it has issued communications specifically dealing with illegal migration in 2001, 2002, 2003 and 2006. In this context, the Council has several times stressed the need for measures against illegal employment, which is seen as a factor that encourages migrants to enter the EU illegally [2, p.27].

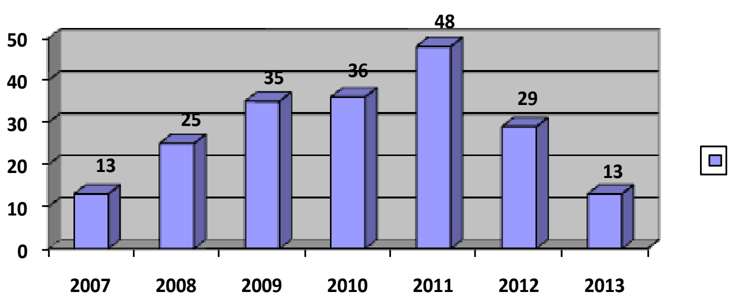
The Hague Program of 2005 formulated a balanced perspective of its approach, in which the fight against irregular migration as such as it is associated

explicitly with combating trafficking in human beings, particularly women and children [6, p.15].

c) Migration and development;

It is assumed in some policy documents that increasing the development levels of countries of origin will remove the economic motivation for migration and therefore reduce immigration to the EU [2, p.28]. This approach is supported by the European Commission that envisages that "*under the EU's external migration policy, significant progress has already been achieved in maximizing the impact of migration to the EU for the development of countries of origin. The EU is committed to continuing work on 'traditional' areas of the agenda (remittances, diaspora, brain drain, circular migration)*" [25, p.12]. This kind of approach generated proposals for addressing the 'root causes' of migration and refugee flows in countries of origin, through more targeted use of development assistance, trade, foreign direct investment or foreign policy instruments by the EU; and proposals to promote so-called 'reception in the region', namely, support for refugee protection in countries or regions of origin, so that they would not be obliged to seek asylum in Europe [2, p.20-21]. From 2007 until up today, 200 migration-related actions have been implemented or are under the implementation. These projects range from effective governance of labor migration and its skills dimensions to protection and empowerment of victims of domestic violence and human trafficking [24, p.225]. Clear increase and diversity of migration related programs could be noticed over the past five years.

Diagram: Number of migration related actions, implemented in the Republic of Moldova, with the assistance of external partners, period 2007 - 2013 [24, p.228]

d) International protection and external dimension of asylum policy.

Cooperation with third countries is seen as an important element of migration policy and already in 1991 the Commission called for migration policy to be incorporated into EU external policy [12]. This area of cooperation with third

countries has become known as the 'external dimension' of EU cooperation in justice and home affairs (JHA) [2, p.16]. According to Benedetti, under this rubric of cooperation with sending and transit countries, it is possible to individuate two rather distinct approaches:

- The first involves forms of cooperation that essentially externalize traditional tools of domestic or EU migration control. The logic here is to engage sending and transit countries in strengthening border controls, combating illegal entry, migrant smuggling and trafficking, or readmitting migrants who have crossed into the EU illegally. The exportation of migration control was especially pronounced in the EU accession process. Future member states were obliged to incorporate the Schengen *acquis* into their national legislation, implying the introduction of stricter border controls, immigration and asylum policies [2, p.19].

Another element of externalization comprised a series of provisions for facilitating the return of asylum seekers and illegal migrants to third countries. The main instrument here was readmission agreements with third countries committing them to readmit irregular immigrants who had passed through their territory into EU countries, or were their nationals. The logic, then, was one of the extensions of police and control methods to an enlarged area encompassing countries of origin and transit outside the EU. These third countries were encouraged or, in the case of candidate countries, obliged, to apply EU standards of migration management, or to enter into agreements for readmitting irregular migrants [2, p.20]. For instance, the Republic of Moldova signed additional protocols, implementing EU – Moldova Readmission Agreement with 11 EU member-states, as well as readmission agreements with 5 non-EU states. However, in opinion of Weinar from the Observatory of Migration East of Europe (CARIM-EAST), the role of the Agreements in the Global Approach is somewhat unclear. On the one hand, third countries who have signed the agreement have advantages as regards other areas of cooperation on migration (e.g. Moldova); on the other, the mere fact of good cooperation on readmission without an agreement, can be reason enough to start cooperation in other areas (e.g. Libya) [23, p.9].

The protagonists in this externalization of migration management were justice and home affairs officials, keen to transfer national control mechanisms not just to the EU level, but further afield. And these approaches had potential popular appeal with electorates. They could be portrayed as having an immediate and tangible impact on migration management-whatever their effects for refugees, migrants and transit or sending countries [2, p.20].

- The second type of policy can be loosely defined as "preventive": measures designed to change the factors which influence people's decisions to move, or their chosen destinations.

Measures under the "preventive" category include attempts to address the causes of migration and refugee flows, or to provide refugees with access to

protection nearer their countries of origin. Preventive approaches involve deploying a rather different range of tools to increase the choices of potential refugees or migrants: development assistance, trade and foreign direct investment, or foreign policy tools [2, p.17].

In context, it is important to mention such an important interaction tool with the states of origin and transit, as Mobility Partnerships. The concept of the Mobility Partnerships originated in its Directorate-General (DG) for Freedom, Security and Justice (JLS), and the Commission negotiates Mobility Partnerships with partner countries on the EU's behalf. "Mobility Partnerships as a tool of the Global Approach to Migration (GAM)" [15], adopted by the European Council in 2005 and further developed in 2007 and 2008 represented a framework for the cooperation of the EU with third countries in the area of migration and asylum, and contribute significantly to its operationalisation [10].

The Mobility Partnerships also continue the trend of migration policy at the EU level being linked to other policy areas. There are two main reasons for these linkages: first, the Commission has recognized that there is a need to offer third countries an incentive to cooperate with the EU on illegal migration; second, broader political considerations (unrelated to migration) are being brought into migration policy. This is clear in terms of the partner countries selected for Mobility Partnerships and member States' motivations for joining the agreements [2, p.39-40]. In December 2007 the EU Council for Justice and Home Affairs adopted the Decision to initiate dialogue on Mobility Partnership with 2 pilot-countries, Republic of Moldova and Cape Verde. It was considered important to select countries which would be 'quick wins' – in other words, countries with which it would not be too difficult to reach agreement in a short period of time [2, p.46].

Mobility Partnerships have now been signed with Moldova (2008), Cape Verde (2008), Georgia (2009) and Armenia (2011). Negotiations with Senegal were started in 2008, but stalled and have not progressed. Negotiations with Ghana have been ongoing since 2010, and Mobility Partnerships are also foreseen with Morocco, Egypt and Tunisia in the light of the Arab Spring, began in December 2010.

Overall the Mobility Partnerships represent a shift away from the traditional policymaking method in the EU and reflect the general politics of EU migration policy – member states are reluctant to hand over control particularly of legal migration, and therefore attempt to maintain control over this policy [2, p.39-40]. The role of the Commission has therefore been limited, and the European Parliament and Court of Justice play no role at all. This is in line with the argument that, if EU policy-making is to proceed in areas which member states consider sensitive or key to their sovereignty then an element of voluntarism will be needed [2, p.45]. Thus, member States have made sure that they remain

at the heart of the decision-making process by insisting that the partnerships are not legally binding and that participation and the proposal of projects takes place on a voluntary basis [2, p.47].

Many experts, officials and lobbyists with a liberal or human rights perspective saw preventive approaches as a more benign alternative to migration control measures. As with externalization, prevention was seen as a form of international cooperation that could at least partly compensate for the deficiencies of domestic migration control. It aspired to address the problem of migration control in a way that would not jeopardize the rights or freedoms of immigrants and refugees. Instead, the idea was to offer potential migrants or refugees a real possibility of staying in their place of origin [2, p.21].

In the same time, the real problem, in opinion of Benedetti, is that EU policies on the external dimension of JHA are still at a very low level, and no settled pattern of cooperation has yet emerged. Many EU member States are still managing their migration policy mainly as a matter of internal affairs, negotiating and concluding mainly bilateral agreements with third sending or transit countries, without having a truly European approach to migration issues and a comprehensive strategy dealing with migration issues on an European level [2, p.17]. Due to this situation, cooperation has included a combination of both types of approach: the externalization of control tools, and prevention [2, p.17].

Referring to the institutional dimension of the migration policy at the EU level, it is important to mention that the EU has no capacity at the supranational level to implement all its policies in the field of migration. In other domains of EU policy, an implementation mechanism is supported by an EU-level Agency, but in the case of migration there are only two such bodies: FRONTEX (for border management) and the European Asylum Support Office (EASO – for asylum policy, not yet operational). There is no EU body to support policy-making on migration and development or legal migration. The technical part is in the hands of other actors: most commonly the Member States (exclusively competent in some areas) and implementing partners (international organizations, hereafter: IOs, NGOs and other agencies). Thus far it is the International Organization for Migration (IOM), United Nations High Commissioner on Refugees (UNHCR) and International Centre for Migration Policy Development (ICMPD) who play a prominent role in the implementation of the external dimension of EU policies, and who receive a prominent share of EU funds for this area. Their engagement in policy definition, implementation and support for the tools described above is not though of an equal weight [2, p.10].

Generalizing, we would like to refer to the key shortcomings as regards the formulation and implementation of common European policies in the migration field. In Weinar’s opinion, supported by us, the main shortcoming of the European migration policy framework is its ambiguity and dispersed focus. It adder-

sses the common interest of the EU Member States in some fields while leaving out those common interests in others. This policy has been developed as a sub-area of Justice and Home Affairs, with an important consequence: migration has been perceived as a border management issue rather than a factor in labor economics [2, p.2]. Migration matters have been perceived as a field where State sovereignty should not be surrendered (together with such issues as labor-market regulation, social-security systems and taxation) and the common approach has been undesirable [2, p.1-2]. The EU Member States have certainly been wary of ceding too much of their powers up to the EU, and, according to Weinar, creating a *de facto* European space of 27 different approaches to migration policy, allowing only for minimum harmonization [2, p.1-2].

Member States are reluctant to surrender control over legal migration, which they emphasize is still a matter for national policy. Member states particularly guard their control over legal migration policy [2, p.26] – moreover the article 79 (5) of the TFEU (on the development of an EU immigration policy) specifically states that "this article shall not affect the right of member States to determine volumes of admission of third country nationals coming from third countries to their territories in order to seek work" [16]. The member States' reluctance to hand over control of legal migration is thus codified in EU law [2, p.44]. The Commission, in turn, highlights that legal migration is one of the three components of the Global Approach[1] and, therefore, needs to be included if the EU is to pursue a balanced approach to migration [2, p.44].

Migration policy at EU and national levels is also one of the hottest topics in current political debate, with daily discussion of the impact of migration in the media and political debate across Europe [22, p.6].

As in most policy areas, political considerations overcome supposedly scientific research-based prescriptions, and immigration policy can change abruptly as a result of the fall of the electoral dice [5, p.14]. The political climate for developing immigration policies remains decidedly chilly. Recent elections have highlighted that for some countries, and some parties, hard-line policies are vote-winners (for instance, in Switzerland, Denmark, Netherlands, etc.). This is making it very hard for those countries that wish to reform immigration systems to do so without first demonstrating strong control of borders, successful integration strategies, and increasing their emphasis on 'selected' migration [1, p.19].

---

[1] *The Global Approach to migration is, since 2005, the EU's framework for dialogue and cooperation, in a balanced and comprehensive way, with non-EU countries of origin, transit and destination. In order to reap the benefits that well-managed migration can bring and to respond to the challenges of changing migration trends Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "The Global Approach to Migration and Mobility", adopted on November 18th, 2011 was designed to meet that objective [10, p.2].*

But efforts to develop a European system are not just limited by political reluctance, but also by continued differences in migration experience and labor market structure [1, p.18]. European labor markets vary greatly across the EU in terms of income, opportunity and associated social benefits, making difficult to build a common immigration policy [1, p.19-20].

Concluding the analyses of EU migration policies, it is necessary to mention that it is now widely believed that, if the political framework of the welfare state is to be maintained, "*supplies of foreign labor are necessary to sustain the current level of welfare in society. This new approach emphasizes the role of immigrants as producers of welfare*" [4]. Under these circumstances, it is necessary to introduce economic migration policy at the EU level. Economic migration would boost and reinforce welfare, health and social assistance and pension schemes as long as migrants are absorbed into a legal and gainful employment system [4]. However, a successful EU policy on economic migration, requires that migration flows be managed in cooperation with the countries of origin, taking into account their reality and needs. Possible measures to encourage "win-win" situations and to compensate for negative situations, which may arise, should be taken [14, p.5].

In opinion of Batra, admitting or recruiting labor migrants as a part of a policy mix addressing Europe's medium and long-term labor market problems this could be realized, if migration corresponds to the following conditions:

(a) Europe has to be able to attract migrants with needed skill levels.

(b) The economic migrants have to be given access to formal labor markets and the possibility to establish their own businesses. Availability of people, however, is not enough. Availability of qualifications and skills will matter to a great extent [1, p.11].

Additionally, the evidence on the link between immigration and ageing populations suggests that while net inflows of immigrants can partially offset demographic developments, immigration could not on its own solve the problems linked to ageing. Population ageing affects migrants themselves, as they get older and their fertility patterns tend to resemble those in their host country. Clearly, better functioning labor markets will also be conducive to a smooth integration of a growing number of immigrants from non-EU countries in the future [18, p.45]. Also, because the level of migration which would be necessary to maintain the current workforce level would be too high to be the only response to these issues and other areas need to be explored as envisaged in the European employment strategy. This includes bringing more women into the labor force, encouraging older people to work until retirement age, making training and education more responsive to labor market needs [14, p.3], higher labor force participation rates of migrants, active family policy [1, p.8].

The speed of change and dynamic nature of current migration flows present a real challenge to policy-makers. The projections show that the long-term consequences of demographic change should be treated by social policy-makers and politicians whose temporal perspective exceeds the nearest election, with due attention. Demographic change, increase in labor force participation and reforms of pension systems in the EU cannot be tackled with marginal or partial reforms. On the contrary, the reforms needed to compensate the population decline and ageing will be painful, will affect the entire populations and will reshape the social situation of the next generations [3, p.28].

Bibliography:

1. Batra A.K., et all. Round table theme 1: Labour immigration. // Labour Migration and its Development Potential in the Age of Mobility, 15-16 October 2009, Malmö, Sweden. http://www.mmuncii.ro/pub/imagemanager/images/file/Intranet-Mobilitate/Malmo/Malmo_imigratia_fortei_de_munca.pdf
2. Benedetti E. EU migration policy and its relations with third countries: Russia, Ukraine, Belorussia and Moldova. // EU Migration Policy and its Reflection in Third Countries: Belarus, Moldova, Russia, Ukraine. ISCOMET Institute for Ethnic and Regional Studies. 2012 http://www.project-bridge.eu/datoteke/Publications/EU%20MIGRATION%20POLICY.pdf
3. Bijak J., et all. Population and labour force projections for 27 European countries, 2002–2052: impact of international migration on population ageing. // Eur J Population, 23(1). 2007. http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2798050/pdf/10680_2006_Article_9110.pdf
4. Brochmann G. Is Immigration a Threat to the Traditional Welfare States of Western Europe? // Migration Policy Institute, 2003, University of Oslo, Policy Brief Number 4, 18 p.
5. Coleman D. A. An overview of recent migration to Europe. Panel 1. Recent Immigration Patterns and their Implications for PolicyWorkshop on Population, Economics, Integration and law: Implications for Immigration Policy. // Workshop on Population, Economics, Integration and law: Implications for Immigration Policy (San-Diego). 27-30 March 2010. http://migrationfiles.ucdavis.edu/uploads/rs/files/2010/coleman-recent-immigration-patterns.pdf
6. Constantin D-L., et all. Perspective europene de abordare a azilului şi migraţiei. // Proiect SPOS 2008 – Studii de strategie şi politici. Studiul nr.4. Institutul European din România. - Bucureşti, noiembrie 2008. http://www.ier.ro/documente/spos2008_ro/Studiul_4_-_Migratie_RO.pdf

7. COM - Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on a Community immigration policy. COM (2000) 757 final, Brussels, 22.11.2000. http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2000:0757:FIN:EN:PDF
8. COM – Comisia Comunităților Europene. Comunicare a Comisiei către Parlamentul European, Consiliu, Comitetul Economic și Social European și Comitetul Regiunilor. Consolidarea abordării globale a migrației: Coordonare, Coerență și Sinergii Sporite. COM (2008) 611 final, Bruxelles, 8.10.2008. http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0611:FIN:RO:PDF
9. COM – Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. The Global Approach to Migration one year on: Towards a comprehensive European migration policy. COM (2006) 735 final, Brussels, 30.11.2006. http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=COMfinal&an_doc=2006&nu_doc=735
10. COM-Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility. SEC (2011) 1353 final, COM (2011) 743 final, Brussels, 18.11.2011. http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/news/intro/docs/1_en_act_part1_v9.pdf
11. COM - Communication to the Spring European Council. Working together for growth and jobs. A new start for the Lisbon Strategy. Communication from President Barroso in agreement with Vice-President Verheugen. COM (2005) 24 final, Brussels, 2.2.2005. http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2005:0024:FIN:en:PDF
12. COM - Commission Communication to the Council and the European Parliament on Immigration. SEC/91/1855 FINAL, 23.10.1991. http://aei.pitt.edu/1260/1/immigration_policy_SEC_91_1855.pdf
13. Comisia Europeană – Comunicat de presă. Consolidarea mobilității și a cooperării în centrul strategiei revizuite a UE în domeniul migrației. European Commission - IP/11/1369 18/11/2011. http://europa.eu/rapid/press-release_IP-11-1369_ro.htm
14. Comments by IOM on the European Commission Green Paper on an EU approach to managing economic migration. 2005. http://ec.europa.eu/home-affairs/news/consulting_public/0016/contributions/iom_en.pdf

15. Commission Staff Working Document. Mobility partnerships as a tool of the Global Approach to Migration. Brussels, 18.9.2009. SEC(2009) 1240 final. http://www.statewatch.org/news/2009/sep/eu-com-mobility-migration-sec-1240.pdf
16. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. 9.5.2008, Official Journal of the European Union, C 115/49. http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2008:115:0047:0199:en:PDF
17. Global approach to migration: Priority actions focusing on Africa and the Mediterranean. // Council of the European Union. 15582/05 ASIM 64 RELEX 747. Brussels, 13 December 2005. http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/05/st15/st15744.en05.pdf
18. Guardia D., Pichelmann K. Labour Migration Patterns in Europe: Recent Trends, Future Challenges. // European Economy. European Commission. Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Economic Papers. N. 256. 2006. http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication644_en.pdf
19. Münz R., et all. What are the migrants' contributions to employment and growth? // Migration Research Group, HWWI Policy Paper, 2007, nr.3-3. http://www.oecd.org/dev/38295272.pdf
20. Pactul european privind imigrația și azilul. Consiliul Uniunii Europene. 13189/08 ASIM 68. Bruxelles, 24 septembrie 2008. http://register.consilium.europa.eu/pdf/ro/08/st13/st13440.ro08.pdf
21. Programul de la Stockholm – o Europă Deschisă și Sigură în Serviciul Cetățenilor și pentru protecția acestora. // Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. 2010/C 115/01, 4.5.2010. http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:115:0001:0038:RO:PDF
22. Singleton A. Moving Europe: EU research on migration and policy needs. // Research*EU (European Commission, Directorate-General for Research Socio-economic Sciences and Humanities). 2009. ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/fp7/ssh/docs/ssh_research_migration_20090403_en.pdf
23. Weinar A. Improving EU and US Immigration Systems' Capacity for Responding to Global Challenges: Learning from experiences. // Research Report, EU Cooperation Challenges in External Migration Policy, European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2011. http://www.eui.eu/Projects/TransatlanticProject/Documents/BackgroundPapers/EU-CooperationChallengesExternalMigrationPolicy.pdf

24. Burdelnii E., et all. Profilul Migrațional Extins al Republicii Moldova, Organizația Internațională pentru Migrație (OIM). - Chișinău, 2013. http://iom.md/attachments/110_raportpmero.pdf
25. COM-Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Maximising the Development Impact of Migration. The EU contribution for the UN High-level Dialogue and next steps towards broadening the development-migration nexus. COM (2013) 292 final, Brussels, 21.5.2013. http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/immigration/general/docs/maximising_the_development_impact_of_migration.pdf

Prezentat la redacție
la 7 martie 2014

Recenzent – ***Valeriu MOSNEAGA***, doctor habilitat în științe politice, profesor

INFLUENȚA STRUCTURII ADMINISTRATIV-TERITORIALE ASUPRA CONSOLIDĂRII CAPACITĂȚILOR ADMINISTRAȚIILOR PUBLICE LOCALE

Victor SACA
Republica Moldova, Chișinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Catedra Științe Politice
Doctor habilitat în științe politice, profesor.

Cristina MOISEI
Republica Moldova, Chișinău, Academia de Administrare Publică de pe lângă Președintele Republicii Moldova, Catedra Științe Administrative
Doctorandă

The level of citizens' satisfaction of a community directly depends on the local government efficiency of work which in its turn it is determined by the size they occupy as territory and population. Excessive fragmentation of administrative-territorial structure is an impediment to strengthening local government (LG) and providing quality public services that is well accentuated in the Republic of Moldova.

This article presents several aspects on the direct influence and link between the size of the administrative territorial units and their capacities to create, develop and provide more essential public services, keeping in mind the actual issue of the administrative-territorial structure reform in the Republic of Moldova.

E bine cunoscut faptul că gradul de impunere și, respectiv, de satisfacție al cetățenilor unei anumite comunități sociale, demografice, profesionale, teritoriale etc. în societatea contemporană depinde în ultima instanță de eficiența organizării și funcționării administrației publice locale(APL). La rândul său capacitățile acesteia, ca variabilă publică primară, sunt determinate în mare parte de dimensiunea teritorială și demografică pe care ea o deține în sistemul administrativ al țării. În această ordine de idei fragmentarea excesivă a structurii administrativ-teritoriale devine un impediment serios în consolidarea administrațiilor publice locale, precum și în prestarea de servicii publice calitative. Atare impediment are o pondere vădită şi în condițiile unei țări în tranziție cum este Republica Moldova, afectînd grav procesul de organizare și prestare a serviciilor publice.

Dimensiunea optimă a unităților administrativ-teritoriale pentru eficacitatea și îmbunătățirea calității serviciilor prestate

Care este dimensiunea optimă a autorităților publice locale chemată să facă față rigorilor actuale? Această întrebare, de o semnificație teoretică și practică majoră pentru întregul sistem administrativ, a fost și rămîne subiectul numărul unu a multor discuții în domeniu întreținute de cercetătorii contemporani .

Experienţa ţărilor europene, începând cu a doua jumătate a secolului XX, marchează un număr redus al autorităţilor administraţiei publice locale prin amalgamarea localităţilor învecinate în unităţi municipale mai mari. Aceste fuzionări au avut ca prim scop sporirea eficienţei economice în procesul de prestare a serviciilor publice. În acelaşi timp, multe ţări au pledat pentru mărirea dimensiunilor unităţilor administrative de nivel superior (regiuni), pentru a obţine economii de scară mai mari şi a le face mai competitive la nivel naţional şi internaţional [1, p.13]. Astfel, majoritatea ţărilor europene care dispun de dimensiuni şi populaţii similare cu cele ale Republicii Moldova au adoptat sisteme administrativ-teritoriale cu un singur nivel (Cipru, Estonia, Lituania, Letonia, Luxemburg, Malta, Slovenia, Bulgaria şi Finlanda). Cu toate acestea, în UE-28 predomină sistemul cu două niveluri, întâlnit inclusiv în câteva ţări mai mici care au adoptat acest model: Cehia, Danemarca, Irlanda, Olanda, Slovacia. Ţărilor mai mari le este caracteristic modelul administrativ-teritorial cu trei niveluri (inclusiv federal sau regional), exemple fiind Franţa, Germania, Italia, Polonia, Spania, Marea Britanie [1, p.15].

Actualmente, experienţa europeană acumulată în cadrul sistemului administrativ-teritorial arată că e destul de problematic să identificăm o dimensiune “optimală” a unităţilor administrativ-teritoriale de nivelul întâi sau doi, la fel cum și “cea mai bună” structură administrativă, care ar avea o aplicare universală. Astăzi nu există nici o preconcepție precum că modelul ţărilor europene ar fi cel mai potrivit în raport cu alte modele. Există doar preconcepția precum că o unitate administrativ-teritorială trebuie să fie capabilă să presteze servicii de calitate înaltă locuitorilor săi, asigurând, totodată, funcționarea adecvată a democraţiei locale.

Totuși, dacă încercăm să formulăm un model optim de organizare administrativ-teritorială, atunci trebuie să ținem cont de o serie de factori, care în fond determină avansarea general-socială a națiunii și care nu împiedică, dar deopotrivă facilitează implementarea unui nou sistem de divizare teritorială a țării, astfel încât condițiile de trai ale populației să fie îmbunătățite considerabil spre satisfacerea necesităților acesteia. Asemenea factori, care pot fi calificați și drept criterii de considerație, ar fi: *mărimea localității ca teritoriu și populație, distanța până la localitatea reşedinţă, condițiile naturale și geografice, conectarea la servicii publice, infrastructura rutieră, tendințele demografice, potențialul economic, factorul etnicității ș.a.* Conform acestor criterii, conexe ca sens și rol,

ca impact asupra capacităților funcționale a administrației publice locale, examinarea experienţelor de implementare a reformelor teritoriale acumulate în alte ţări face posibilă identificarea greşelilor și problemelor comise/apărute aici, care, desigur, trebuie evitate, dar, totodată, și a lecțiilor necesare de a fi învăţate.

În literatura de specialitate sunt recunoscute cel puţin două unităţi principale de măsură potențiale pentru a măsura dimensiunea autorităților publice locale. Acestea sunt: numărul populației și aria suprafeței autorităților în cauză. Ambele unități de măsură prezintă avantaje atunci când e să ne referim la aplicarea lor în practică pentru autorități publice locale diferite ca mărime în numărul populației și în aria suprafeței lor. În conformitate cu afirmațiile lui King (1984), numărul populației pare să fie cel mai relevant, popular și puternic indicator care are un impact direct asupra consumatorilor serviciilor prestate la nivel local. Cu toate acestea, în unele cazuri, sunt mai oportuni alți indicatori, cum ar fi existența rețelei infrastructurale.

Un rol determinant în optimizarea dimensiunii unităților administrativ-teritoriale îl joacă costul serviciilor ce urmează a fi prestate beneficiarilor locali. Spre exemplu, în vederea construirii unei rețele de școli, din punct de vedere rațional, autoritatea locală va considera nu doar numărul studenților potențiali, dar și distanța de la zonele rezidențiale până la cea mai apropiată școală, beneficiile sociale de a întreține o școală mică în așezările rurale îndepărtate, numărul de profesori ce urmează a fi angajați [2, p.5].

Puncte de reper privind structura administrativ-teritorială a Republicii Moldova: trecut și prezent

Dacă pentru absoluta majoritate a țărilor europene modelele de organizare administrativ-teritorială au determinat *de jure*, dar și *de facto* eficiența funcțională a unităților administrativ- teritoriale, atunci cazul Republicii Moldova este unul foarte controversat, cu abateri serioase de la firesc în luarea de decizii și în acțiuni și, desigur, cu efecte pe măsură. Aceasta a necesitat și continuă să necesite reevaluări şi schimbări raționale, la timp, în organizarea sistemului administrativ teritorial. Argumentul principal în acest sens vine a fi *deficitul de capacități* a sistemului dat în vederea satisfacerii necesităților vitale ale cetățenilor.

Retrospectiva istorică a evoluției sistemului de organizare administrativ-teritorială a Republicii Moldova a început odată cu startul perioadei de tranziție spre democrație, care a fost unul destul de dificil, urmat de un proces tranzitoriu cu transformări turbulente, cu riscuri și provocări în toate domeniile vieții sociale, cu orientări divergente ale cursului economic și politic al țării, inclusiv orientări nesigure, dominate frecvent de situații mai puțin benefice și, chiar, malefice pentru cetățeni. Astfel, în perioada de tranziție, Republica Moldova a suferit trei modificări principale de organizare administrativ-teritorială [3, p.5], acestea avînd specificul lor de formă și conținut:

Prima cuprinde *anii 1991-1998,* cînd teritoriul țării păstra modelul de divizare administrativă sovietic în 38 raioane, dintre care 5 erau amplasate în partea stîngă a Nistrului, alcătuind unitatea teritorială a așa numitei *rmn* (republica moldovenească nistreană), transnistrie ca entitate statală anticonstituțională, nerecunoscută de comunitatea internațională. Singura modificare oficial recunoscută de organelle de drept ale țării în această perioadă a fost efectuată în anul 1994, când s-a creat Unitatea Teritorială Autonomă Găgăuzia (Gagauz Yeri).

A doua modificare este legată de *anul 1998,* marcat prin amalgamarea raioanelor de tip sovietic în 10 județe, iar redistribuirea competențelor și resurselor efectuându-se îndeaproape modelului românesc. Acest pas a fost unul important pentru sistemul administrativ al țării, îndepărtându-se astfel de trecutul istoric sovietic.

A treia modificare o asociem cu venirea la putere a Partidului Comuniștilor (PCRM) în anul 2001, cînd a fost adoptată noua reformă administrativ-teritorială, implementată doar după alegerile locale din anul 2003. Ca urmare, țara s-a reîntors din nou la modelul cvasi-sovietic al divizării teritoriale în raioane, autonomia locală fiind considerabil redusă. Raionul fiind considerat de noua putere drept o unitate organizaţională prioritară - mai mică decât judeţul, cu o populaţie mai puţin numeroasă şi, deci, mai uşor de controlat.

Ineficiența reformelor administrativ-teritoriale din Republica Moldova a determinat fragmentarea excesivă a teritoriului acesteia, iar de aici și problemele de interes public. Anume, factorul fragmentării a condus la majorarea discrepanțelor de dezvoltare a administrațiilor publice locale, majoritatea acestora deținând mai degrabă doar o funcţie de reprezentare, decât una de prestator de servicii.

În prezent, țara dispune de un sistem de organizare administrativ-teritorial divizat în **2 nivele** [4]:

- APL I - 898, sate, comune, oraşe
- APL II – 32 raioane, municipalităţi (Chișinău, Bălţi), Unitatea Administrativ-Teritorială Găgăuzia (Gagauz Yeri) şi unităţile administrativ-teritoriale din stînga Nistrului.

Numărul total de localităţi este de 1681, inclusiv 60 oraşe. Totodată, conform Legii privind dezvoltarea regională [5], teritoriul Republicii Moldova este divizat în 6 regiuni de dezvoltare care nu sunt unităţi administrativ-teritoriale şi nu au personalitate juridică. Ele sunt unități teritoriale funcţionale ce reprezintă cadrul de planificare, evaluare şi implementare a politicii de dezvoltare regională.

Conform sistemului de clasificare a regiunilor din Uniunea Europeană, utilizat de către Comisia Europeană, numit Nomenclatorul Unităților Teritoriale Statistice (NUTS), Republica Moldova dispune de două regiuni de dezvoltare (Regiunea de Dezvoltare Nord și Sud) de tip NUTS II care are ca marje un nu-

măr al populației între 800 000 și 3 000 000 locuitori, iar celelalte regiuni de dezvoltare (Regiunea de Dezvoltare Sud, UTA Găgăuzia, Regiunea Transnistreană și Municipiul Chişinău), se încadrează în NUTS III a cărui marje ale numărului populației este între minim 150 000 și maxim 800 000 locuitori.

Dimensiunea redusă a localităţilor împiedică mult consolidarea capacităților autorităților publice locale, suportând costuri excesive pentru îndeplinirea funcţiilor și atribuțiilor. Conform studiilor elaborate în domeniu, o unitate administrativ-teritorială trebuie să fie suficient de mare astfel ca să permită minimalizarea costurilor administrative medii. Legea nr.764 privind organizarea administrativ-teritorială [4] stabileşte pragul minim necesar de locuitori pentru o unitate administrativ-teritorială cifra de 1500 de locuitori, având și resurse financiare suficiente pentru întreținerea aparatului primăriei și instituțiilor sferei sociale. Totodată, în lege este stipulată și excepția de la această regulă care permite, prin lege organică, formarea unităților administrativ-teritoriale cu o populație mai mică decât 1500 locuitori. Însă această excepție devine regulă pentru Republica Moldova odată ce 27% sau aproape fiecare a treia primărie încalcă legea, dispunînd de o populație mai mică decât 1500 de locuitori. Experiențele țărilor europene dovedesc eficiența unor unități administrativ-teritoriale nu mai mici decât 5000 locuitori, însă în Republica Moldova 86% din numărul total de primării au un număr al populației mai mic decât acest minim. Alte anomalii ale prezentului sistem de organizare administrativ-teritorială care periclitează eficacitatea prestării serviciilor publice consumatorilor finali sunt: existența orașelor cu un număr mai mic decât 1500 locuitori, raioanelor de dimensiuni mici, regiunii cu statut special UTA Găgăuzia (Gagauz Yeri).

Republica Moldova se confruntă cu probleme similare țărilor Europei Centrale și de Est, probleme cu care acestea s-au confruntat la momentul demarării procesului de reformă. La ele unii cercetători raportează:

1) Fragmentarea structurii instituționale și a autorității; 2) Lipsa de coordonare și comunicare între factorul central și local în procesul de luare a deciziilor și a alocării resurselor; 3) Lipsa de reguli și proceduri adecvate sau folosirea celor neadecvate în accesarea resurselor de către sectorul public; 4) Lipsa instrumentelor prin care administrația publică locală poate guverna efectiv; 5) Lipsa sustenabilității economice; 6) Sistemul administrației publice locale din Republica Moldova se confruntă în prezent cu o insuficiență acută de capacități administrative, organizaționale și funcționale [6, p.25].

Din punct de vedere al capacității de organizare, funcţionare şi de prestare a serviciilor administrative, majoritatea autorităților publice locale dispun de documentele necesare pentru activitate (statutul localității, regulamente de organizare și funcționare, organigrame, state de personal, fişe de post, etc.). Cu toate acestea, multe primării deocamdată nu dispun de documente strategice actuale, fapt ce ar însemna că activitățile lor sunt implementate în mod ad hoc, că nece-

sităţile locale nu sunt adecvat evaluate şi, totodată, că majoritatea angajaţilor primăriilor nu posedă cunoştinţe în domeniul planificării strategice. Lipsa Planului de Dezvoltare Instituţională în majoritatea primăriilor, precum şi a cadrului instituţional de monitorizare şi evaluare a documentelor strategice şi de urbanism fac dificilă implementarea activităţilor de planificare strategică şi stagnează mult dezvoltarea la nivel local. Strategiile de dezvoltare a serviciilor publice fie sunt lipsă sau prestate necalitativ.

Modalităţile de asigurare a transparenţei în primării variază, preponderent fiind utilizate panourile informative, însă informaţiile postate sunt incomplete. Controlul intern reprezintă o practică rar întâlnită în cadrul autorităţilor locale, practică care să ajute entitatea să-şi atingă obiectivele [7, p.13-14].

În ceea ce priveşte managementul financiar şi atragerea de resurse financiare externe se constată că majoritatea absolută a primăriilor întâmpină deficienţe în colectarea veniturilor din taxe şi impozite locale prin intermediul perceptorilor fiscali, precum şi în asigurarea informării adecvate a cetăţenilor cu informaţii privind managementul financiar. Lipsesc registrele patrimoniului public, materialul cartografic şi electronic care să faciliteze gestionarea patrimoniului.

În prezent media costurilor operaţionale generale ale administraţiei publice locale exprimate în lei moldoveneşti pe cap de locuitor sunt de 2,5 ori mai mari în comunităţi rurale cu mai puţin de 1500 de locuitori decât în cele cu mai mult de 5000 de locuitori. Diferenţele de eficienţă la nivel raional sunt la fel de remarcabile: datele arată că în trei cele mai mici raioane ale Republicii Moldova (Basarabeasca, Şoldăneşti, Dubăsari) media cheltuielilor operaţionale pe cap de locuitor este de 2,6 ori mai mare decât în trei cele mai mari raioane (Hînceşti, Cahul, Orhei) [8, p.116-121; 9, p.13, 17].

Managementul proiectelor şi atragerea resurselor externe este o experienţă *familiară* majorităţii primăriilor, deşi este realizată cu suportul unor persoane sau instituţii din mediul extern. Importantă în acest context este eficienţa proiectelor, folosirea raţională a resurselor în cauză, implementarea lor în conformitate cu specificul local.

Conform studiilor efectuate în domeniu [7, p.24-262; 10, p.19-32] propunem să meditām asupra paşapoartelor unităţilor administrativ-teritoriale de nivel II şi I la situaţia actuală din Republica Moldova (vezi tab.1, 2 şi 3)

Tabel 1. Paşaport al unei Unităţi Administrativ-Teritoriale de nivel II

Populaţie	70000 locuitori
Suprafaţa teritoriului	990 km^2
Nr. agenţi economici	15000 (90% gospodării ţărăneşti)

Infrastructură socială	30 grădiniţe, 8 gimnazii, 12 licee, 2 şcoli profesionale, 1 şcoală sportivă, 1 centru de creaţie, 2 tabere de odihnă, 1 spital, 13 centre de sănătate, 11 Oficii ale Medicilor de Familie, 25 Case de Cultură, 37 biblioteci publice, 2 şcoli de arte şi muzică, 3 muzee
Infrastructură edilitară	90% telefonizare şi conectare la reţeaua electrică 50% aprovizionare cu apă 20% canalizare 50% gazificare 25% drumuri cu îmbrăcăminte rigidă 5% salubrizare
Probleme stringente	▪ Insuficienţa locurilor de muncă ▪ Infrastructura de afaceri slab dezvoltată ▪ Diversificarea redusă a pieţei de desfacere ▪ Starea deteriorată a drumurilor ▪ Iluminarea stradală insuficientă ▪ Infrastructura edilitară slab dezvoltată ▪ Gradul avansat de uzură a inventarului agricol şi lipsa investiților în mijloace fixe;

Tabel 2. Pașaport al unei Unități Administrativ-Teritoriale de nivel I, localitate urbană

Populaţie	8000-9000 locuitori
Suprafaţa teritoriului	50 km^2
Nr. agenţi economici	60 – 70 agenţi economici (10% gospodării ţărăneşti), activitate predominantă - comerţul
Infrastructură socială	2 grădiniţe, 2 gimnazii, 1 liceu, 1 şcoală profesională, 1 şcoală de arte plastice, 1 şcoală de muzică, 1 şcoală sportivă, 2 Case de Cultură, 2 biblioteci publice, 1 Spital raional, 1 Centru al Medicilor de Familie, 1 Muzeu
Infrastructură edilitară	95% telefonizare şi conectare la reţeaua electrică 80% aprovizionare cu apă 60% canalizare 30% gazificare 50% drumuri cu îmbrăcăminte rigidă 25% salubrizare

Probleme stringente	▪ Insuficienţa locurilor de muncă ▪ Infrastructura de afaceri slab dezvoltată ▪ Starea deteriorată a drumurilor ▪ Iluminarea stradală insuficientă ▪ Infrastructura edilitară slab dezvoltată

Tabel 3. Paşaport al unei Unităţi Administrativ-Teritoriale de nivel I, localitate rurală

Populaţie	3000 locuitori
Suprafaţa teritoriului	30 km^2
Nr. agenţi economici	100 (inclusiv 80% - gospodării ţărăneşti) principale sfere de activitate sunt agricultura şi comerţul
Infrastructură socială	1 grădiniţă, 1 liceu, 1 Casă de Cultură, 1 bibliotecă publică, 1 Oficiu al Medicilor de Familie
Infrastructură edilitară	90% telefonizare şi 95% conectare la reţeaua electrică 10% aprovizionare cu apă 10% canalizare 70% gazificare 30% drumuri cu îmbrăcăminte rigidă 0% salubrizare
Probleme stringente	▪ Insuficienţa locurilor de muncă ▪ Infrastructura de afaceri slab dezvoltată ▪ Starea deteriorată a drumurilor ▪ Lipsa iluminării stradale ▪ Infrastructura edilitară slab dezvoltată ▪ Gradul avansat de uzură a inventarului agricol şi lipsa investiţilor în mijloace fixe; ▪ Lipsa zonelor de agrement pentru tineri ▪ Atitudinea iresponsabilă a populaţiei faţă de starea mediului ambiant

E cunoscut faptul, că reforma de descentralizare prevede apropierea serviciului public către cetățean. Însă, în implementarea acesteia preliminar este de a realiza reforma de organizare administrativ-teritorială, astfel încît competențele nivelurilor păstrate/formate să fie preluate corect, în mod clar, diferențiat, iar dubla competență să fie evitată.

Reorganizarea teritorială a Republicii Moldova reprezintă una din prioritățile actualei guvernări. Realizarea ei va favoriza creşterea capacităţii administra-

tive, autonomia locală, furnizarea eficientă a serviciilor publice în condiţii de funcţionare democratică şi autonomă a autorităţilor locale [11].

Astfel, este necesară concentrarea unor eforturi susținute asupra aspectelor economiei regionale ca formă de combatere a disparităților majore, asupra identificării celui mai bun nivel administrativ care să coordoneze aspectele democratice, tehnice și financiare și asupra tendinței de creștere a mărimii administrației locale pentru a răspunde eficient și echitabil cererii de servicii și utilități publice (economia de scară). Considerăm că astăzi nu există un model unic sau general acceptat pentru organizarea administrativ-teritorială a Republicii Moldova, țara trebuie sa-și identifice modelul propriu de organizare teritorial-administrativă și descentralizare, ținând cont de experiența internațională.

Guvernul trebuie sa identifice o viziune clara asupra reformei, pentru a păstra și consolida ceea ce este bun în sistemul actual, a îmbina în mod rațional în cadrul acestuia tradiția cu inovația. Administrațiile locale nesustenabile trebuie reduse. In cazul in care se va decide păstrarea a doua nivele APL, este necesară o repartizare clară a competențelor.

Soluţiile legate de sporirea capacității administrative ale unităților teritoriale sunt întotdeauna diferite și adaptate la specificul ţării, iar preluarea și implementarea unui sau altui model în limitele integrității sale este destul de dificilă, ceea ce înseamnă că riscul apariției dificultăților adiționale este la fel destul de sporit. Pentru implementarea reformei Republica Moldova are nevoie de asistenţă tehnică şi parteneriat de lungă durată atît cu autoritățile centrale și locale din țările membre UE, omoloagele sale din Parteneriatul Estic, cît și cu donatorii internaționali. Totodată, este necesar un grad adecvat de maturitate, de capacități a factorului public intern , inclusiv de natură locală, pentru ca el să se bucure din plin de această asistență, să valorifice din plin acest parteneriat.

Bibliografie

1. Osoian I. ș.a. Studiu analitic privind structura administrativ-teritorială optimală pentru Republica Moldova. - Chișinău, 2010.
2. Swianiewicz P. ș.a. Consolidation or Fragmentation? The Size of Local Governments in Central and Eastern Europe. - Budapest, OSI-LGI, Open Society Institute, 2002.
3. Budeanu G. Cartea Albă, situația autonomiei locale în Republica Moldova. - Chișinău, cartier SRI, 2000.
4. Legea privind organizarea administrativ-teritorială în Republica Moldova, nr.764 din 27.12.2001. // Monitorul Oficial Nr.16 din 29.01.2002.
5. Legea privind dezvoltarea regională în Republica Moldova, nr.438 din 28.12.2006. // Monitorul Oficial Nr.21-24 din 16.02.2007.

6. Țarălungă N. Organizarea și Funcționarea Admi nistrației Publice Locale. Document elaborat în cadrul Proiectului UNDP Moldova ID 00073182, 2010.
7. Bulat V., Moisei C. ș.a. Indicatorul de performanță al primăriilor elaborat în cadrul proiectului LGSP, USAID, 2012.
8. Roșcovan M. Jurnal de Tranziție. - Chișinău, Reclama SA, 2007.
9. Lupușor A. ș.a. Eficiența autorităților publice locale din Republica Moldova: importanța și factorii determinanți. - Chișinău, 2011.
10. Malcoci I. Studiul serviciilor publice (în baza cercetării sociologice efectuate în raioanele din Regiunea de Dezvoltare Centru a Republicii Moldova). - Chișinău, Elan Poligraf SRL, 2008.
11. Legea pentru aprobarea Strategiei naționale de descentralizare și a Planului de acțiuni privind implementarea Strategiei naționale de descentralizare pentru anii 2012-2015, nr.68 din 05.04.2012. // Monitorul Oficial Nr.143-148 din 13.07.2012.

Prezentat la redacție
la 28 februarie2014

Recenzent - ***Aurel SÂMBOTEANU***, doctor în științe politice, conferențiar

COMPARTIMENTUL
SOCIOLOGIA POLITICĂ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Валерий А. АЧКАСОВ
Российская Федерация, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет, факультет политологии, кафедра международных политических процессов
Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой

В статье анализируются основные причины роста этнической ксенофобии и национализма в современной России. В результате автор приходит к выводу, что русский национализм сегодня это, в первую очередь, направляемое этническими предпринимателями «не по тому адресу» материализованное выражение народного гнева в связи с массовым обеднением населения, ростом социального неравенства и несправедливости.

В связи с этим рассматриваются некоторые особенности политики интеграции иммигрантов в крупнейших городах России.

Ключевые слова: *толерантность, политические и интеллектуальные элиты, ксенофобия, национальная идентичность, политизация этничности, иммиграционная политика.*

In the article the main causes of the rise of ethnic xenophobia and nationnalism in modern Russia are analyzed. The author argues that the modern Russian nationalism is, first of all, a materialized expression of people's anger directed by ethnic employers and evoked by the mass destitution of population, rise of social inequality and injustice. Some specific problems of the policy of the immigrant's integration in the Russia's megapoleis are also investigated.

Key words: *tolerance, political and intellectual elites, xenophobia, national identity, politicization of ethnicity, politics of immigration.*

Приступая к обсуждению заявленной темы, мы вступаем на своеобразное «минное поле», где каждое неосторожно сказанное слово может вызвать взрыв негативных эмоций у оппонента, поскольку мы, во-первых, неизбежно будем употреблять понятия эмоционально насыщенные.

Во-вторых, мы будем оперировать понятиями, содержание которых неопределенно, или имеет для участников диалога разное содержательное наполнение. Например, понятие «толерантность» не имеет в русском языке прямого эквивалента и на обыденном уровне до сих пор остается семан-

тически пустым. Слово терпимость не является полным эквивалентом слова толерантность и перегружено нежелательными смысловыми коннотациями (дом терпимости, «терпило» – жертва преступления и др.). Или другой пример, если вы спросите любого иностранца из стран Запада, кто он по национальности – он ответит я американец, британец, француз и т.д., то есть укажет свою гражданскую принадлежность. Если вы спросите россиянина – он укажет свою этническую принадлежность, я русский, татарин, башкир и т.д. Поэтому, прежде всего, возникает вопрос - о чем мы будем говорить – национальной политике и о межнациональных отношениях, то есть о политике национальных государств и отношениях между политическими нациями или все-таки об межэтнических отношениях и проблемах этнической политики в нашей стране. Однако, ответ и на этот вопрос не так прост, многие исследователи (и не без оснований) считают, что благодаря большевистской политике «коренизации» и построению национально-территориальной федерации в России сформировались так называемые, «внутренние этнонации», видимо, поэтому в преамбуле нашей Конституции и записано «Мы – многонациональный народ России».

Отсюда второй вопрос – а существует ли российская нация? И если существует то, что это - этнонация или нация – согражданство? В российской интеллектуальной среде нет согласия и по этой проблеме, Ясно заявлена позиция, согласно которой Россия не просто была империей, но и обречена ею оставаться, и тем самым нацию-государство строить не следует. Есть и такая точка зрения, согласно которой в России «симбиозом национальной идентичности и государства и не пахло» (С.Перегудов), поэтому следует поискать какую-то принципиально новую конструкцию, поскольку традиционная форма империи, и форма нации-государства устарели. Также в научном сообществе присутствует представление, что российская нация существует, просто мы этого не понимаем или не хотим признать. «Основной внутренний вызов Российскому государству, - пишет, в частности, В.Тишков, - заключается в вялом утверждении нового образа страны среди населения, в отсутствии в необходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. В стране на уровне политиков, этнических активистов и экспертов до сих пор отвергается существование многоэтничной гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны» [26, с.486]. Наконец заявлена позиция, согласно которой «Россия сегодня – это и остаточная империя, и разделенная, но при этом еще окончательно не сформировавшаяся нация» [7, с.77]. Причем, как верно заметил известный российский журналист Л.Панфилов: «И сторонники, и противники Российской империи едины в одном – она жива! Разница лишь в том, что для одних это ответ на один проклятый ру-

ский вопрос «кто виноват?», а для вторых на другой – «что делать?» [22, с.29].

В результате, если в официальном публичном языке употребление понятий «россияне», «российская нация» стало практически нормой, то в обыденном языке (в том числе языке элит) это совсем не так. Поэтому часто слово «российский» становится не объединяющим термином, а маархером «нерусскости» (А.Миллер). Этому (прямо или косвенно) способствовал и «русский проект» партии «Единая Россия». «Внедряя термин «русский» вместо политкорректного «российский», организаторы проекта, - считает О.Ю.Малинова, - преследовали двойную цель: дистанцироваться от политики ельцинского периода и «национального нигилизма» «либералов-западников», стремившихся продвигать «гражданский» вариант национальной идентичности, и «реабилитировать» традиции имперского прошлого и культуры, за которой исторически закрепилось название «русская». При этом настойчиво подчеркивалось, что «русскость» следует определять в терминах языка и культуры, а не происхождения» [15, с.97].

Однако, во-первых, если «русскость» предлагается инициаторами проекта как замена «российскости», то крайне обостряется проблема включения в нацию тех граждан России, которые не идентифицируют себя с русской культурой или не номинируют себя как русских. Во-вторых, в российском политическом дискурсе сосуществуют разные способы определения русской идентичности. Так, «национальная принадлежность», то есть этничность большинством россиян по-прежнему мыслится как нечто врожденное и неизменное, а «этносы» рассматриваются как самостоятельные субъекты социального действия. На практике это вело в начале 1990-х годов к пониманию «национального самоопределения», как политического самоопределения этнической группы («титульной нации» республик), а сегодня почти неизбежно провоцирует неприятие все более массовых групп трудовых мигрантов и россиян иной национальной (то есть этнической) принадлежности и конфликтное противостояния с ними.

Если нация – это «этнос», то отнюдь не все население и даже граждане страны могут в нее включаться и наделяться равными правами, и, конечно же, из российской нации исключаются иммигранты, особенно так называемые «видимые мигранты». Ведь участившиеся в последнее время в нашем отечестве случаи агрессии против «чужих» определяются не столько этнокультурными, сколько расовыми, фенотипическими отличиями. Нападающие, как правило, не знают, к какой конкретно этнической группе принадлежит жертва, их не интересует какой у нее родной язык и, тем более, - какое гражданство.

Третий вопрос – причины подъема русского национализма. Сегодня, на фоне общего спада участия в институтах гражданского общества в на-

шей стране действительно заметно усиление влияния организаций националистического толка, что отражает динамику изменения массового сознания русских. Если в начале 1990-х подобные организации формировались преимущественно на основе национальных движений так называемых «титульных народов» республик Российской Федерации, то с конца 1990-х годов основным субъектом националистической активности стали организации, выступающие от имени этнических русских. В десятки раз выросла численность одних только молодежных организаций, борющихся за «Россию для русских», которые, чаще всего, аналитики и журналисты обозначают под общим названием «скинхеды» (хотя это и некорректное обобщение). В 1991-м в стране насчитывалось буквально несколько сот человек, которых можно было определить как членов русских националистических организаций, в 2001 году их было уже свыше 10 тыс., а в последующие два года их численность утроилась, составив к 2004-му 33 тыс.человек. И это только по официальным данным. Эксперты же указывают на значительно более высокие показатели участия молодежи в ультрарадикальных националистических организациях, таких как Народно-Патриотическая партия России, Национально-Державная партия России, Народная национальная партия, Национал-Большевистская партия, Движение против нелегальной иммиграции и др.

Кроме того, события последних лет продемонстрировали дрейф ряда «левых» партий в сторону русского великодержавного шовинизма («патриоты-интернационалисты»), и их организационное и тактическое сближение с националистическими организациями («национал-патриоты»). «О консолидации деятельности двух идейных направлений патриотической оппозиции свидетельствуют не только совместные политические акции, создание координационных центров, комитетов, предвыборных блоков (подобные тактические приемы с большим или меньшим успехом использовались и прежде), но и явные изменения в общественном мнении сторонников «левого» сектора российской политики» [18, с.198].

Тревогу вызывает и то, что этническое противостояние все чаще «накладывается» на конфессиональное, создавая мультипликативный эффект. Так, отвечая на вопрос «Какая религия кажется вам наиболее чуждой?», большинство (26%) россиян указали на ислам [13, с.48]. «Основной питательной средой… антимусульманских настроений служит ксенофобия, процветающая на почве…кризиса самосознания, с одной стороны, и очевидной экспансии «торговых меньшинств» в России на фоне общего социально-экономического неблагополучия – с другой», - писал еще в конце 1990-х гг. социолог А.В.Кудрявцев [10, с.170]. В особенности это опасно тогда, когда иммигрантские группы хорошо сплочены, демонстрируют чувство превосходства по отношению к «местным» и не обнаруживают

сколько-нибудь заметного стремления к тому, чтобы интегрироваться в принимающую среду. Так, по данным социологов, более трех четвертей мигрантов с Кавказа имеют устойчивую установку на сохранение своей культуры, строгое соблюдение традиционных моделей поведения, и отвержение новых культурных ценностей, заимствованных в результате контактов с другим этническим сообществом (прежде всего - русскими) [6, с.113-135]. Отсюда их демонстративное поведение – лезгинка в публичных местах, стрельба на улице. Кроме того – это представители «поколения войны», многие из них не имеют профессии, поэтому они признают либо авторитет денег, либо авторитет силы.

Возможность быстрой эскалации межэтнической напряженности демонстрируют акции футбольных фанатов в Москве в декабре 2010 года, которые, как известно, переросли в массовые беспорядки под открыто этноксенофобскими лозунгами. Исследователи отмечают следующие особенности этих выступлений: «Во-первых, наличие массовой социальной организации (фанатские клубы, сетевая структура объединений болельщиков), которая, как оказалось, может быть использована для самых разных целей лидерами и организаторами таких движений … Во-вторых, эти акции имеют антигосударственную направленность. Взрыв эмоций был вызван именно неверием в возможность добиться справедливости в рамках закона, представлением о том, что органы правопорядка и судебная власть куплены, то есть, что в стране нет правосудия … Адресатом массовых выступлений (в Москве в декабре 2010 года) были высшие власти страны, не выполнившие свои прямые обязанности. … Третье обстоятельство: консолидация стала возможной только на почве ксенофобии …, посредством негативной солидарности … Объединяло всех чувство ненависти к чужим, другим, архаическое единение «своих» против «чужих» [5, с.37]. Тоже мы наблюдали в 2013 году в московском районе Бирюлево-Западное.

Однако социологическое исследование, ставившее целью изучение отношения молодежи крупнейших российских городов (опрос проводился в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ростове на Дону, Новосибирске и Челябинске, опрашивались респонденты в возрасте от 15 до 30 лет различной этнической принадлежности) к событиям на Манежной площади, показало, что большинство респондентов, в той или иной степени сочувствуют участникам декабрьских выступлений в Москве. Осуждает участников выступлений только каждый пятый молодой горожанин. Большинство же участников опроса события на Манежной площади называли не националистическим выступлением, а акцией протеста против коррупции в правоохранительных органах (78%) и так называемой «этнической» преступности (58%) [24, с.30]. В результате, авторы исследования пришли к следующему выводу: «Беспорядки на Манежной площади и по-

ддержка со стороны большинства городской молодежи не являются результатом локального всплеска ксенофобии в Москве, а отражают состояние общественного сознания во многих российских городах на протяжении длительного периода. Вне всяких сомнений, если подобное выступление состоится в каком-либо крупном российском городе, оно будет с сочувствием воспринято и в самом этом городе и в большинстве крупных российских городов» [24, с.30-31].

Важно также подчеркнуть то, что такого рода «национализм», порожденный, с одной стороны, массовыми представлениями о несправедливости устройства современного российского общества,[2] а с другой – официальной пропагандой идей «возрождения великой России», «вставания с колен», жесткого деления на «наших» и «не наших», вышел сегодня из-под государственного контроля и развивается независимо от желаний и целей нынешнего российского истеблишмента. Протестная активность опирается на самодеятельные движения, не похожие на организуемые властью молодежные институты наподобие «Наших» или «Молодой гвардии», что обрекает на неудачу все попытки властей заигрывать с националистами либо воспользоваться их инструментарием [20]. В то же время, такого рода протестные движения пока не могут быть устойчивыми и самодостаточными, поскольку, по определению, зависят от действий других акторов и институтов (прежде всего, государственных), будучи негативной реакцией на эти действия.

Итак, в чем причины всего этого? Можно попробовать ответить на этот вопрос.

Более двух десятилетий российское общество находится в ситуации «социального риска». Пропасть между правящим классом и обществом, имущими и неимущими в эти годы только углублялась, большинство россиян по-прежнему не чувствуют себя ответственными гражданами, оставаясь подданными государства, социальные разрывы (горизонтальные и вертикальные) огромны и многие люди вновь почувствовали себя обманутыми. Еще важнее то, что «не работают» социальные лифты, обеспечивающие вертикальную мобильность. Подняться на более высокую ступеньку социально-имущественной лестницы становится все проблематичнее, зато опуститься вниз все легче. На этой основе в российском обществе сформировался мощный запрос на социальную справедливость. В такой ситуации и возникает соблазн истолковать неравенство в этнических терминах, отождествить понятия «бедный» и «русский» и соответственно понятий «богатый» и «нерусский». Тем более что история знает множество примеров

---

[2] *Большинство респондентов высказали мнение, что современное Российское общество устроено несправедливо [24, с.29].*

движений социального протеста, прикрытых этническими или религиозными лозунгами. «Поиск социальной справедливости превращается в результате в поиск злых сил. Ненависть доведенных до отчаяния людей к «кровопийцам-толстосумам» достигает крайних пределов, а уж если эти толстосумы еще и инородцы, эта ненависть беспредельна» [12, с.24]. Исчерпывающим образом, объясняя происходящее, такого рода теории заговора позволяет массам справляться с фрустрацией, ну а элитам выгодней направить гнев низов на этнических «козлов отпущения», чем позволить ему обрушиться на действительного виновника – правящий класс. Тем более, что на улицах наших городов появилось множество так называемых видимых мигрантов, отличающихся от нас фенотипически. В результате, «в глазах обывателя сформировались устойчивые образы, с одной стороны, «таджика» - нуждающегося, обделенного богатством и статусом, а с другой стороны – «кавказца», наслаждающегося благами, недоступными рядовому российскому гражданину. С первым из этих образов ассоциируется «смутное, но сильное ощущения превосходства», со вторым – рессентимент.

Рессентиментные настроения, порождаемые наложением имущественного неравенства на этнические различия, усиливаются таким обстоятельством, как неработающие институты социальной защиты – те структуры welfare state, благодаря которым жители благополучных стран Западной Европы имеют априорное преимущество перед иммигрантами. Если в странах ядра капиталистической мировой системы мигранты почти заведомо занимают ступени на социальной лестнице, более низкие. По сравнению с принимающим населением, то в России это не так» [11, с.123-124]. Поэтому, как представляется, русский национализм сегодня это, в первую очередь, направляемое этническими предпринимателями «не по тому адресу» материализованное выражение народного гнева в связи с массовым обеднением населения, ростом социального неравенства и несправедливости. Как отмечает В.А.Тишков: «Этнонационализм от имени русских обусловлен реакцией людей с не очень высоким уровнем жизни и гражданской культуры на быстрые перемены, происходящие в стране, в том числе и этнического состава населения. … Влияет также и воспаленная журналистская риторика, выводы ученых и политиков о том, что идет «вымирание русских» в России и через несколько десятилетий страна потеряет свой исторический облик» [27, с.171].

Экспансия в нашу страну носителей «иных» жизненных ценностей и моделей поведения, не соответствующих традиционным ценностям и установкам российских граждан, действительно может стимулировать этническую мобилизацию. Этническая идентичность и самосознание в подобной ситуации начинают выполнять защитные функции, особенно для низкос-

татусных групп социума. В современной России это относится, прежде всего, к русскому населению, от ценностных ориентиров и установок которого решающим образом зависит и сохранение межэтнического мира в стране, и направленность, характер и результаты политических трансформаций российского общества.

Видимо, правы те социологи, которые увязывают рост этно= и мигрантофобий в период «травматической трансформации» (П.Штомпка) с разрастающимся комплексом социальных обид и страхом перед будущим, принимающих, тем не менее, форму не социального, а этнически или расово окрашенного протеста, не имеющего «ясного адреса». Такое объяснение, прежде всего, применимо к той части молодежи крупных городов, которая фактически не имеет перспектив вырваться из полумаргинального, люмпен-пролетарского существования, выбраться из подвалов, получить достойное образование и профессию, сделать карьеру в нынешнем российском обществе, где социальное расслоение исключительно высоко [17, с.61-71].

Именно 15-17 -летние подростки, входящие в эту «группу риска», особенно предрасположены к восприятию обвинений во всех своих бедах «чужих»: «черных», «кавказцев», «китайцев» и др. Именно они становятся «политической пехотой» экстремистских националистических организаций и движений, именно их натравливают на этнически и расово чуждых, именно они совершают большую часть преступлений против иностранцев.

В свою очередь, «национальная политика» в крупных российских городах по-прежнему преимущественно понимается как патронаж в отношении этнокультурных объединений (национально-культурных автономий). В результате контрагентами чиновников «выступает крайне ограниченный круг «национальных лидеров», руководствующихся в своих действиях преимущественно личными амбициями», но выступающих от имени «национальных общин». Однако «все разговоры о цельных и структурированных «национальных общинах», отношения между которыми и государством якобы надо «регулировать», - не более чем продукт воображения» [29, с.7]. Тем не менее, новая целевая федеральная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», принятая правительством Российской Федерации в 2013 г. (7 млрд. рублей), вместо обещанного ее авторами системного и программно-целевого подхода к проблеме, предлагает систематизацию «традиционных промыслов профессиональных нацдружбистов, и без того готовых дружить всегда, дружить везде» [9, с.5].

В чем опасность такого хода событий, понять нетрудно. Как показали исследования петербургских социологов, «ориентация на этничность в среде недавних экономических мигрантов носит ситуативный характер и

часто не является определяющей при выборе ими жизненных стратегий, в том числе трудовых» [1], многое зависит от среды, в которую они попадают. Как пишет А.Г.Вишневский: «Издавна известны институциональные формы, которые помогают пришлому населению одновременно существовать в «двух средах» и тем самым облегчают адаптацию. Одна из наиболее известных с давних времен форм мирного взаимодействия пришлого населения с местным – это существование в диаспоре … Теперь же диаспора должна быть ориентирована не столько на то, чтобы обособить вновь прибывшего мигранта от принимающего общества, сколько на то, чтобы помочь ему как можно быстрее вписаться, интегрироваться в него» [2, с.93].

Однако социологи обнаружили, что этнические диаспоры в Санкт-Петербурге, в частности азербайджанская, «состоит из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружились жесткие границы между, по крайней мере, двумя сообществами» [21, с.169]. Первое состоит из хорошо интегрированных и достигших определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцев, «которые в свободное от основной работы время могут позволить себе быть «азербайджанцами». Одни из них сделали этничность своим хобби, другие – профессией. Они претендуют на то, чтобы представлять интересы «всех азербайджанцев Петербурга», выступать в качестве посредников между «диаспорой» и государственными / городскими властями.

Между тем существует другое (более массовое – В.А.) сообщество – недавние экономические мигранты. Граница между этими сообществами лежит не в этническом измерении, но основывается на нескольких взаимосвязанных критериях: время проживания в городе, степень интегрированности, различный социальный статус и прочее» [21, с.169-170].

Эту проблему разной степени представленности групп внутри национально-культурных автономий, особо отмечает и В.А.Тишков, который пишет, «часто группа людей, объединенных в национально-культурную автономию, пытается представить интересы всего народа. Между тем в подобных организациях трудно предусмотреть демократические процедуры выборов. Поэтому организации, национально-культурные автономии говорят и пишут о том, чего могут не разделять тысячи и десятки тысяч представителей народа. Из-за этого зачастую возникают конфликтные ситуации, чреватые серьезными последствиями в полиэтнических регионах» [25, с.16]. «Очень больной для всех нас вопрос – это вопрос о легитимности национально-культурных организаций. Не секрет, что большинство из них являются на самом деле своего рода группами по интересам, клубами; это квазиорганизации, которые не имеют прочных связей со своей этниче-

ской средой и зачастую возглавляются непрофессиональными, некомпетентными, амбициозными и далекими от демократических традиций лидерами», - утверждает руководитель Ассоциации ассирийцев Москвы Р.Биджамов [29, с.7-8]. Поэтому абсолютно иллюзорны надежды и чиновников городских правительств, и некоторых социологов, как и оппозиционных политиков на то, что этнические диаспоры смогут решить все проблемы больших городов России, связанные с массовой иммиграцией. Поэтому власти не должны конституировать право лидеров национально-культурных автономий выступать от имени всей совокупности лиц, относящихся (или отнесенных) к той или иной «национальности». Необходимо также помнить, что коллективные права этнокультурных объединений не могут ставиться выше индивидуальных прав граждан на свободный выбор форм реализации своей этнокультурной идентичности.

Важно отметить, что миграционный прирост в городах России сегодня происходит за счет этого второго сообщества (новые трудовые мигранты), которое не интегрировано в принимающий социум и сложившиеся диаспоры, подвергается дискриминации по фенотипическим, этническим и конфессиональным признакам, что подталкивает к их сплочению на этнической / конфессиональной основе.

Поэтому оптимизировать осуществление так называемой «национальной политики» в крупных городах нашей страны можно только в том случае, если акцент в деятельности властей будет смещен с мероприятий культурно-фольклорного характера и работы национально-культурными автономиями на предотвращение пространственной сегрегации и социально-профессиональной дискриминации иммигрантов, особенно так называемых «видимых мигрантов» из стран и регионов ислама. Когда усилия будут направлены на противодействие ксенофобии и мигрантофобии, на преодоление этноцентризма в общественном дискурсе, в том числе в СМИ, школьных и вузовских образовательных программах.

В этом смысле, как представляется, Петербургская городская программа «Толерантность» [23], несмотря на, несомненно, имеющиеся недостатки, отличается в лучшую сторону. Она не только реализуется по традиционным направлениям работы с национально-культурными объединениями, но и имеет еще одного вполне определенного адресата – это петербургские учителя и школьники (курсы русского языка мигрантов, музейная программа, циклы лекций, «Этнокалендарь Санкт-Петербурга» и методические рекомендации учителям по работе с ним, Ежедневник старшеклассника и т.д.), и осуществляется в соответствии с положениями «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО 1995 г.: «Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения интолерантности. Воспитание в духе толерантности начинается с обучения людей тому, в чем зак-

лючаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав и с поощрения стремления к защите прав других ... Воспитание в духе толерантности должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим».[3]

Сиюминутную отдачу усилия по воспитанию толерантности дать не могут, толерантность не может быть провозглашена и реализована в приказном порядке, она результат накопления доверия в межгрупповых отношениях, постепенно делающего субъективно безопасными различия в ценностях, представлениях и поведении «других». Поэтому узнать насколько эффективна программа «Толерантность» мы сможем только тогда, когда нынешние школьники войдут во «взрослую жизнь». Кроме того, средств и усилий, затрачиваемых в рамках этой программы явно недостаточно, для достижения поставленной цели: социальной интеграции мигрантов. Необходима концентрация ресурсов и единство действий городских властей.

Поэтому появление наряду с программой «Толерантность» городской программы «Иммиграция», на которую предполагалось возложить задачу проведения политики адаптации трудовых мигрантов к городской среде, является не достоинством, а недостатком. Тем более что провести разграничение между мигрантами, приехавшими на постоянное жительство (объект программы «Толерантность») и временными трудовыми мигрантами (объект программы «Иммиграция») практически невозможно, что подтверждает опыт Западной Европы. Как заметил по этому поводу известный швейцарский драматург М.Фриш: «Доставляли рабочую силу, но прибыли живые люди». Поэтому они не уехали, напротив, их семьи стали приезжать Европу. Более того, судя по некоторым публичным заявлением председателя комитета, ответственного за программу «Иммиграция», он видит приоритетную задачу не в мерах по адаптации мигрантов, а в ужесточении контроля над иммиграцией и замещение труда иммигрантов якобы имеющимися внутренними трудовыми ресурсами. Так, он абсолютно голословно заявил о возможности привлечения на рабочие места мигрантов - 300 тыс. студентов и 80 тыс. инвалидов.[4]

---

[3] *Статья 1.1 "Декларации принципов толерантности" гласит: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [3].*

[4] *В конце 2013 года во исполнение задач, поставленных в «Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2015 года» в рамках правительства Санкт-Петербурга*

Поэтому «анклавизация», формирование этнических кварталов – сегодня по прежнему серьезная опасность для крупных городов России, поскольку это ведет к ускорению процесса сегрегации наименее приспособленных к городской среде мигрантов и росту дистанции между ними и представителями принимающего общества. «Все более явная этносоциальная стратификация населения, монополизация отдельных сфер деятельности (в особенности в сфере мелкооптовой и розничной торговли, посреднической деятельности) представителями определенных этнических групп (чаще всего выходцами с Кавказа и из Центральной и Юго-Восточной Азии), … этническая окрашенность ряда структурных элементов криминогенной ситуации (рэкет, наркоторговля, захват заложников и др.) провоцирует нарастание русского национализма на бытовом уровне», - отмечает, в частности, В.Р.Филиппов [28, с.188]. Именно этими обстоятельствами, по крайней мере, отчасти объясняется массовая реакция отторжения иммигрантов-мусульман большинством «коренных» россиян. При этом по данным социологических опросов, прежде всего, происходит рост «кавказофобии», оттесняющих на «задний план» традиционный для России антисемитизм ввиду почти полного исчезновения его объекта (численность российских евреев сократилась с 2 млн. в 1989 г. до 300 тыс. в 1999 г.). Среди народов, вызывающих неприязнь и раздражение, респондентами чаще всего называются чеченцы (14,8%), азербайджанцы (5,1%), армяне (4,1%), кавказцы в целом (6%); евреев упомянули - только 2,5% опрошенных [30]. По другим данным «основную массу этнического негативизма образуют антикавказские установки и неприязнь к цыганам (в сумме они составляют примерно 2/3 всех ответов респондентов, в которых выражены антипатия или фобии по отношению к людям других национальностей)» [4, с.183]. Эксперты фиксируют также наличие связи между ксенофобией и страхом перед будущим в современном обществе риска.

В свою очередь, исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН, анализирующие ситуацию на рынках труда и жилья, наглядно показывают, что мигранты в городах России попадают в своеобразный порочный круг: отторжение мигрантов принимающим сообществом и властными структурами (наряду с объективными обстоятельствами, ограничивающими доступ мигрантов к тем или иным профессиям) формирует специфические социальные практики включения мигрантов в местные рынки труда, их функционирования на этих рынках. Имеются признаки того, что в сфере занятости идет процесс сегрегации этнических групп (по край-

был создан новый «Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге», который теперь курирует реализацию и программы «Толерантность, и программы «Иммиграция».

ней мере, в строительстве, торговле, общественном питании, общественном транспорте), выстраивание их иерархии, когда представителям того или иного меньшинства отводится вполне определенная социальная ниша. Причем, ни принимающее большинство, ни власти, ни другие меньшинства не приветствуют попытки покинуть такую нишу [19]. В свою очередь закрепление в определенной нише в сочетании с низким профессиональным статусом, не предполагает позитивной стратегии адаптации.

Поэтому если прежняя «миграционная политика» интеграции будет продолжена, то несложно предсказать, что сотни тысяч детей «гастарбайтеров», родившихся или прошедших социализацию в «негостеприимной» России, не будут мириться с унижением и дискриминацией, которым подвергались и подвергаются их отцы и, которые соглашались на любые условия труда и жизни. Второе поколение иммигрантов будет отвергать дискриминацию по этническим и расовым основаниям, этнофобии и ксенофобии «коренного» населения и будет активно протестовать против собственного низкого социального статуса. Как показывают социологические исследования, «чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем выраженнее этническая интолерантность».[5] Тем более что всегда найдутся политические лидеры, готовые сделать защиту этничности своей профессией.

Ряд экспертов уже отмечает, что среди мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии уже сегодня идет рост исламистских настроений, В частности это происходит под влиянием тяжелых условий труда и его низкой оплаты, из-за преследований со стороны коррумпированных правоохранительных органов, давления ксенофобских настроений, а также как реакция на распространенность в России таких бытовых пороков как пьянство. Исламизм не обязательно приводит к экстремистско-террористической деятельности, однако, среди таких людей вербовать членов экстремистских организаций намного легче. Многие из групп таджикских и узбекских рабочих организованы по принципу джааматов, во главе с лидером, являющимся одновременно бригадиром, родовым старейшиной и религиозным авторитетом. Кроме того, на территорию России без регистрации (на краткие сроки) приезжают религиозные авторитеты из стран Центральной Азии для проведения различных ритуалов и проповедей. Оба кАнала могут легко послужить цели распространения экстремистских настроений [8].

Как резонно заметил А.Малашенко, «ксенофобия одних по отношению к другим встречает ответную, зачастую более жесткую реакцию. Таким

[5] *В целом, по оценкам на 2010 год, 18% учащихся в образовательных учреждениях Петербурга – это дети мигрантов [16, с.22].*

образом, ее рост приобретает черты геометрической прогрессии, что особенно заметно в условиях кризиса» [14, с.18]. Поэтому, если учитывать ту культурную дистанцию, которая объективно существует между русскими и иммигрантами из мусульманских регионов и стран, то обращение части из них к своим этническим истокам и конфессиональному фундаментализму практически неизбежно (особенно при условии, что российское государство не предпримет действенных мер по управлению миграциями и защите прав новых этнических меньшинств). Об этом, в частности, свидетельствуют события в пригородах французских городов осенью 2005 г. и в городах Великобритании летом 2011 года. Дистанция же от этнического и религиозного фундаментализма до политического экстремизма и терроризма очень коротка. Таким образом, речь идет о реальной и близкой опасности.

Библиография

1. Бредникова О., Панченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами». // Диаспоры. 2001, №1.
2. Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности. // Национальный психологический журнал. 2011. №2, с.90-97.
3. Декларация принципов толерантности, // http://www.tolerance.ru/deklar.html.
4. Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в постсоветской России. // Гудков Л. Негативная идентичность. - Москва, 2004.
5. Гудков Л. Инерция пассивной адаптации. // Pro et Contra. 2011, январь-апрель. №1-2 (51).
6. Дятлов В. Кавказцы в Иркутске: конфликтогенная диаспора. // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. / Под ред. Г.Витковской, А.Малашенко. - Москва, 1999.
7. Ефременко Д.В. Переизобрести Европу – перевообразить Россию. // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН: Редколл. Ильин М.В. (гл. ред.) и др. – Москва, 2010.
8. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности Российской Федерации. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – Санкт-Петербург, 2013. Т.9. №1.
9. Караулов И. Кризис лидерства. // «Известия», 2013, 28 августа.
10. Кудрявцев А.В. Исламофобия в постсоветской России. // Ислам в СНГ. – Москва, ИВ РАН, 1998.

11. Малахов В.С. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне. // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели… Сб. статей; сост. и отв. ред. Е.Деминцева. – Москва, 2013.
12. Малахов В. Понаехали тут… Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. - Москва, 2007.
13. Малашенко А.В. Каким нам видится ислам. // Россия в глобальной политике. 2006, №5.
14. Малашенко А. Ксенофобии в постсоветском обществе (Вместо введения). // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. / Под ред. Г.Витковской и А.Малашенко. - Москва, 1999.
15. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. // Полис. 2010. №2.
16. «Метро», 2010, 15 ноября.
17. Мукомель В.И. Мигрантофобии и этнофобии в современной России. // Этнодиалоги: Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – Москва, 2005. №2 (23).
18. Мухаметшина Н.С. Этнический национализм: технология освоения политического пространства. // Регионалистика и этнополитология. / Редкол.: Р.Ф.Туровский (отв. ред.) и др. - Москва, 2008.
19. Национальные меньшинства на рынках труда и жилья: социологические исследования этнофобий и дискриминации в субъектах Российской Федерации. - Москва, РГНФ, 2004.
20. Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации, // http://www.poli/studies.ru/fulltext/2008/5/6.htm
21. Панченков О.В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого. // Журнал социологии и социальной антропологии. – Санкт-Петербург, 2008. №1.
22. Панфилов Л. Непредсказуемое прошлое. У современных «царей» - имперские замашки. // «Аргументы и факты», 2013, №46.
23. Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011-2015 годы, // www.spbtolerance.ru
24. Романов М.В., Степанов В.В. Беспорядки на Манежной площади в восприятии молодежи. // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад. / Под ред. В.Тишкова и В.Степанова. - Москва, 2011.
25. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества. Статьи и интервью. – Москва, 2008.

26. Тишков В.А. Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия. // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В.Бочаров. Т.2. Политическая культура и политические процессы. – Санкт-Петербург, 2006.
27. Тишков В.А. Этнология и политика. - Москва, 2005.
28. Филиппов В.Р. Кризис этнического федерализма в России. // Регионы и регионализм в странах Запада и России. - Москва, 2001.
29. Этнические процессы в столичном мегаполисе. / Отв. ред. В.Р.Филиппов. - Москва, 2008.
30. http://www.antirasizm.ru

Представлена в редакцию
20 января 2014 года

Рецензент – ***Родика СВЕТЛИЧИНЫЙ***, доктор исторических наук, доцент

REPERE CULTURAL-SIMBOLICE ALE PROCESULUI DE IDENTIFICARE NAŢIONALĂ

Cezar MÎNĂSCURTĂ
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Politice şi Economice Europene „Constantin Stere", Facultatea Relaţii Internaţionale şi Ştiinţe Politice
Doctor în ştiinţe politice, conferenţiar, șef-catedră

In this article it is investigated one of the main functional aspects of the political symbolysm – the national identification process through identificational cultural matrix, the component part of uhigh are the symbols, the myths and the political rituals, in order to answer to the vital needs of the existence and proper function of a society and a state.

Genesis, the creation and identificationt through the culture and the symbols to the different nations represents a long historical process with many levels in which you have to take into account three important parameters (space, time, human criteria (ethnic and interethnic communications), uhigh went along with the constituation and evaluation of the national conscience, these processes being divided into two historical stages – the prenational stage and national stage.

At the prenational stage, until the modern epoch, it had take place a slow and continual accumulation of the ethnocultural symbolistic fund, this being the „incubation" process, that had a spontaneous character, but at the national stage, when the nations began to constitute as human community in a general plan, a symbolic significance was the fact that the spread of the symbolistic turned out from a spontaneous process in an organized process. The collective creation result of the national symbols while it is not a single matrix but a kind of kit under the „do-it-yourself", a series of disclaimers of national soul and a set of processess required to elaborate them, yet it can be identified to all nations so-called „matrix identification".

Through this matrix, the political symbolism, especially the national-state symbols are presented as an extremely valuable, capable to influence the size of the irrational in this area. It belongs to the nation, it is to be simultaneously both a citizen of the democratic state as one of the heirs of cultural heritage included symbolical, common and indivisible that must be known and respected.

Înţelesul modern şi contemporan al ideii de naţiune este asociat cu structurile politice, economice şi juridice ale statului-naţiune, întemeiat pe comunitatea democratică a cetăţenilor, dar şi pe identitatea lor colectivă, de expresie cultural istorică, pe specificitatea organismelor economico-sociale. Din momentul debu-

tului epocii moderne şi odată cu apariţia statelor naţionale, apelul la simboluri cu valoare naţional-identitară a avut menirea de a coagula corpul cetăţenesc, cultivîndu-i sentimentul de apartenenţă şi fidelitate faţă de statul în care s-a născut. Acest cuantum de repere cultural-simbolice nu lipseşte nici din arsenalul politic al Republicii Moldova. Simbolurile naţional-statale sunt o parte integră a identităţii naţionale.

Înfăţişându-se ca unitate politică, de obicei, *naţiunea* este identificată cu *statul***,** văzut ca sistem de instituţii ce menţine coeziunea internă a comunităţii şi exercită suveranitatea în interior şi exterior în numele acestei comunităţi de cetăţeni, cu solidarităţi istorice şi existenţiale multiple. Construită pe temeiul principiului democratic al cetăţeniei**,** care este o nouă formă a legitimităţii politice, naţiunea modernă îşi pierde treptat referinţa la suportul ei istoric şi etnic în favoarea cadrului politic statal, ce îşi extrage legitimitatea democratică din principiul egalităţii politice a cetăţenilor, fără apel la apartenenţa lor etnică.

Cu toate acestea, suportul etnic al naţiunii, chiar dacă privim naţiunea ca unitate politică de factură democratică, nu poate fi eliminat. Factorul politic (apartenenţa la un stat, ce recunoaşte tuturor indivizilor aceleaşi drepturi şi îndatoriri) a ajuns să prevaleze treptat asupra diferenţelor lingvistice, religioase, culturale, etnice, istorice, dar aceste apartenenţe, preexistente, neutralizate formal în plan juridic şi politic, sunt permanent active în fundalul vieţii sociale, chiar şi în cazul naţiunilor dezvoltate, cum vedem că se întâmplă cu naţiunile angajate în procesul de integrare europeană.

S-ar putea afirma că identitatea politică bazată pe raţionalitatea formală şi abstractă a statului democratic, nu poate anula identitatea culturală, cu aderenţe organice la formele comunitare şi etnice, la simboluri şi solidarităţi afective, forţe, ce se manifestă în orice societate tocmai pentru a întări caracterul specific al naţiunii.

Simplificând lucrurile, naţiunile îşi exprimă concomitent identitatea, în chip esenţial, prin realităţi politice şi realităţi culturale. Apărut în epoca modernă, principiul naţional de organizare a statelor era menit să asigure relativa coincidenţă între cele două atribute ale naţiunilor: identitatea politică şi identitatea culturală. Ideea naţională a funcţionat simultan ca ideal politic şi strategie de construcţie a modernităţii economice şi culturale în decursul ultimelor trei secole. Procesul de modernizare consolidează noile forme ale identităţii naţionale, prin acţiunea conjugată a agenţilor economici, politici, şi culturali.

Este esenţial de remarcat, că din momentul genezei lor, naţiunile sunt de două tipuri: „organice” şi „politice”. S.Huntington afirmă: „Pentru cei mai mulţi oameni, identitatea naţională este produsul unui îndelungat proces de evoluţie istorică în care sunt implicaţi o serie de strămoşi comuni, experienţe comune, un fond etnic comun, un limbaj comun, o cultură comună, şi de obicei, o religie comună. Identitatea naţională are astfel un *caracter organic***.** Naţionalismul ameri-

can însă să constituit mai degrabă în *sens politic* decât organic. Ideile politice ale „Crezului American”[6] au constituit baza identităţii naţionale”. [1, p.40]. Aceste diferenţe în geneza naţiunilor au stat la baza apariţiei diferitor şcoli politologice (franceză şi germană), ce cercetează acest fenomen.

În Europa, spre deosebire de Statele Unite ale Americii, liantul naţional a fost asigurat în primul rând de valorile „organice”, istorice şi culturale, trecând pe un suport politic preponderent mult mai târziu, în care ataşamentul la valorile politice devine mai puternic decât ataşamentul la valorile cultural-istorice, făcând posibilă utilizarea în ştiinţele politico-sociale şi în limbajul politic curent a termenului-cheie *stat-naţiune*, cu sens civic, politic şi juridic, ca structură integratoare, ca sistem şi înveliş instituţional al naţiunii.

Calitatea naţiunii de a fi subiect al propriei sale existenţe şi deveniri istorice se manifestă în toate componentele vieţii sociale, care dobândesc şi îşi menţin, în grade variate de intensitate, caracteristici naţionale, aşa încât trebuie să vedem în identitatea naţională o sinteză a unor serii de caracteristici ce ţin de specificitatea structurilor sociale, economice, lingvistice, culturale, etnice şi politice. Afirmarea istorică a naţiunii este (în fond) un proces cultural, în aceeaşi măsură în care este unul economic şi social-politic. De fapt, cultura este concomitent o expresie a naţiunii şi unul din factorii constitutivi a existenţei sale istorice.

S-ar putea afirma că naţiunile, ca structuri integratoare specifice modernităţii, s-au constituit tocmai ca urmare a interacţiunilor unor factori multipli, pe suportul unei tradiţii istorice şi culturale. Interdependenţa şi autonomia relativă a celor trei serii de factori – economici, politici şi culturali, ce prezidează fenomenul naţional, sunt elocvent ilustrate de dificultăţile specifice ale tranziţiei pe care o parcurge astăzi Republica Moldova, fiind încadrată în procesul de regăsire şi / sau creare a propriei identităţi naţionale.

Cercetarea identităţii este inerentă condiţiei umane: în scopul cunoaşterii integrale a unui individ se impune familiarizarea cu neamul, etnia şi naţiunea lui. Istoria colectivă şi credinţele grupurilor sociale dau informaţii asupra personalităţilor şi membrilor lor şi le definesc identitatea.

Problema identităţii, în multiformele ei manifestări, inclusiv şi cea a identităţii naţionale, incită la maximum opinia publică şi a devenit un subiect abordat în cadrul numeroaselor studii şi cercetări ştiinţifice, dezbateri, întruniri, simpozioane şi conferinţe. Eforturile popoarelor de a-şi căuta propria identitate constituie una dintre cele mai dificile, chiar controversate probleme cu care se confruntă, deoarece orice individ simte necesitatea de *a se identifica* cu un anumit grup social (inclusiv o naţiune), de a găsi răspunsuri la mai multe întrebări, de-

---

[6] *S.Huntington consideră că americanii îşi regăsesc identitatea într-un ansamblu de principii şi valori politice, care alcătuiesc aşa-numitul „Crez American”, definit de autor ca un amalgam, un complex de idei, valori, atitudini şi convingeri cu un caracter difuz şi nesistematic, ansamblu de valori larg împărtăşit de toţi membrii societăţii.*

loc retorice: Cine suntem? De unde venim? Ce ne aşteaptă mâine? Care este locul nostru în comunitatea europeană şi mondială?

În scopul unei mai bune înţelegeri a procesului de identificare naţională, inclusiv a rolului simbolurilor în acest proces, sunt necesare unele precizări şi aprofundări teoretice fără a pretinde la elucidarea problemei în întregime.

După cum observă J.Laplanche şi J.-B.Pontalis, substantivul *„identificare”* poate fi luat, fie în sens tranzitiv, corespunzător verbului *a identifica* (ceva / pe cineva), fie în sens reflexiv, corespunzător verbului *a se identifica* (cu cineva / ceva). *Procesul de identificare*, în acest context, se realizează în două direcţii: în sensul când subiectul îşi identifică propria fiinţă cu o alta, sau când subiectul identifică pe altul în comparaţie cu propria sa persoană. În situaţiile, când cele două sensuri coexistă, suntem în prezenţa unei forme de identificare mai complexe, invocate pentru a explica formarea sentimentului de „noi” [2, p.182], ceea ce presupune, îndeosebi în plan sociologic şi psihologic „recunoaşterea de către indivizi a apartenenţei lor la aceeaşi comunitate umană, în baza unor valori, retrăiri emoţionale, a unor structuri comune a lumii spirituale” [3, c.256].

Anume relaţia „noi” – „ei” este majoră pentru identificarea naţională colectivă şi din acest motiv ea poate fi descrisă atât în sens de apartenenţă la „noi”, cât şi în sens de diferenţă „de ei”. După cum observă M.Bacalova „existenţa şi percepţia altuia (alt grup, altă naţiune, alt popor) face posibilă delimitarea noi-ei şi deci este indispensabilă în procesul (auto) identificării” [4, p.61].

Naţiunea (din latinescul naţio – trib, popor), ca a doua componentă a sintagmelor *identitate naţională* şi *identificare naţională,* se prezintă ca o comunitate istorică de oameni constituită pe parcursul formării comunităţii teritoriale, a relaţiilor economice, a limbii literare comune, a trăsăturilor specifice ale culturii şi psihologiei naţionale şi care se caracterizează prin câteva trăsături definitorii: teritoriu, limbă, relaţii economice, constituţie psihică specifică, cultură, conştiinţă şi autoconştiinţă naţională [5, c.212].

Prin prisma celor enunţate, e evident faptul că identificarea naţională ca proces decurge în baza acelor trăsături definitorii caracteristice naţiunii şi/unde e esenţial de remarcat rolul culturii şi autoconştiinţei naţionale, ultima prezentându-se ca un „ansamblu de concepţii, viziuni, opinii şi relaţii, ce exprimă conţinutul, nivelul şi particularităţile reprezentărilor membrilor unei comunităţi naţional-etnice despre istoria sa, prezentul, dar şi perspectivele dezvoltării sale, cât şi despre locul comunităţii respective în cadrul unor comunităţi analogice şi a relaţiilor cu ele” [5, p.203].

Autoconştiinţa naţională conţine în sine atât elemente raţionale ale identificării, cum ar fi conştientizarea apartenenţei la naţiune, cât şi elemente iraţionale, emotive, cum ar fi retrăirile inconştiente ale unităţii cu alţi membri ai grupului naţional-etnic, fiind o temelie a conştiinţei naţionale, nucleul ei de aprecieri şi opinii emoţional-valorice cu caracter naţional-etnic necesar indivizilor pentru

autodeterminarea în cadrul vieţii spirituale şi social-politice, nucleu, în care simbolurilor naţionale le revine o cotă-parte considerabilă.

Apariţia germenilor autoconştiinţei naţionale a avut loc la nivel etnopsihologic cotidian şi este corelat cu unul din mecanismele de bază ale dezvoltării conştiinţei umane în general – constituirea şi înrădăcinarea în psihicul reprezentanţilor unui sau altui grup social, comunităţi sociale a antitezei „noi" şi „ei", altfel fiind spus, a conştientizării „ego"-ului propriului grup „noi" prin comparaţie cu alt grup – „ei". Temelia acestei antiteze, de obicei, este alcătuită din unul sau mai multe semne şi indicii distinctive exterioare, caracteristice pentru „noi", spre deosebire de „ei", ori viceversa, pentru „ei", spre deosebire de „noi".

În termenii cu care operăm, în calitate de trăsături şi indicii distinctive puteau servi:

- exteriorul membrilor grupurilor şi comunităţilor;
- aspecte ale dezvoltării socio-culturale (altă limbă, obiceiuri, tradiţii);
- aspecte ale dezvoltării socio-economice (alt mod de producţie sau alt mod de trai – sedentar sau nomad);
- aspecte ale dezvoltării religioase (alţi idoli, zei, totemuri);
- specificul organizării politice (mecanisme diferite de a conduce şi a transmite puterea) şi ideologice (alte sisteme de valori) etc.

Fixarea acestor trăsături distinctive, de obicei, era însoţită cu procesul de acordare lor a unor calităţi negative („ei" întotdeauna „răi", deoarece se deosebesc de „noi", fără îndoială „buni"). În acest context, exteriorul, zeii, obiceiurile, tradiţiile, simbolurile „lor" sunt „negre" faţă de cele „albe" ale „noastre".

Prin acţiunea acestei antiteze indivizii conştientizau apartenenţa lor la neam, clan, trib, etnie, identificându-se cu comunitatea şi acele trăsături distinctive, desigur „pozitive", caracteristice ei, iar contrapunerea cu alte comunităţi favorizează fixarea diferenţelor, conştientizarea şi crearea diferitor modalităţi de consolidare a comunităţii.

În această situaţie identitatea socială nu dobândeşte semnificaţie decât în raport cu diferenţele faţă de celelalte grupuri. Dacă indivizii au nevoie să se compare cu ceilalţi pentru a se evalua, atunci apartenenţa lor la un grup joacă un rol extrem de important în această evaluare.

Autoconştiinţa naţională, conştiinţa identităţii etnonaţionale se formează prin diferite metode şi mecanisme. Printre asemenea mecanisme ale identificării pot fi menţionate următoarele:

1. Identificarea prin intermediul limbii materne;
2. Identificarea prin religie;
3. Identificarea prin cultură, tradiţiile şi obiceiurile populare;
4. Identificarea prin intermediul statului şi structurilor lui [6, p.49-54].

Este esenţial de remarcat că primele trei mecanisme evidenţiate ale autoidentificării naţionale şi socializării etnice a popoarelor se află într-o relaţie de co-

mplementaritate şi se completează reciproc. Ele pot exista şi deseori chiar există în afara structurilor guvernamentale. Aceasta admite o îmbinare a manifestărilor externe de nesupunere şi nepăsare cu menţinerea concomitentă în sine a înstrăinării şi neperceperii mecanismelor statale de socializare.

Aproape în toate cazurile, când se revendică identitatea unui grup etnic, se porneşte din plan cultural. Este o afirmaţie plauzibilă, dacă avem în vedere că atunci, când organizările sociale globale se pulverizează, grupurile componente „se reînrădăcinează în subculturile lor particulare, pentru care au aderenţă, în care atributul identităţii culturale (limbă, religie, tradiţii, simboluri, etc.) nu mai seamănă cu cel al identităţii politice" [7, p.72].

Recursul la cultură pentru afirmarea identităţii este inevitabil datorită faptului că grupurile etnice devin „vizibile", în primul rând prin *tiparul cultural* al vieţii de grup, ce desemnează în concepţia lui A.Schutz „toate acele valorizări particulare, instituţii, sisteme de orientare şi direcţie (precum obiceiurile, regulile, legile, obişnuinţele, tradiţiile populare, simbolurile, eticheta etc.) ce caracterizează orice grup social în orice moment al istoriei sale" [8, p.105].

Nativii oricărui grup etnic acceptă nişte *scheme standartizate***,** gata elaborate cu privire la un tipar cultural, transmis ancestral (prin ereditate, prin „arhetipuri culturale") şi pe cale administrativă (de autorităţi) ca un ghid nechestionabil, valabil pentru evaluarea şi rezolvarea tuturor situaţilor şi problemelor, cu care se confruntă grupul.

În acest sens, capătă forme de tipar cultural numai acele cunoştinţe care se referă la viaţă în şi de grup şi care au fost transmise de la o generaţie la alta, fiind ridicate (prin esenţializări, selecţie, simplificări etc.) la rang de scheme standartizate şi de ghiduri ale acţiunii. Ele „sunt capabile să provoace aderare, mobilizare atât pe orizontală (la toţi membrii actuali ai grupului), cât şi pe verticală (de la o generaţie la alta)" [8, p.106]. Numai cunoştinţele ridicate la statutul de scheme standartizate au rang de tipar cultural al vieţii de grup şi sunt definitorii pentru identitatea grupului, iar celelalte cunoştinţe, afirmă A.Schutz, „rămân inconsistente, incoerente şi doar parţial clare, cu rol secundar şi indefinitoriu pentru identitatea unui grup" [8, p.106].

În câmpul de cunoaştere şi aprofundare a identităţilor grupurilor etnice şi a naţiunilor, pe lângă multe alte componente ale tiparului cultural, cum ar fi limba, tradiţiile, obiceiurile etc., se relevă rolul important al simbolurilor ca fenomen social şi cultural. Trebuie ţinută permanent în atenţie acea facultate, care ne face să înţelegem zona de virtualităţi a simbolului ori a grupului de simboluri, zonă ce asigură specificul şi diferenţele dintre grupurile etnice sau naţionale.

După cum afirmă C.-G.Jung „din cele două tipuri de simboluri - „naturale" şi „culturale", ultimele sunt cele mai importante componente ale construcţiilor mentale, elaborate de omenire pentru exprimarea unor „veşnice" adevăruri spirituale sau istorice" [9, c.85].

Pentru a asigura unitatea unei comunităţi la nivel simbolic bazele acesteia trebuie să fie puse deasupra oricărei contestări. Aceasta se realizează, în opinia lui G.Schopflin [10, p.73], prin „sacralizare”, ceea ce determină experienţa colectivă să elimine anumite idei, subiecte, sugestii, considerându-le lipsite de sens şi nedemne de a fi rostite.

Drept urmare, fiecare comunitate este legată de o serie de modele elementare care sunt considerate „obişnuite şi fireşti” şi acestea vor fi susţinute ca esenţiale pentru reproducerea culturală a comunităţii. Aceasta este lumea doxei şi a înţelesurilor tacite, mai simplu spus, a bunului simţ.

Pe parcursul istoriei, simbolurile culturale sunt supuse diferitor transformări şi schimbări, dar ele îşi păstrează „sacralitatea” nucleului iniţial. Simbolul de la origini presupune o „sacralitate” a nucleului iniţial, o stabilitate internă, ceea ce îi şi determină caracterul lui „veşnic” şi îl transformă în purtătorul memoriei culturale din generaţie în generaţie. El se prezintă ca un cod specific în care se intersectează atât straturi seculare, cât şi trăsături ale epocii contemporane.

În acest context Iu.Lotman afirma: „În simbol întotdeauna există ceva arhaic. Orice cultură are nevoie de anumite elemente ce ar îndepliniri funcţii arhaice. Simbolul niciodată nu a aparţinut unei anumite perioade a culturii, deoarece el străpunge cultura pe verticală: venind din trecut, traversează prezentul, urmând spre viitor. Memoria lui este totdeauna mai veche decât memoria textului nesimbolic ce-l înconjoară” [11, p.11], iar B.Rîbakov menţiona: „este foarte greu de atestat momentul istoric, când se pierde conţinutul unui sau altui simbol şi când începe tradiţia inconştientă de a păstra doar formă exterioară, fără cunoaşterea sensului imaginii” [12, c.95].

Dacă acceptăm că anumite procese sunt preyentate doxice, deci neclare pentru comunitatea în cauză, suntem mai aproape de a înţelege de ce analiza raţionalistă revine în permanenţă la problema iraţionalului şi de ce această iraţionalitate persistă. În mod asemănător, comportamentul iraţional îndeplineşte funcţii vitale în garantarea supravieţuirii colective a comunităţii. Raţiunea este frecvent definită ca reprezentând interesul individual, cu o dimensiune colectivă mai degrabă vagă, ce se opune timid acceptării intereselor colective care transced individul. Totuşi perpetuarea culturii poate să fie exact o astfel de judecată colectivă – raţiunea ce garantează continuitatea simbolurilor colective şi a comunităţii care le creează.

Graţie funcţiei sale comunicativ-informaţionale simbolul se prezintă drept un condensator original al memoriei culturii şi serveşte nu numai în calitate de mecanism universal şi efectiv al memoriei colective umane, dar este şi un principiu de sinteză al unităţii culturii. El se află într-o relaţie permanent activă cu contextul cultural, se transformă sub influenţa lui şi singur îl transformă. În termenii cu care operăm, am putea concluziona că de rând cu alte valori ale unui popor, spiritualitatea lui se află tezaurizată şi în simbolurile sale heraldice.

Fiecare comunitate umană va căuta să-şi asigure propria supravieţuire, inclusiv acele care urmăresc în aparenţă doar avantaje materiale. Comunităţile care s-au dovedit a fi cele mai eficiente şi rezistente în adaptarea şi readaptarea la condiţiile schimbătoare sunt acele pe care noi le numim grupuri etnice. Etnicul este şi a fost principalul generator de simboluri colective, simboluri care fac ca indivizii să aibă şi să păstreze sentimentul unei identităţi minimale, în calitatea lor de purtători ai valorilor morale, a ideii despre trecut şi viitor, un cod de valori prin care să poată comunica şi să le reglementeze viaţa de zi cu zi, obţinând astfel o comunitate de interese.

Reglementarea valorilor morale colective şi apărarea acestora merită să devină în acest context preocupări fundamentale ale unei comunităţi etnice. Trecutul joacă un rol special în reglementarea valorilor morale colective. Acceptând simultaneitatea sferelor concrete şi simbolice, atunci acţiunile concrete, materiale, trebuie să devină legitime în ochii făptuitorului, atât la nivel individual, cât şi la nivel colectiv, ca fiind emblematice pentru acea colectivitate.

Colectivităţile vor accepta foarte repede o astfel de legitimare dacă aceste acţiuni se dovedesc a fi părţi componente ale tradiţiei pe care comunitatea în cauză o admite şi care, la rândul ei, susţine comunitatea. Din acest motiv, cultivarea trecutului, a unui anumit trecut, trebuie să fie văzută ca un domeniu-cheie al reproducerii culturale, al ajustării morale şi pentru păstrarea identităţii.

O mare parte a simbolurilor colective pot fi discutate, într-o primă fază, din punctul de vedere a avantajelor materiale, dar această abordare este rareori suficientă fără sprijinul simbolic dat de legitimarea prin tradiţie. Rolul unui anumit trecut este acela de a asigura identitatea grupului, de a furniza un set de criterii imuabile şi universale, cu ajutorul cărora este evaluat prezentul (fără acesta solidaritatea grupului va fi grav afectată), un set de valori morale care stabileşte valoarea morală a comunităţii în faţa membrilor săi şi, în mod ideal, în faţa celorlalţi cu care aceştea se compară.

Analiza faptelor colective a demonstrat în repetate rânduri că comunităţile recurg la paralele istorice cu trecutul, la anumite precedente care sunt de fapt nişte relatări mitice, chemate să satisfacă nevoile ce decurg din solidarităţile de grup. Fără aceste paralele inexplicabilul nu poate fi explicat în termeni care să deţină o semnificaţie pentru grup. Sarcina istorică a clerului şi a intelectualilor, după cum consideră Z.Bauman, a fost cea de a efectua această muncă de interpretare [13].

Legitimarea de către trecut sacralizează această interpretare şi o face incontestabilă. Ea este transformată în doxă prin faptul că i se atribuie o origine. Mai mult ca atât, dacă originile actelor noastre viitoare se pierd în trecut, atunci orice încercare de a face o schimbare este interpretată imediat ca fiind împotriva a ceea ce este „obişnuit şi firesc”, a ceea ce este „lăsat de la Dumnezeu” [14].

Este evident că schimbarea este în mod curent justificată prin recursul la limbajul trecutului. În plus, trecutul este folosit ca o formă de cunoaştere, de exemplu: „ştim din istorie cum suntem, care ne sunt calităţile şi care ne sunt drepturile, de aceea suntem deosebiţi. Trecutul nostru ne dă dreptul la o apreciere morală, deoarece am suferit sau am înfăptuit fapte de vitejie, iar acest drept trebuie apărat”.

Din cele expuse anterior rezultă că trecutul este un aspect inevitabil al construcţiei identitare şi în mod obligatoriu, un aspect al autorităţii. Ultima dimensiune este mai complexă, deoarece tehnicile obişnuite pentru implementarea puterii: instituţii, reglementări legale etc. – sunt insuficiente acolo unde valorile nu sunt împărtăşite de către toţi membrii comunităţii sau de către marea lor majoritate, în special acolo, unde are loc interferenţa diferitor seturi de valori comune, a diferitor forme de coeziune.

Este important de menţionat că în timp ce relaţiile în cadrul unui grup etnic pot fi schimbătoare şi deschise schimbării, privită din exterior, posibilitatea de schimbare va fi, în mod evident, mult mai limitată. Limitele comune ale grupului pot rămâne relativ stabile, iar sistemul de trasare a limitelor simbolice va părea, în mod normal, destul de stabil şi impermeabil din interior, deşi pentru observatorul extern poate părea arbitrar şi imprevizibil. Dacă doxa noastră este imperceptibilă pentru noi, va fi deseori vizibilă pentru ceilalţi.

Rolul simbolurilor şi utilizarea lor pot fi văzute acum, în acest context colectiv, ca instrumentale, ca un mecanism prin care se realizează coeziunea grupului. O dată ce se recunoaşte că simbolurile sunt o modalitate de edificare a comunităţii, atunci devine clar şi mai uşor de observat unde şi când se manifestă, chiar şi în doxa proprie. Definirea proprie, atât cea individuală, cât şi cea colectivă, depinde în mare parte de controlul asupra trecutului.

E esenţial de adăugat câte ceva despre rolul mitului în procesul identificării, ultimul fiind o modalitate de a structura experienţa, de a-i da un context şi un conţinut care să fie relevante pentru autodefinirea unei colectivităţi. Toate colectivităţile creează şi folosesc mituri, ce nu pot fi calificate ca adevărate sau false şi nici o demistificare sau demascare nu va face aceste mituri să dispară, deoarece acestea sunt un element constitutiv esenţial al identităţii. Când un mit este atacat direct, acest atac este văzut ca un atac la integritatea comunităţii.

Geneza şi constituirea simbolurilor naţionale la diferite popoare reprezintă un proces istoric îndelungat, cu multe nivele, în care trebuie să se ia în consideraţie 3 parametri importanţi: 1) spaţiul; 2) timpul; 3) criteriul uman (etniile şi comunicările interetnice), - şi care a decurs în paralel cu constituirea şi evoluţia autoconştiinţei naţionale [15, c.6].

Investigaţiile speciale, vizând dezvoltarea etnosocială şi etnoculturală a popoarelor din Europa Centrală şi parţial de Sud-Est, au demonstrat că geneza naţiunilor în acest spaţiu nu a fost un proces rectiliniu şi identic, ultimul fiind divi-

zat în două mari etape istorice – etapa prenaţională şi etapa naţională – barieră considerându-se aproximativ jumătatea secolului XVIII şi finalizând în anii 70 ai sec.XIX.

Începând cu etapa prenaţională şi luând în consideraţie cei 3 parametri necesari, savantul rus A.Mîlinikov evidenţiază procesul de evoluţie şi elementele de bază ale simbolisticii etnoculturale în procesul evoluţiei istorice a popoarelor.

În timp, continuitatea etnoculturală s-a marcat prin simbolistica memorială sub formele figurative (imagini) şi atributive. Aici se raportă atât personaje mitologice şi legendare, cât şi foarte reale, care au obţinut în conştiinţa popoarelor o semnificaţie idealizată. Atât unele, cât şi altele, serveau drept simboluri, deoarece prin intermediul lor se creau asocieri cu anumite evenimente semnificative în istoria şi cultura popoarelor. Aceste simboluri memoriale s-au infiltrat în contextul etnocultural treptat, prin intermediul folclorului arhaic (legende, poveşti, mituri, cântece, etc.). Aici se includ şi acele nume-simboluri, care se asociau cu apariţia formaţiunilor statale la diferite popoare.

O altă modalitate de statornicire a simbolisticii a fost forma sa atributivă, instituţională, care deja întruchipa ideile statalităţii şi unde pot fi raportate coroanele, stemele, drapele regale, drapele sau steagurile militare, alte embleme heraldice şi etnopolitice.

Conform *parametrului spaţial* pot fi evidenţiate simbolurile toponimice, care includ denumiri de munţi, râuri, alte realităţi geografice, ce creau în conştiinţa indivizilor asocieri cu teritoriile lor etnice. Treptat în repertuarul simbolurilor toponimice se includeau şi denumirile unor locuri istorice, legate de anumite bătălii victorioase şi vice-versa, în care popoarele au suferit înfrângeri.

Un rol semnificativ îl aveau şi unele edificii ale cultului religios – biserici, mănăstiri, temple, capele cu icoane etc. Simbolurile toponimice serveau nu numai procesului de identificare etnică, ci şi celui de orientare valorică a reprezentanţilor mediului etnocultural şi confesional. Este esenţial de menţionat şi rolul deosebit al creştinismului în procesul de conturare a simbolisticii etnoculturale.

Parametrul uman în cultura popoarelor s-a exprimat prin simbolistica cromatică şi aplicativă. Ambele forme erau chemate să sublinieze vizual deosebirea etnică şi legată de ea, marcarea statală, regională, socială, profesională a colectivelor de oameni sau a indivizilor.

Este necesar de menţionat că predomina simbolistica cromatică (a culorilor) care, transmiţându-se din generaţie în generaţie, se percepea ca simbol propriu al etniei date. Alexei Mîlinikov evidenţiază, că culorile roşu, galben şi albastru au fost şi sunt caracteristice popoarelor romanice de răsărit [15, c.11]. Aici se cere şi o concretizare esenţială – simbolismul cromatic, fiind universal şi conservator, nu poate fi absolutizat, deoarece culorile „proprii” unui popor pot fi tot atât de tradiţionale şi altor popoare, situate la o anumită depărtare sau chiar pe alt continent.

Aplicarea acestei scheme asupra istoriei Ţării Moldovei a permis istoricilor şi specialiştilor în heraldică din Republica Moldova să ajungă la concluzia: „că încă din etapa prenaţională în memoria şi tradiţia poporului s-au constituit şi păstrat acele însemne istorice, care cu timpul vor căpăta expresia unor simboluri de neuitat, transmise cu sfinţenie din generaţie în generaţie” [16, p.12].

Simbolurile memoriale ale Moldovei s-au plasat în contextul etnocultural treptat, fie sub formă populară (folclorică, care este cea mai arhaică), cum ar fi *Dragoş*, legendarul voievod, întemeietorul Ţării Moldovei; fie ca nume simbol - *Ştefan cel Mare şi Sfînt* – (simbol al gloriei Moldovei); ca însemne instituţionale – *capul de bour* ca herb al Ţării Moldovei (cât şi steaguri şi alte embleme etnopolitice) sau toponimice – *Codrul Cosminului, Putna* (simboluri ale gloriei militare şi ale nemuririi lui Ştefan cel Mare), etc. Cât priveşte cromatica tradiţională a steagurilor, blazoanelor şi a altor însemne heraldice, ea a întruchipat cele trei culori – *roşu, galben şi albastru* - izvorâte din istoria milenară a poporului moldovenesc.

Generalizând cele expuse, se impune concluzia, că la diferite popoare, inclusiv şi la cele din Sud-Estul Europei (romanice), în perioada prenaţională, până la epoca modernă, a avut loc o acumulare lentă şi necontenită a fondului simbolistic etnocultural. Acesta a fost procesul de „incubaţie”, când „multe din elementele lui purtau în sine nu atât pecetea etnică, cât cea statală şi încă nu se constituiseră în deplină măsură ca determinat etnic” [15, c.12].

Situaţia creată s-a schimbat radical în măsură, ce în Europa încep să se constituie naţiunile ca comunităţi umane şi, în plan general, a avut o semnificaţie deosebită faptul că răspândirea simbolisticii „s-a transformat dintr-un proces stihiinic într-un proces organizat” [17, c.12-13]. Rolul decisiv în acest proces l-au jucat reprezentanţii culturii spirituale şi cei ai mişcărilor de eliberare de sub jugul altor popoare, care bazându-se pe autoconştiinţa naţională în apariţie „de jos”, de la popor, depuneau eforturi pentru a o structura, generaliza şi orienta spre o conceptualizare a naţiunii. Ambele procese – „stihiinic” şi „organizat” se aflau într-o relaţie de complementaritate, îmbogăţindu-se reciproc.

Simbolurile memoriale, toponimice, cromatice şi aplicative, alcătuind nucleul fondului simbolisticii naţionale, constituite în sec.XIX-lea la un şir de popoare europene, nu au epuizat conţinutul acestui fenomen cultural. Funcţiile identificării, consolidării etnice şi naţionale, a mobilizării le-a îndeplinit şi simbolistica sonoră (operele muzicale), unele dintre ele transformându-se în treptat în imnuri naţionale.

Rezultatul făuririi colective a simbolurilor naţionale nu este o matrice unică, ci mai curând, după cum menţionează sociologul O.Lofrgeni „un fel de „kit” în regim de „do-it-yourself”; o serie de declinări ale sufletului naţional şi un ansamblu de procedee necesare elaborării lor” [18, p.5-25].

Astăzi se poate întocmi cu precizie lista elementelor simbolice şi materiale, pe care trebuie să le întrunească o naţiune demnă de acest nume. În acest sens, e binevenită acea „matrice identificaţională”, propusă de A.-M.Thiesse, ce conţine toate elementele necesare:

- o istorie ce statuiază continuitatea în raport cu marii înaintaşi;
- o serie de eroi exemplari pentru virtuţile naţionale;
- o limbă literară comună;
- monumente culturale;
- un folclor;
- locuri memorabile şi un peisaj tipic;
- o mentalitate specifică comună;
- însemne oficiale – imn, stemă, drapel;
- identificări de ordin pitoresc – costum naţional, specialităţi culinare;
- un animal emblematic” [19, p.9].

S-ar putea afirma, că naţiunile, care şi-au dobândit de curând recunoaşterea politică şi mai ales acelea, care şi-o mai revendică, prin multitudinea semnelor menite să le ateste existenţa, demonstrează în mod clar caracterul prescriptiv al acestui „chek-list” identitar.

„Chek-list” identitar este conceput ca o codificare originală, înţeleasă de către toţi sau majoritatea reprezentaţilor unei comunităţi etnice sau unei naţiuni. Fondul lui este constituit din simboluri, care marchează proprietăţile tipice (sau care, cel puţin, par a fi astfel) ale psihologiei naţionale şi ale tradiţiilor etnoculturale, care deosebesc etnia care a stat la bază unei naţiuni de alte comunităţi etnice sau naţionale.

Acest sistem de construire a identităţilor naţionale, care permite asamblări diferite, pornind de la aceleaşi elemente de bază, aparţine acum domeniului public mondial. Recurgerea la „chek-list”-ul identitar simbolic este mijlocul cel mai obişnuit şi mai lesne de înţeles de a reprezenta o naţiune, fie că e vorba de o festivitate de deschidere a Jocurilor Olimpice, de ceremoniile prilejuite de vizita unui şef de stat străin, de iconografia poştală şi monetară, de publicitate turistică.

E esenţial de remarcat, că identitatea naţională nu fiinţează decât prin adeziunea la acest chek-list identitar şi că încercările nereuşite sunt numeroase, iar succesele sunt rezultatul unui prozelitism susţinut, care îi instruieşte pe indivizi asupra identităţii lor, le inculcă datoria de a se conforma lui şi îi îndeamnă să răspândească, la rândul lor, această referinţă colectivă. Sentimentul naţional nu răbufneşte decât atunci, când a fost perfect *asimilat*, însă el trebuie să fi fost mai întâi de toate *învăţat*.

Despre faptul că semnificaţiile simbolurilor trebuie să fie *şi învăţate* ne vorbesc rezultatele unor sondaje sociologice, conform cărora imaginea „cap de bour” a fost interpretată de către respondenţi foarte diferit, uneori chiar contrapus.

De exemplu, din 100 de studenţi chestionaţi, răspunsurile la întrebarea „Capul cărui animal este zugrăvit pe stema Republicii Moldova?" au fost următoarele: al taurului – 22%; al zimbrului – 51%; al bourului – 22%; al altor animale – 5%" [20, p.45]. În acest scop, elaborarea în Republica Moldova a unei pedagogii ar fi binevenită, pedagogii, care ar fi rodul unor cercetări atente a experienţelor făcute de alte naţiuni, experienţe, care trebuie împrumutate atunci, când din start vor avea rezultate eficiente.

O parte componentă a formării, fixării şi reproducerii în diferite situaţii a identităţii oricărei naţiuni ca o comunitate politică şi social-culturală o reprezintă simbolistica şi idealurile de stat. Aici simbolul este modalitatea materială de a concentra într-un tot întreg ansamblul de idei, concepte, idealuri, care persistă la nivel social.

Însăşi simbolurile nu sunt legate inevitabil de realitate, cu ideile şi aspiraţiile care se află în conştiinţa maselor; ele nu sunt capabile să explice concret şi corect anumite motive şi mecanisme care determină şi reglează şi comportamentul grupurilor sociale sau a unor indivizi. Ele vin să caracterizeze nişte elemente generale, care pot fi găsite la fiecare, care sunt depozitate în inconştientul colectiv al populaţiei. Limbajul simbolic comun este mărturia vie a unei culturi politice asemănătoare la toţi membrii comunităţii umane date. Unitatea oricărei culturi se află în limbajul simbolic comun.

Fiecare popor creează şi venerează propriile sale simboluri naţional-statale, care legitimează factorii de putere existenţi. Ele se construiesc, după cum s-a făcut observat, pe o tradiţie îndelungată în care un rol important îl ocupă diferite embleme, blazoane, drapele, steme şi alte simboluri şi elemente de identificare statal-politică.

Un loc deosebit printre Simbolurile de Stat îl ocupă imnurile, care reprezintă prin sine ceva de genul unei „cărţi de vizită" a ţării şi a naţiunii. Ele sunt nişte semne de distincţie, cu ajutorul şi prin intermediul cărora un popor se deosebeşte de altul şi îşi poate afirma identitatea. Aceasta permite ca legitimitatea să fie obţinută nu numai la nivel naţional, ci şi la cel internaţional.

Fiecare stat are drapel şi stemă naţională, care simbolizează suveranitatea, independenţa şi locul acestuia în sistemul mondial de state. Este semnificativ că întrarea în funcţie a şefului statului are loc neapărat în prezenţa Drapelului de Stat. Depunerea jurământului în faţa Drapelului de Stat reprezintă o modalitate de a convinge cetăţenii despre intenţiile nobile de slujire a ţării şi apărare a valorilor şi intereselor lor. Profanarea simbolurilor de stat (drapel, stemă, imn) ale Republicii Moldova sau ale altui stat este interpretată ca un act nedemn, antinaţional, anti-statal şi este privită ca o acţiune susceptibilă de pedeapsă administrativă şi/sau penală. Conform Codului Penal al Republicii Moldova se pedepseşte cu amendă în mărime de pînă la 500 unităţi convenţionale sau cu muncă neremunerată în folosul comunităţii de la 100 la 200 de ore. Aceleaşi acţiuni săvîrşi-

te de persoana cu funcţie de răspundere responsabilă pentru respectarea modului de utilizare a simbolurilor de stat, se pedepsesc cu amendă în mărime de la 500 la 800 unităţi convenţionale sau cu muncă neremunerată în folosul comunităţii de la 180 la 240 de ore, sau cu închisoare de pînă la 3 ani, în toate cazurile cu privarea de dreptul de a ocupa anumite funcţii sau de a exercita o anumită activitate pe un termen de pînă la 5 ani [21, Art.347].

Drapelul, stema şi imnul au devenit o întruchipare emoţională a naţiunii. Exemplul cel mai elocvent sunt acţiunile de ardere publică a drapelelor anumitor ţări atunci când există un dezacord cu acţiunile sau poziţiile acestora.

De regulă, nici o ceremonie oficială nu se petrece fără prezenţa Drapelului de Stat. El se arborează pe clădirile Parlamentului, Guvernului, Preşedinţiei şi pe orice alte clădiri, care reprezintă puterea. El este o carte de vizită în străinătate prin arborarea sa la ambasade şi consulate. Drapelul este un element indispensabil în cazul întâlnirilor internaţionale bilaterale sau multilaterale. În zilele de sărbătoare naţională Drapelul de Stat este arborat pe clădiri şi în locuri publice. Arborarea Drapelului de Stat reprezintă încrederea reciprocă între guvernanţi şi guvernaţi.

Generalizând cele expuse, am putea afirma că Simbolurile de Stat, graţie capacităţilor de sintetizare şi sugestie, ilustrează într-un mod specific unele evenimente importante şi conservă informaţii preţioase asupra istoriei unei ţări şi unui popor. Funcţia esenţială a simbolisticii naţionale a fost, este şi va fi consolidarea etnică, unirea şi mobilizarea naţiunii. Această funcţie se manifestă îndeosebi în perioadele de criză pentru ţară şi popor, când mişcările de eliberare naţională decurg sub simbolurile istorice.

Este cunoscută definiţia lui Renan: „Existenţa naţiunii este un plebiscit de zi cu zi”. Formula este invocată pentru a acredita ideea unei concepţii specific franceze, non-organistice, despre naţiune şi se omit alte afirmaţii ale lui cum ar fi: „Ceea, ce dă fiinţă naţiunii este o bogată moştenire de amintiri...”, „ca şi individul, naţiunea este rezultatul unui lung trecut de strădanii, sacrificii şi dăruiri”, „Cultul strămoşilor este, dintre toate, cel mai legitim: strămoşii ne-au făcut ceea ce suntem” [19, p.7].

Obiectul acestui plebiscit este, într-adevăr, o moştenire – una simbolică, dar şi una materială, economică, politică. A aparţine naţiunii, înseamnă a fi concomitent atât cetăţean al unui stat democratic, cât şi a fi unul din moştenitorii patrimoniului comun şi indivizibil, care trebuie cunoscut şi cinstit.

În contextul celor enunţate mai sus se cere o delimitare clară a noţiunilor de *simboluri de stat* şi *simboluri naţionale*, care în literatura ştiinţifică uneori se mai confundă.

Simbolurile naţionale au rădăcini în autoconştiinţa naţională şi s-au creat pe parcursul unei perioade istorice durabile. Procesul simbolizării naţionale are

un caracter spontan şi stihiinic. Aceste simboluri reflectă imaginea unei naţiuni şi ideile unităţii naţionale, iar ordinea lor de utilizare nu este reglementată.

Simbolurile de stat sunt semnele care se adoptă (aprobă) prin hotărâri speciale, având ca scop confirmarea autorităţii statului oriunde ar fi prezente, debenind în timp simbolurile lui oficiale şi fiind prezentate prin Drapelul, Stema şi Imnul statului. Ele sunt acele semne care îl individualizează şi îl deosebesc de celelalte state. Simbolurile de stat nu neapărat sunt simbolurile naţionale, ci pot fi introduse şi adoptate de către elite pentru justificarea cursului politic şi ideologiei în vigoare.

Varianta optimă este suprapunerea noţiunilor în cauză, când simbolurile naţionale sunt instituţionalizate, legalizate, în aşa mod devenind simboluri de stat, fiind capabile să influenţeze indivizii spre anumite acţiuni sociale, să mobilizeze, să asigure coeziunea comunităţii în numele ideii naţionale. Simbolurile naționale ale Republicii Moldova formează o adevărată piramidă, reunind la vîrf *simbolurile naţional-statale majore*: Stema de stat, Drapelul de stat şi Imnul de stat, avînd pe laturi *simbolurile naţionale derivate*: cromatica naţională, drapelul civil, pavilionul naţional, drapelul de război, pavilionul de război, drapelul de luptă etc., iar la bază *simbolurile naţionale complementare*: moneda naţională, abrevierile oficiale ale denumirii statului etc. [22, Art.4].

În final, se impun şi unele concluzii. Identitatea etnică s-a sprijinit iniţial pe limbă, reprezentări religioase, elemente ale culturii materiale, ce asigurau reproducerea existenţială a mediului de viaţă. Treptat, sfera valorilor şi a manifestărilor cu relevanţă identitară s-a lărgit, pe măsură ce a crescut şi densitatea creaţiilor spirituale şi simbolice.

Antropologia culturală, etnologia şi istoria ne oferă un imens material documentar (creaţii mitologice, literare şi filosofice, credinţe, obiceiuri, ceremonii, simboluri, mituri, mentalităţi, etc.) din care se pot extrage traseele, pe care s-au organizat identităţile acestor societăţi.

Avansând spre epoca modernă, întâlnim multiple interpretări cu privire la echipamentul simbolic ce conferă identitate noilor organisme societale şi statale. Însemnele identităţii îşi schimbă treptat ponderea în trecerea de la medieval la modern, de la etnic la naţional. Cert este un singur lucru – principiul naţional este chemat să asigure o legătură între identitatea politică şi identitatea culturală. Unmai în acest caz putem vorbi despre o naţiune în adevăratul sens al cuvântului. Aici simbolurilor naţionale le este rezervat un loc aparte şi care nici pe departe nu este ultimul, ele vin să constituie identitatea națională, să o afirme şi să o transmită generațiilor viitoare.

Bibliografie

1. Huntington S. Viaţa politică americană. – Bucureşti: Humanitas, 1994.

2. Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabularul psihanalizei. – Bucureşti: Humanitas, 1994.
3. Петушкова Е. Идентификация. // Новейший философский словарь. – Минск: Издательство «Скакун», 1998.
4. Bacalova M. Procesul de identificare şi autoidentificare reflectat de mass-media balcanică. // SUD-EST, 1998, №4.
5. Политология. Энциклопедический словарь. (Сост. Ю.Аверьянов). – Москва: PUBLISHERS, 1993.
6. Moşneaga V. Limba, identitatea etnonaţională şi consolidarea statalităţii independente // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea VII. – Chişinău: USM, 1995.
7. Investigarea naţiunilor. Aspecte teoretice şi metodologice. (Coord. L.Culda). - Bucureşti: Editura „Licorne”, 1998.
8. Bădescu I., Dungaciu D., Baltasin R. Istoria sociologiei. Teorii contemporane. – Bucureşti: Editura „Eminescu”, 1996.
9. Юнг К.-Г. Подход к бессознательному. // Юнг К.-Г. Архетип и символ. – Москва: Ренессанс, 1991.
10. Schopflin G. Folosirea trecutului în realităţile interetnice // Caietele tranziţiei. Revista Institutului de Studii Posttotalitare. – Cluj-Napoca, №3, 1999.
11. Лотман Ю. Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. Т.21. – Тарту: ТГУ, 1987.
12. Рыбаков Б. Язычество древних славян. – Москва: Наука, 1981.
13. Bauman Z. Legislators and Interpreters. - Cambridge. Polity, 1987
14. Kertzer D. Ritual, politică şi putere (traducere de S.Avram și T.Fleşeru). – București: Univers, 2002.
15. Мыльников А. О формировании национальной символики. // Расы и народы. Вып.XXI. – Москва: Наука, 1991.
16. Mischevca V., Negrei I., Nichitici Al. Simbolurile Ţării Moldovei (Din istoria vexilologiei şi sigilografiei heraldice moldoveneşti din sec.XIV-XIX). – Chişinău: Ştiinţa, 1994.
17. Мыльников А. Народная культура и генезис национального самосознания. // Советская Этнография, 1981, №6.
18. Lofgren O. The Nationalization of Culture // National Culture as Process. – Ethnologica Europea, XIX, №1, 1989.
19. Thiesse A.-M. Crearea identităţilor naţionale în Europa. Secolele XVIII-XX. – Iaşi: Polirom, 2000.
20. Ţurcanu V. Paradigmele simbolurilor politice în Republica Moldova. (Analiză sociologică). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea VI-a. – Chişinău: USM, 1996.

21. Codul Penal al Republicii Moldova, Nr.985 din 18.04.2002 / http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&id=331268, accesat 20,03,2014
22. Lege Nr.86 din 28.07.2011 „Cu privire la simbolurile publice”. // Monitorul Oficial, Nr.164-165 din 04.10.2011 / http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=340408, accesat 19,03,2014

Prezentat la redacţie
la 21 martie 2014

Recenzent – ***Pantelimon VARZARI***, doctor în filosofie, conferentiar

PARTIDELE POLITICE ÎN PROCESUL INTERACŢIUNII DINTRE STAT ŞI SOCIETATEA CIVILĂ: CAZUL REPUBLICII MOLDOVA

Constantin SOLOMON
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova Facultatea de Istorie şi Filozofie
Doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor

This article analyzes the political parties in the interaction between the state and civil society in Moldova in Transition. It points out that political parties are political institutions of the political system of the state and political power is primarily organized state power and legitimate.

As a fundamental institution of state power is a force independent of individual will, a force that's not only able to give orders and make them able to be run. Moreover, it highlights that political parties are one of the most important political institutions of modern democratic society which actively contribute to strengthening ties between the state and civil society.

Political parties work together with civil society to the extent that there is no risk to exert pressure on individuals, emphasizing that it is important that political parties and civil society to act within the law. It is noted that the democratic changes in the Republic of Moldova to the appearance and affirmation of the NGO sector as one of the key levers in the functioning of civil society. In 2014 the country had recorded over 8,600 non-governmental organizations working in various areas: rural development, environment, health, education, human rights, scientific societies, etc.

The result of the research concluded that the building of pluralist democracy and multiparty affirmation, assertion of civil society, ensuring public debates contribute effectively to the establishment of the Republic of Moldova of a new political space.

Partidele politice reprezintă una dintre cele mai importante instituţii politice ale societăţii democratice moderne. Această teză nici nu este pusă la îndoială în literatura referitoare la teoria şi politica funcţionării democraţiilor moderne.

Este greu, dacă nu chiar imposibil, de subestimat rolul şi valoarea partidelor politice în calitatea lor de element fundamental al guvernării democratice. Înţelesul modern al democraţiei reprezentative, codificat şi definit prin numeroase standarde internaţionale existente, atribuie un rol esenţial partidelor politice care au menirea „de a reprezenta, de a exprima, de a transmite şi de a antrena ideile cetăţenilor, interesele şi opiniile lor cu privire la interesul comun”. Aceas-

tă viziune asupra partidelor politice a fost temeiul primordial cu mai bine de douăzeci de ani în urmă, în momentul în care Conferinţa pentru Securitate şi Cooperare în Europa (CSCE) a adoptat Carta de la Paris pentru o nouă Europă şi Documentul de la Copenhaga al Dimensiunii umane a CSCE.

La Paris, statele participante la acest proces au consfinţit prin semnăturile lor faptul că „democraţia, datorită caracterului său reprezentativ şi pluralist întruneşte o relaţie de răspundere faţă de electorat", afirmând câteva din funcţiile esenţiale pe care le exercită partidele politice [1]. În cadrul Documentului de la Copenhaga, statele participante au afirmat unanim „importanţa pluralismului faţă de organizaţiile politice", angajându-se să respecte şi să încurajeze „regimul viguros al democraţiei prin multitudinea de instituţii democratice" [2, p.285].

Partidele politice sunt un element fundamental al sistemelor democratice, jucând un rol esenţial în reprezentarea şi exprimarea intereselor politice ale cetăţenilor. Ele reprezintă, totodată, un contribuitor indispensabil şi valoros în procesul tranziţiei politice din Republica Moldova, un stat care îşi dezvoltă tradiţii proprii şi o experienţă avansată în susţinerea pluralismului politic şi ai instituţiilor statului de drept.

Puterea politică este în primul rând putere de stat, o putere organizată, întemeiată şi legitimată. Ca instituţie fundamentală a puterii, statul este o forţă independentă de voinţa individuală, o forţă nu numai care-i în stare de a da ordine, dar şi capabilă de a face ca acestea să fie executate. Exercitarea puterii după reguli presupune supunerea cetăţenilor ţării faţă de aceste reguli. Statul îşi exercită atribuţiile în acord cu anumite principii, proceduri, legi, reguli. Prin puterea statului puterea politică devine o artă sau o tehnică a guvernării, fiind deţinută de grupuri restrânse de indivizi cu interese în aparenţă comune, dar mai mult cu interese individuale şi de grup.

Statul este autoritatea centrală, care dispune de aparatul şi mecanismele necesare menite a face ca voinţa, legile şi normele stabilite de ea să fie respectate şi traduse în viaţă. Locul şi rolul fundamental pe care-l are statul în sistemul puterii politice constă în faptul că el este unica instituţie în drept să ia decizii la nivelul întregii societăţi, să acţioneze în numele poporului, să-şi exercite autoritatea pentru realizarea binelui public.

Partidele politice sunt instituţii politice care fac parte din sistemul politic al statului. Ele sunt organizaţiile care efectuează legătura între societate şi stat. Stabilind interesele unor sau altor grupuri sociale sau altor tipuri de grupuri ale populaţiei, ele le unifică într-o asemenea formă care influenţează direct asupra deciziilor organului de stat (funcţia de reprezentanţă). Partidele politice stabilesc scopurile, elaborează ideologia, programele, tind să determine strategia dezvoltării societăţii şi să convingă cetăţenii de justeţea ei, lărgind, astfel, rândurile adepţilor şi aliaţilor săi.

În republică a crescut simţitor numărul formaţiunilor politice. De fapt, putem evoca în primul rând fenomenul „partidelor ciuperci" care, fiind specific şi altor ţări, este caracteristic şi Moldovei [3, p.11].

Şi totuşi, dacă în anul 1992 în republică erau înregistrate peste 70 de partide şi mişcări social-politice [4, p.8-10], apoi în anul 2002 erau înregistrate doar 29 de partide şi organizaţii social-politice [5, p.191-192], iar în 2013 Ministerul Justiţiei al Republicii Moldova a înregistrat 40 de partide şi organizaţii social-politice (vezi anexa).

O realizare evidentă a democraţiei este instituţionalizarea partidelor politice ca institute democratice ale statului moldovenesc independent [7, p.66-94]. Constituţia Republicii Moldova, adoptată la 29 iulie 1994, a pus bazele pluripartitismului în ţară şi a determinat locul şi rolul partidelor politice în sistemul statalităţii moldoveneşti.

Specialiştii în domeniu disting trei etape succesive în crearea şi consolidarea sistemului pluripartidist în Moldova.

Prima etapă (perioada anilor 1989-1991) înregistrează reorientarea de la sistemul monopartidist şi luarea cursei spre reducerea rolului Partidului Comunist.

Etapa a doua (din septembrie 1991 până în noiembrie 1993) se caracterizează prin constituirea sistemului pluripartidist în Republica Moldova.

Etapa a treia (din 1994 până în prezent) se caracterizează prin consolidarea pluripartidismului, instituţionalizarea lui definitivă în sistemul politic al ţării [8, p.103-115].

În acest context menţionăm că instituţionalizarea partidelor politice prevede o anumită ordine a creării lor şi reglementarea structurii interne şi a activităţii lor. În literatura de specialitate se menţionează că prin instituţionalizarea partidelor se subînţelege nu doar o definire legislativă a lor, ci o reglementare deosebită a modului de constituire a partidelor, atribuindu-li-se unele drepturi speciale de care alte asociaţii nu pot beneficia" [9, 24].

Fondatorul ştiinţei acţiunii eficiente (praxiologia) T.Kotarbinski considera că atunci „când apreciem comportamentul cuiva drept eficient, ineficient sau indiferent o facem din punctul de vedere al scopului pe care l-a urmărit sau îl urmăreşte cineva" [10, p.38]. Acest mod de a judeca eficienţa acţiunilor este pe deplin aplicabil şi în sfera conducerii politice. Fundamentarea praxiologică este esenţială pentru desfăşurarea activităţilor de conducere, deoarece o conducere lipsită de eficacitate este inutilă şi costisitoare pentru societate. În acest context, pregătirea ştiinţifică îndeplineşte în prezent un rol fundamental în procesul profesionalizării activităţilor de conducere în toate domeniile de activitate socială.

Factorii politici care au o atitudine responsabilă faţă de electorat sunt obligaţi să analizeze ce şanse are o iniţiativă politică de a deveni un instrument real de schimbare a realităţilor sociale în direcţia propusă. Ei trebuie să fie interesaţi

sa cunoască: a) în ce măsură politicile iniţiate servesc scopului declarat; b) nivelul de performanţă care poate fi atins în urma aplicării măsurilor preconizate (consecinţele care pot afecta viaţa cetăţenilor).

De fiecare dată modificarea sistemului politic în Republica Moldova se făcea nu pentru că aşa o cerea interesul naţional sau cu scopul de a obţine un randament politic maximal. Modificarea sistemului era produsul divizării puterii între diverse grupuri politice, reflecta rezultatul luptelor de moment, încercarea diverselor grupuri de a controla procesele de privatizare, de a avea acces la resurse.

La fel şi Codul Electoral, în preajma fiecărei campanii electorale în Republica Moldova se modifică pragul electoral. Daca în anii 1994-1998 acesta era de 4%, în anul 2000 Partidul Comuniştilor din Republica Moldova şi Partidul Popular Creştin-Democrat modifică pragul electoral de la 4 la 6%. în anul 2002, iarăşi, este modificat Codul Electoral, conform căruia un partid, pentru a depăşi pragul electoral, trebuia să acumuleze 6%, o alianţă din 2 partide - 9%, din 3 şi mai multe - 12%. în anii 2005-2006, după campania parlamentară, pragul este coborât din nou la 4%, dar nu pentru a democratiza sistemul, ci invers, pentru a răsplăti Partidul Popular Creştin-Democrat şi Partidul Democrat pentru gestul de trădare a propriului electorat. Nu a trecut nici un ciclu electoral şi în anul 2008, cu 10 luni înaintea alegerilor, pragul iarăşi este readus la 6%. Este clar că acest management era orientat contra partidelor din opoziţie, fiind o încercare a fostei guvernări de a rămâne cu orice preţ la putere.

Din anul 1997, când a fost adoptat până în prezent, adică în decurs de şaisprezece ani, Codul Electoral a fost modificat de 35 de ori [11].

În orice societate democratică cu tradiţii vechi, cu supremaţia stabilă a legii, opoziţia politică este apreciată ca fenomen ce contribuie la o dezvoltare şi funcţionare stabilă a societăţii indiferent de caracterul sistemului politic. Opoziţia politică este percepută ca fiind condiţie de perfecţionare a mecanismului de interacţiune dintre cetăţeni şi organele puterii de stat.

Opoziţia politică reprezintă un instrument eficace de soluţionare civilizată a contradicţiilor dintre interesele grupurilor mari de cetăţeni reprezentate de către partidele politice. Conform experienţei democraţiilor occidentale, faptul de a permite forţelor de opoziţie pentru a-şi expune părerea deosebită de cea oficială şi să concureze cu partidul de guvernământ în procesul politic are un efect de stabilizare asupra întregii structuri a societăţii.

Opoziţia constituie un mecanism eficient împotriva apariţiei, declanșării conflictelor sociale şi a situaţiilor de criză. Lipsa unei opoziţii consolidate conduce la creşterea instabilităţii sociale sau provoacă apatia maselor.

Menţionăm, că concurenţa şi lupta politică care însoţesc reformele în tânărul stat Republica Moldova, reprezintă fenomene normale pentru democraţie. Astfel, opoziţiei politice trebuie să i se asigură libertatea de a se exprima şi de a

acţiona ca un vector de corecţie a forţelor ce deţin puterea, iar factorii de guvernare confruntaţi cu probleme dificile ce vizează alegerea mijloacelor optime de gestionare socială, pot ajunge la soluţii care să nu creeze artificial „crize politice” sau să „destabilizeze” societatea.

Cel puţin la nivelul societăţii, cerinţa instituirii uni control eficient asupra puterii politice, pentru ai descuraja tendinţele abuzive şi pentru a o obliga să-şi respecte angajamentele asumate faţă de electorat, devine din ce în ce mai stringentă.

Pe parcursul doar a zece ani în Republica Moldova s-au succedat trei regimuri de guvernare:

- prezidenţial (3 septembrie 1990 - 28 iulie 1994);
- semiprezidenţial-semiparlamentar (29 iulie 1994 - 4 iulie 2000);
- parlamentar (5 iulie 2000 …).

Guvernarea întruchipează mijloacele folosite de putere în înfăptuirea politicii statului. Lupta pentru dreptul de guvernare sau de a menţine şi mai departe dreptul de a guverna este unul din aspectele principale ale vieţii politice a societăţii. Forţele politice care obţin guvernarea îşi formează structuri concrete instituţionalizate de diverse dimensiuni (parlament, guvern, preşedinte …), care în numele realizării politicii şi în interesele proprii îşi elaborează şi realizează politica proprie, care devine mijloc de putere a acestei guvernări. Adică, politica şi guvernarea sunt legate printr-o independenţă de cauză şi efect, politica devine cauza guvernării, iar guvernarea cauza politicii.

În rezultatul alegerilor parlamentare din 28 noiembrie 2010 în Legislativul ţării (101 locuri) au primit mandate de deputat 42 de reprezentanţi ai Partidului Comuniştilor din Republica Moldova, 32 – ai Partidului Liberal Democrat din Moldova, 15 – ai Partidului Democrat din Moldova şi 12 – ai Partidului Liberal. Nici unul din partidele reprezentate în Parlament n-a avut posibilitate să organizeze guvernarea de unul singur, nici unul din partide n-a primit 50 % plus un loc în Legislativ. La sfârşitul lunii decembrie 2010 Partidul Democrat a decis să participe la guvernarea ţării împreună cu Partidul Liberal Democrat şi Partidul Liberal. Partidul Liberal Democrat cu 32 mandate. Partidul Democrat cu 15 mandate şi Partidul Liberal cu 12 mandate au semnat Acordul, care a stabilit valorile, principiile şi mecanismele de funcţionare a coaliţiei de guvernare „Alianţa pentru Integrarea Europeană”, care prevedea integrarea europeană ca vector de bază ce va ghida acţiunile de politică internă şi externă ale instituţiilor statului. Însă, divergenţele în activitatea de guvernare AIE-1, AIE-2 şi a coaliţiei de guvernare europeană împiedică realizarea unei bune guvernări.

Acordul de constituire a alianţei nu trebuia să aibă nici o atribuţie la partajarea între componentele sale (partidele politice), instituţiilor, care în societăţile democratice sunt depolitizate, cum ar fi: Procuratura Generală, Serviciul de Informaţii şi Securitate, Centrul Naţional Anticorupţie, Comisia Naţională de Inte-

gritate şi altele, conducătorii cărora trebuie să se selecteze şi să fie angajaţi prin concurs.

Considerăm că toate formaţiunile politice, cele parlamentare, mai ales cele care alcătuiesc coaliţia de guvernare să înainteze pe prim plan interesul naţional, problemele suveranităţii, patriotismului, năzuinţele cetăţenilor, democraţia, demnitatea omului, drepturile şi libertăţile lui, dar nu cele de partid sau de grup şi să realizeze cu succes programul de guvernare a Republicii Moldova.

Guvernarea democratică se bazează pe acordul celor care conduc şi sunt conduşi. Guvernarea unei societăţi, oricare ar fi dimensiunile acesteia, reprezintă rațiunea existenţei şi funcţionării sistemului politic. Prin intermediul guvernării, proiectele şi programele, ce aparţin acelor partide care au câştigat competiţia electorală, capătă posibilitatea de a fi înfăptuite.

Pentru ca să se producă transformarea ideilor politice în fapte, mai este necesar să fie îndeplinită o condiţie esenţială şi anume: ca deciziile şi politicile guvernării să fie acceptate de societate. Altfel, există posibilitatea ca „puterea străzii" să împiedice realizarea lor, pe diferite căi (demonstraţii, greve, nesupunere civică etc.). Adică, este necesar să fie o acţiune reciprocă dintre guvernare şi societatea civilă. Instituţiile societăţii civile includ structurile obşteşti care activează independent de stat sau cu susţinerea acestuia, reunite după criterii sociale, profesionale şi alte criterii, activitatea cărora creează, în primul rând, relaţii de drept, de exemplu, la realizarea si protejarea de către indivizi a drepturilor si libertăţilor proprii, soluţionarea sarcinilor comune în domeniile economiei, culturii şi altor domenii ale vieţii sociale; în al doilea rând, capacitatea de a influenţa structurile de stat şi de a proteja oamenii în domeniul vieţii sociale, a consolida legitimitatea democraţiei şi a încrederii cetăţenilor în puterea lor.

Partidele politice conlucrează cu societatea civilă, se află într-o interacţiune cu aceasta, de aceea, este important ca atât partidele politice cât şi societatea civilă să acţioneze în limitele legale.

Societatea civilă este o construcţie distinctă, autonomă a cetăţenilor care acţionează în sfera socialului în afara instituţiei statale. Atât societatea civilă, cât şi statul, deşi reprezintă în teoriile moderne construcţii sociale autonome, nu există şi nu pot exista în izolare. Relaţionarea lor respectă legităţile vaselor comunicante. Societatea civilă găseşte în stat făuritorul de legi şi proceduri comportamentale sociale fără de care ea este expusă „riscului" de diluare. Statul, la rândul său, reprezintă, protejează şi promovează aspiraţiile societăţii civile [12, p.64].

Rolul structurilor obşteşti în orice stat, inclusiv în ţara noastră, este imens. Aceasta e legat de faptul că diversitatea lor reflectă un spectru de interese şi aspiraţii diferite ale cetăţenilor moldoveni. Cu cât mai stabile şi mai diverse vor fi instituţiile societăţii civile, precum şi participarea civică, cu atât mai obiectiv statul va putea asigura dezvoltarea si protejarea intereselor unui număr cât mai

mare a cetăţenilor săi. Anume participând la alegeri, cetăţenii îşi canalizează voinţa, oferindu-si votul unui sau altui partid, unui sau altui candidat, realizându-şi dreptul electoral în baza legislaţiei în vigoare, în condiţiile pluralismului. Drept subiecţi-cheie ai campaniei electorale apar partidele politice, care dispun de secţii regionale ca indicatori ai stării societăţii civile, deoarece, după gradul de activitate şi influenţa lor se poate judeca despre ceea ce are loc în societatea civilă, de faptul că ea exista şi de capacitatea ei de a efectua controlul asupra activităţii aparatului de stat.

În acest context menţionăm că schimbările democratice din Republica Moldova au favorizat apariţia şi afirmarea sectorului neguvernamental, ca una din pârghiile esenţiale ale funcţionării societăţii civile. S-au constituit organizaţii civile neguvernamentale (ONG-uri), cu obiective concrete ce contribuie la agregarea democratică în Republica Moldova. În anul 2014 erau înregistrate 8605 organizaţii neguvernamentale care activau în diverse domenii: dezvoltare rurală, protecţia mediului, sănătate, educaţie, drepturile omului, societăţi ştiinţifice etc. [13].

Cel mai important rol al societăţii civile este de a limita şi de a controla puterea de stat. Actorii societăţii civile trebuie să urmărească modul în care funcţionarii de stat folosesc puterea. Totodată, societatea civilă trebuie să expună comportamentul corupt al funcționarilor publici şi a face lobbysm pentru reforme de bună guvernare.

Societatea civilă trebuie să promoveze participarea ONG-urilor la încurajarea oamenilor, să participe la campaniile electorale şi să meargă la alegeri. Organizaţiile societăţii civile pot contribui la dezvoltarea valorilor democratice: toleranţă, compromis şi respect pentru exprimarea opiniei. Societatea civilă trebuie să contribuie activ la dezvoltarea programelor de educaţie civică, democratică în şcoli. Aceasta contribuie la consolidarea democraţiei prin oferirea noilor forme de interes şi de solidaritate, astfel ca: identitatea individului, limba vorbită, religie etc. ONG-urile pot furniza un teren de instruire pentru viitorii lideri politici care să se ocupe de problemele publice importante. Societatea civilă contribuie la informarea publicului despre problemele publice importante. Acest rol revine nu doar mass-mediei, dar şi ONG-urilor, care pot organiza forumuri de dezbatere a politicilor publice, pot înainta diverse iniţiative în faţa Parlamentului.

Considerăm necesar de atenţionat asupra faptului că femeile joacă un rol deosebit în funcţionarea organizaţiilor non-guvernamentale, şi în legătură cu aceasta partidele politice, statul în general acordă o atenţie sporită acestora. În acest context subliniem că în conformitate cu Constituţia Republicii Moldova bărbaţii şi femeile se bucură de drepturi egale. Republica Moldova este, de asemenea, membru al Convenţiei ONU privind drepturile politice ale femeilor, precum şi al Convenţiei ONU privind eliminarea tuturor formelor de discriminare

faţă de femei (CEDAW, din 1994), devenind din anul 2006 membru al Protocolului Opţional al CEDAW. În pofida unui cadru juridic naţional şi internaţional solid, ce pune bazele participării egale a femeilor şi bărbaţilor, femeile rămân a fi subreprezentate în viaţa politică, în special la nivelele superioare ale structurilor de luare a deciziilor naţionale.

De menţionat că în Republica Moldova nu există cote electorale pentru femei prin lege, astfel partidele politice sunt libere să decidă asupra numărului de femei pe care le vor desemna în alegeri. Legea cu privire la asigurarea oportunităţilor egale pentru bărbaţi şi femei, [14] adoptată în februarie 2006, conţine prevederi specifice cu privire la egalitatea oportunităţilor în domeniul electoral şi obligă autorităţile electorale şi partidele politice să respecte principiul egalităţii genurilor, dar această obligaţie rămâne pur declarativă şi izolată de alte acte normative, care reglementează funcţionarea partidelor politice. Totodată nici Codul Electoral nu conţine prevederi exprese care ar favoriza o reprezentare mai adecvată, egală sau mai bună a femeilor-candidaţi în alegeri, care s-ar potrivi denumirii de „acţiune afirmativă” în contextul creării unor condiţii de avantajare suplimentară a unor grupuri minoritare.

Experţii naţionali arată că niciunul din cele 7 partide care au participat la alegerile din anul 2009 n-a oferit femeilor jumătate din primele 20 de locuri de pe listă. Echilibrul de gen în primele 20 de locuri de pe liste înclinat considerabil în favoarea genului masculin [15, p.126].

Analizele prezentate de către asociaţii specializate în promovarea egalităţii de gen constată că în Republica Moldova reprezentarea femeilor în politică nu corespunde numărului lor static – 51,9% din populaţie sunt femei. Cu toate acestea, doar 19 femei au obţinut mandate valide de deputat în Parlamentul Republicii Moldova din 2010. De asemenea, în urma alegerilor locale din 5 iunie 2011 în funcţie de primari au fost alese 166 femei iar bărbaţi – 731 [16].

Activiştii Alianţei Pro-Gen, formată în octombrie 2008 dintr-o reţea de 22 de ONG-uri, care activează în direcţia promovării reprezentării femeilor în politică şi a dimensiunii gender în platformele electorale, pledează pentru o lege a egalităţilor de gen, care ar prevedea concis ca 30% din deputaţi să fie femei, dar această opinie a fost slab auzită în timpul alegerilor din anul 2009 şi 2010. Comisia Electorală Centrală din Republica Moldova, de asemenea, propune formaţiunilor politice ca în listele electorale să fie incluse cel puţin 30% de femei.

Marea majoritate a partidelor politice din Republica Moldova, au adoptat relativ rapid practica înfiinţării de organizaţii de femei, urmărind în acest fel săşi mobilizeze susţinătorii, simpatizanţii din rândurile femeilor, dar şi pentru a extinde oferta electorală către categorii relativ nereprezentate. De menţionat în acest sens faptul că multe partide au înserat în documentele lor constitutive (statute şi programe) prevederi explicite cu privire la reprezentarea de gen.

În anul 2007, în cadrul Ministerului Protecţiei Sociale şi Familiei a fost instituită o Direcţie pentru oportunităţi egale şi prevenirea violenţei, în scopul supravegherii modului de implementare al Legii cu privire la oportunităţile egale. Cu toate acestea, în Republica Moldova încă nu există un cadru normativ sau fonduri pentru a oferi beneficii adiţionale sau privilegii partidelor, în cazul în care acestea ar promova femei. Astfel, liderii – femei declară că „în pofida existenţei unor organizaţii de partid bazate pe femei, în afară de declaraţii bombastice, acestea nu contribuie cu nimic la poziţionarea reală pe listele de partid şi că unica schimbare reală este în aceea că femeile au fost practic retrogradate într-un post de simpli agitatori în perioada campaniilor electorale" [17].

În regimul democratic alegerile reprezintă unica cale de a cuceri puterea. Din acest considerent partidele politice, a căror scop este guvernarea (puterea de stat) sunt indispensabile de alegeri. Trecerea partidelor politice din societatea civilă în cea politică într-un stat democratic poate fi realizată exclusiv prin intermediul alegerilor. Alegerile reprezintă sensul existenţei partidelor politice [18, p.121-122]. Desfăşurarea civilizată a campaniilor electorale, atitudinea responsabilă faţă de concurenţi, sunt un semn al culturii politice a elitei politice.

Experienţa mondială atestă că formarea oricărui stat democratic în cadrul societăţii civile în curs de dezvoltare este imposibilă fără desfăşurarea alegerilor în organele puterii de stat şi organele administrării locale. Anume prin intermediul alegerilor se realizează democraţia reprezentativă, care constituie baza politică a societăţii civile, în cadrul căreia alegerile reprezintă o formă de control din partea cetăţenilor asupra activităţii organelor administrării de stat şi celei locale, precum si a persoanelor cu funcţie de răspundere. La rândul său, democraţia contribuie la dezvoltarea si perfecţionarea institutului responsabilităţii constituţionale a statului şi a structurilor non-guvernamentale în faţa societăţii.

Reprezentând, după cum s-a notat mai sus, unul din instituţiile de bază ale societăţii democratice, alegerile libere oferă cetăţenilor posibilitatea de a influenţa asupra politicii si formării puterii sau, cel puţin, asupra faptului ce oameni, venind la putere, vor forma politica şi o vor realiza la nivel de stat, regional şi local. Aceasta este menţionat, în parte, în art.21 al Declaraţiei Universale a Drepturilor Omului, în care este stipulat: „Orice persoană are dreptul de acces egal la funcţiile publice din ţara sa direct sau prin intermediul reprezentanţilor liber aleşi. Voinţa poporului trebuie să constituie baza puterii de stat; această voinţă trebuie să fie exprimată prin alegeri ne falsificate, care să aibă loc periodic prin sufragiu universal, egal şi exprimat prin vot secret sau urmând o procedură echivalentă care să asigure libertatea votului".

Din punctul de vedere al moralei publice, rolul alegerilor este neunivoc. Pe de o parte, datorită alegerilor periodice se asigură procesul de înnoire firească (rotaţie) a componenţei organelor de stat si schimbarea partidelor de guvernământ şi elitelor politice. Pe de altă parte, alegerile sporesc concurenţa politică,

ostilitatea şi conflictele în societate, accentuează intrigile si bârfele în politică, ridică propaganda politică la nivel de isterie. Uneori, şi aceasta are loc chiar în cazul democraţiei dezvoltate, anume în situaţia luptei preelectorale, politicienii şi colaboratorii lor coboară până la utilizarea mijloacelor „murdare” sau chiar criminale.

E necesar de subliniat că legislaţia electorală, care funcţionează actualmente în Republica Moldova, este orientată spre cele mai bune standarde internaţionale (vezi Codul Electoral adoptat la 21 noiembrie 1997). După obţinerea independenţei şi suveranităţii a fost acumulată o experienţă considerabilă de desfăşurare a alegerilor în Parlamentul ţării şi organele locale de autoadministrare. Monitorizarea alegerilor şi a sistemului electoral în întregime a fost efectuată de nenumărate ori de reprezentanţii structurilor europene autoritare Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei (APCE), Organizaţia pentru Securitate şi Cooperare în Europa (OSCE) şi altele cu participarea observatorilor internaţionali. Acestea au permis evidenţierea unui şir de puncte vulnerabile în sistemul electoral.

După cum se ştie, în procesul electoral, ca nici într-o altă sferă a activităţii obşteşti, un moment esenţial al conţinutului mesajului politic îl constituie încrederea subiectului principal al alegerilor - alegătorilor - faţă de structurile de stat şi instituţiile care asigură organizarea şi desfăşurarea alegerilor. În ţara noastră, întreaga plenitudine a responsabilităţii pentru asigurarea realizării dreptului cetăţenilor de a alege şi de a fi aleşi în organele puterii de stat şi organele autoadministrării locale o poartă, în strictă conformitate cu legislaţia, comisiile electorale - organe colegiale care organizează si asigură pregătirea si desfăşurarea alegerilor.

Condiţia de bază pentru includerea în procesul electoral a diferitor grupuri electorale este menţinerea motivaţiei pozitive de participare activă la formarea organelor electorale, educarea la cetăţeni a unei atitudini interesate si responsabile faţa de alegeri. Participarea sau neparticiparea unor grupuri aparte şi a păturilor sociale în procesul electoral, intensitatea şi direcţionarea social-psihologică a acestei participări, după cum demonstrează practica, depind de cultura juridică a alegătorilor, de nivelul de cunoaştere a legislaţiei şi conştientizarea de către ei a rolului personal în relaţiile dintre putere şi cetăţean.

În mare măsură, organizarea şi desfăşurarea alegerilor democratice (în afară, desigur, de asigurarea obligatorie legislativă a lor) este legată de formarea sistemului de instruire juridică neîntreruptă, instruirea si ridicarea calificării profesionale a tuturor reprezentanţilor procesului electoral si presupune realizarea unui complex amplu de măsuri de informare şi explicare pentru diferite categorii de alegători, în ce priveşte metodele de activitate a Comisiei Electorale Centrale şi comisiilor electorale locale. În această activitate trebuie să se încadreze activ partidele politice.

Analiza campaniilor electorale, desfăşurate în ultimii ani în condiţiile sistemului pluripartitist, confirmă utilizarea stabilă a diferitor forme de participare civică a alegătorilor ţării. Înainte de toate vom nota: criteriul cel mai clar al nivelului de activitate (şi eficacitate!) a participării civice este participarea directă a electoratului la alegerile organelor centrale şi locale ale autoadministrării locale (parlamentului, consilierilor municipali şi săteşti, primăriilor), adică votarea. Datele statistice atestă un număr stabil, în general, de alegători care au participat direct, în parte, la alegerile parlamentare (a se vedea Tabelul 1).

Tabelul 1. Activitatea electorală si dinamica ei [19, p.77]

Tipul alegerilor	**6 martie 2005 ordinare**	**5 aprilie 2009 ordinare**	**29 iulie 2009 anticipate**	**28 noiembrie 2010 anticipate**
Prezenta în %	64.84%	57.55%	58.77%	63,37%
Indice absolut	2 430 537	2 704 103	2 708 381	1 733 155

După cum se vede, indicii demonstraţi atestă nivelul mediu, dar stabil de activitate a alegătorilor, care, în acelaşi timp, este mai jos decât la alegerile din 2005. De o relativă stabilitate a numărului de alegători sunt legate în parte câteva momente esenţiale: alegătorii îşi exprimă încrederea stabila faţă de anumite forţe politice şi, concomitent, îşi exprimă speranţa că aceştia, venind la putere, vor putea scoate ţara din criza social-economică si politică de durată.

În Republica Moldova au avut deja opt scrutine ale alegerilor parlamentare (1990, 1994, 1998, 2001, 2005, aprilie 2009, iulie 2009, 2010). Şi cu toate că în această perioadă a crescut activitatea socială şi politică a oamenilor, a sporit semnificativ interesul lor faţă de problemele politice şi de stat, atitudinea negativă a alegătorilor faţă de parlamentari continuă să mai persiste.

Pregătirea directă şi desfăşurarea cu succes a campaniilor electorale sunt actualmente imposibile fără atragerea în componenţa comisiilor electorale a reprezentanţilor societăţii civile. Astfel, alegerile parlamentare din anii 2009 şi 2010, ca şi, de fapt, alte campanii electorale au fost deservite de multe mii de cetăţeni - membri ai comisiilor electorale. Reprezentanţa în organele electorale este declarată prin art.15 al Codului Electoral, în care se stipulează că, concurenţii electorali pot desemna, pentru perioada campaniei electorale, în organele electorale care i-au înregistrat, precum şi în organele electorale ierarhic inferioare, câte un reprezentant cu drept de vot consultativ. Partidele, alte organizaţii social-politice şi blocuri electorale care participă la scrutin pot desemna, pentru perioada campaniei electorale, câte un reprezentant cu drept de vot consultativ şi în Comisia Electorală Centrală [20, p.21]. De acest drept beneficiază, practic, toate partidele concurente la alegeri.

Se pare, la diferite etape ale campaniei electorale, chiar a uneia pe scară la-

rgă, activismul civic rămâne destul de înalt atât în perioada de pregătire pentru alegeri, cât şi la etapa din ziua alegerilor, când pare că activismul civic creşte după principiul „bulgărului de zăpadă”.

Este amplu diapazonul de acţiuni ale opiniei publice la etapa de pregătire a campaniei electorale: se întocmesc şi se precizează listele alegătorilor la locul de trai, se desfăşoară întâlniri ale concurenţilor electorali cu alegătorii, se prezintă platformele electorale în mijloacele de informare în masă. Persoanele împuternicite ale concurenţilor le oferă ajutor în desfăşurarea campaniei electorale, fac agitaţie în folosul lor si le prezintă interesele în relaţiile cu organele puterii publice, alegătorii şi consiliile electorale. Membrii grupelor de iniţiativă organizează colectarea semnăturilor în susţinerea candidaţilor independenţi sau desfăşurării referendumului. Acţiunile enumerate se referă la cele de serviciu, adică la cele necesare în virtutea obligativităţii lor conform articolelor declarate în Codul Electoral.

De regulă, perioada de pregătire a campaniei electorale se caracterizează prin diversitate si formele de participare civică, care nu se reglementează din afară prin reguli „coborâte de sus” sau de legislaţia selectivă, ci se bazează strict pe iniţiative civice ale structurilor societăţii civile, în primul rând, în persoana ONG-urilor ce activează în baza Legii despre asociaţiile obşteşti în vigoare (adoptată la 17 mai 1996) [21, p.2-8]: De exemplu, a devenit deja tradiţie ca după anunţarea alegerilor ordinare în Parlamentul ţării un grup format din zeci de ONG-uri, reunite într-o coaliţie, să se adreseze alegătorilor cu chemarea de a demonstra conştiinţa civică şi de a cântări minuţios posibilităţile acelor forţe politice pe care le vor prefera în ziua alegerilor, reieşind din interesele naţionale fundamentale ale statului moldovenesc. Astfel au fost create „Coaliţia-250”, „Coaliţia-2005”, „Coaliţia-2009” ş.a.

Rolul mobilizator al acestor adresări serveşte, de regulă, drept „un camerton" pentru toţi participanţii la procesul electoral. Valoarea acestor adresări creşte şi datorită apelului de a se respecta Codul Etic, adică acordul, încheiat între concurenţii electorali si reprezentanţii mijloacelor de informare în masă privind modul de desfăşurare şi reflectare a campaniei electorale apropiate, care va exclude lezarea demnităţii umane si aducerea de prejudicii imaginii concurentului electoral. Totodată, nu putem să nu remarcăm că unele aprecieri ale participanţilor la coaliţie suferă „de angajare” (spre exemplu, aprecierea alegerilor parlamentare din aprilie 2009 au fost recunoscute de „Coaliţia – 2009” drept „incorecte şi nelibere”) [22].

Observatorii internaţionali subliniază permanent că în perioada campaniilor electorale societatea civila în Republica Moldova se activizează. Într-adevăr, în campaniile de alegeri din ultimii ani au participat activ multe ONG-uri, dar cel mai activ s-au prezentat formaţiunile obşteşti, care s-au poziţionat ca organizaţii independente, în afara partidului si de non-profit, aşa ca; Institutul de Dezvolta-

re şi Iniţiative Sociale (IDIŞ „Viitorul"), Asociaţia pentru Democraţie Participativă (ADEPT), Institutul pentru Politici Publice (IPP) ş.a. Fiecare din aceste ONG-uri îşi găseşte, de regulă, nişa proprie în procesul complex de alegeri. Spre exemplu, Asociaţia pentru Democraţie Participativă chiar de la începutul etapei de pregătire pentru alegerile parlamentare extraordinare (septembrie 2010) a monitorizat zi de zi procesul campaniei electorale-2010. Pe site-ul electronic ADEPT în această perioadă se reflectau operativ cele mai importante acţiuni, inclusiv activitatea organizaţională a Comisiei Electorale Centrale, a partidelor politice şi candidaţilor independenţi, a observatorilor internaţionali şi celor locali, desfăşurarea monitorizării şi anchetarea sociologică etc. Datorită acestui fapt, mii de alegători-utilizatori de Internet au devenit co-participanţi la campania preelectorală [23, p.78-79].

La rândul său, Institutul pentru Politici Publice (IPP) se specializează în desfăşurarea chestionării periodice a opiniei publice din ţară pe diferite probleme ale vieţii politice, economice şi culturale. Un rol deosebit îl joacă monitorizarea opiniei publice în ajunul alegerilor în parlament, precum şi în organele administrării publice locale. Pe lângă aceasta, Institutul pentru Politici Publice este editorul publicaţiei periodice „Barometrul opiniei publice".

Un volum semnificativ de lucru privind respectarea legislaţiei electorale în perioada pregătirii pentru alegerile parlamentare din 28 noiembrie 2010 a desfăşurat Coaliţia „Controlul de stat - alegerile 2010" (creată în aprilie 2009). În darea de seamă privind monitorizarea, prezentată Comisiei Electorale Centrale, au fost notate numeroase încălcări depistate de mai bine de o sută de observatori în diferite regiuni ale ţării. Se subliniază, în parte, „agresivitatea fără precedent a campaniei electorale", în special în ultima săptămână, care a adus la traume nejustificate şi mutilări ale concurenţilor la alegerile ordinare, inclusiv şi la persecutarea ziariştilor, care reflectau acţiunile partidelor concurente. Au fost notate, de asemenea, cazuri de utilizare a aşa-numitor „tehnologii murdare" – ameninţări deschise, şantaj şi declaraţii incorecte la adresa concurenţilor politici.

La acest tip de tehnologii poate fi adăugată şi multipla producţie poligrafică, depistată de observatorii Coaliţiei, editată, de regulă, anonim, care induce în eroare alegătorul (foi volante, anexe de ziar etc.). Sunt notate şi numeroase cazuri de folosire activă a resurselor administrative de către liderii partidelor de guvernământ, utilizarea informaţiei privind datele personale ale cetăţenilor, telefonarea nelegitimă la numerele fixe fără permisiunea conducerii „Moldtelecomului", expedierea costisitoare a scrisorilor la adresa alegătorilor etc. Despre aceste şi alte încălcări ale legislaţiei electorale Coaliţia a informat operativ Comisia Electorală Centrală pentru a fi luate măsurile necesare.

Monitorizarea listelor de alegători în ajunul alegerilor generale locale a fost desfăşurată de componenţa înnoită a Coaliţiei „Controlul de stat - alegerile 2011" în municipiul Chişinău. Compararea listelor de alegători, întocmite la da-

ta de l ianuarie 2011 cu listele folosite în turul doi la alegerile primarului general al municipiului, a permis observatorilor Coaliţiei să depisteze 6200 de „locuitori noi”. O creştere considerabilă a alegătorilor a fost observată în special în orăşelul Codru (492), în orăşelul Durleşti (1515), în orăşelul Sângera (959) etc. Această „împlinire” brusca a listelor de alegători putea avea loc, conform opiniei observatorilor, mai întâi, în cazul majorării intenţionate a numărului de persoane cu drept de vot, în al doilea, rând în cazul prezentării a sută la sută a întregii populaţii, inclusiv şi a copiilor. În afară de aceasta, observatorii Coaliţiei „Controlul de stat - alegerile 2011 au notat încălcări legate de nerespectarea votului secret din cauza lipsei cortinelor la cabinele de vot, a votărilor cu fişe de însoţire cu viza de reşedinţă expirată sau chiar fără ea, mituirea cu cadouri şi produse [24].

În perioada de tranziţie, în Republica Moldova s-au înregistrat diverse forme si metode de participare civică în campaniile electorale. Societatea civilă se încadrează în contextul unei competenţe majore - de a participa, direct sau indirect, dar activ şi conştient la procesul de guvernare în Republica Moldova, în primul rând la alegeri.

Prevederile constituționale şi actele normative care reglementează funcţionarea partidelor politice şi alegerile au fost ajustate repetat din anul 1991. Cu toate acestea legislaţia este departe de a fi perfectă. Atâta timp, cât partidele politice şi campaniile electorale se formează în afara unui fundal instituțional, statele trebuie să adere la standarde şi norme confirmate de experienţa democratică avansată, pentru a putea asigura exercitarea libertăţilor şi drepturilor fundamentale, inclusiv al libertăţilor politice şi civile. Folosirea abuzivă a restricţiilor ar reprezenta un pericol serios la adresa statului de drept, a democraţiei, drepturilor omului, dreptăţii şi echităţii sociale. Reglementările în domeniul partidelor politice trebuie să fie ajustate constant şi verificate dacă servesc scopurilor propuse.

Adoptarea unei noi legi cu privire la partidele politice în anul 2007 a fost „un pas în direcţia creării unui sistem modern de funcţionare a partidelor politice în Republica Moldova” [25]. Este un document comprehensiv, conţinând numeroase îmbunătăţiri faţă de reglementările anterioare. Experţii europeni au notat mai multe inovaţii ale noii legi, precum „limitarea contribuţiilor, finanţarea directă a partidelor politice, acordarea sistemică asupra contribuţiilor financiare şi cheltuielilor electorale cerute de partidele politice, prezentarea rapoartelor financiare pe site-urile CEC, facilitând în acest fel efectuarea unei supravegheri adecvate din partea publicului, mass-mediei şi grupurilor societăţii civile”. Totuşi noua legislaţie adoptată în 2007 a ignorat aparent o bună parte a recomandărilor expuse de către experţii Consiliului Europei, cum ar fi: „aplicarea unor sancțiuni proporţionale neregulilor comise, un singur organism cu atribuţii de supraveghere” şi altele.

Partidele politice îndeplinesc, în cadrul sistemului politic funcţii între care

se disting cele privind: elaborarea programelor politice pe care le propun societăţii; recrutarea şi mobilizarea cetăţenilor în lupta politică, partidele acţionând ca factor de socializare politică şi de orientare a voturilor populaţiei; structurarea şi diferenţierea elitei politice, a clasei politice; asumarea responsabilităţii guvernării în cazul obţinerii victoriei în alegeri; convertirea intereselor populaţiei în politici publice; „gestionarea" conflictelor politice şi sociale în vederea realizării unui minim de consens al intereselor naţionale; armonizarea politicii interne şi externe a statului, întrucât într-un sistem democratic pluralist acţionează mai multe partide politice diverse grupuri de interese, organizaţii ale societăţii civile.

Democraţia pluralistă este, în fond, expresia pluralismului politic, a acelei ordini politice şi juridice care întreţine într-o confruntare liberă diversitatea de opinii şi interese, separarea, dar şi conlucrarea puterilor.

În general, relaţiile politice, deci şi instituţiile politice prin care acestea se materializează, sunt în raport direct cu gradul de cultură politică.

Instituţiile societăţii civile colaborează frecvent cu guvernele. Totuşi, acestea, de obicei, insistă pe o relaţie diferită cu decidenții politici, unde interesele oamenilor de rând sunt ignorate, iar cetăţenii deseori sunt nevoiţi să accepte şi să execute soluţiile oficialilor deja alese. Actualmente, organizaţiile civice din Republica Moldova încearcă să obţină din partea oficialilor un dialog prealabil asupra unor probleme şi modul în care acestea ar trebui să fie abordate.

Societatea civilă ocupă locul de mijloc între guvern şi sectorul privat, aceasta nu este cazul când mergem la vot şi nici atunci când facem cumpărături sau vindem. Este situaţia în care vorbim cu vecinii despre necesităţile comunităţii, planificăm un beneficiu despre şcoala noastră din comunitate, discutăm despre modul pe care biserica noastră poate adăposti persoanele fără trai sau atunci când organizăm o echipă de fotbal pentru copii noştri.

Societatea civilă are puterea de a influenţa deciziile politice, economice sau de interes public, având rolul de a monitoriza activitatea instituţiilor statului şi de a lua atitudine faţă de acele politici care vin în contradicţie cu interesele cetăţenilor sau în caz de abuzuri de putere. Prin urmare, rolul societăţii civile este de a asigura o corectă supraveghere a modului în care factorii politici sau economici respectă interesele majorităţii.

Este de dorit ca societatea civilă, dar si opoziţia politică să promoveze cu mai multă hotărâre principiile democratice de organizare si funcţionare a instituţiilor publice, precum şi de exercitare a puterii politice.

Consolidarea societăţii civile în Republica Moldova poate deveni ireversibilă doar în coordonatele abordării ei integratoare. Experienţa celor două decenii urmate după proclamarea independenţei Republicii Moldova ne îndeamnă să adoptăm o strategie deosebită de edificare a societăţii civile. Este necesar ca cetăţeanul să fie scos din anonimatul politic si social. Concomitent se impune ins-

tituţionalizarea democratică a tuturor sferelor vieţii sociale, întronarea supremaţiei legii, respectarea drepturilor şi libertăţilor omului, deetatizarea corpului societal.

Societatea civilă este independentă faţă de stat, dar aceasta nu înseamnă că trebuie să critice şi să se opună întotdeauna statului. De fapt, prin realizarea statului la toate nivelurile prin care se face a fi mai responsabil, receptiv şi eficient, prin urmare, mai legitim – o societate civilă viguroasă asigură respectarea cetăţenilor statului şi promovează angajamentul pozitiv cu acesta.

Societatea civilă, prin esenţa şi valorile ei, răspunde marilor aspiraţii de libertate, egalitate şi independenţă ale omului. Această calitate a alimentat şi continuă să alimenteze interesul constant al umanităţii manifestat faţă de ea în epoca contemporană. Omenirea nu a oferit alternative şi, se pare, nici nu va oferi. Republica Moldova nu poate şi nu trebuie să fie în afara acestei opţiuni.

Administraţia publică centrală – Guvernul – este organul care asigură realizarea politicii interne şi externe a statului şi care exercită conducerea generală a administraţiei publice prin intermediul ministerelor şi departamentelor. Această constatare se referă la toate administraţiile centrale formate după 1990. Pe parcursul acestor 24 de ani s-au succedat 15 guverne care au concurat cu programe specifice perioadelor în care au activat: M.Druc, mai 1990 - mai 1991; V.Muravschi, mai 1991 - iulie 1992; A.Sangheli, august 1992 - martie 1994; A.Sangheli, martie 1994 - ianuarie 1997; I.Ciubuc, ianuarie 1997 - mai 1998; I.Ciubuc, mai 1998 - februarie 1999; I.Sturza, martie 1999 – decembrie 1999; D.Braghiş, decembrie 1999 -aprilie 2001; V.Tarlev, aprilie 2001-aprilie 2005, V.Tarlev, aprilie 2005 - martie 2008; Z.Greceanîi, martie 2008 - iunie 2009; Z.Greceanîi, iunie 2009 - septembrie 2009; V.Filat, septembrie 2009 - decembrie 2010; V.Filat, ianuarie 2011 - mai 2013; Iu.Leancă, mai 2013 - prezent.

În exerciţiul funcţionării guvernele se conduceau de programele lor de activitate elaborate pentru perioada de guvernare, aprobate de Parlament. Aceste documente conţineau, de regulă, o caracteristică amplă a situaţiei social-economice din ţară, în baza acesteia fiind determinate priorităţile activităţii guvernelor pentru perioada respectivă.

Cu toate că partidele politice şi instituţiile de stat s-au declarat deschise pentru cooperarea cu organizaţiile neguvernamentale, lansând în acest sens diferite mecanisme rezultatele acestora sunt destul de modeste. Acest lucru se întâmplă din motivul că nu se respectă în practică prevederile acestor mecanisme, iar societatea civilă se află la o anumită distanţă faţă de procesul real de luare a deciziilor.

Evoluţia vieţii politice din diferite ţări oferă multiple dovezi privind „falimentul” unui partid sau a unei guvernări, datorită unor oameni politici care prin modul în care şi-au îndeplinit atribuţiile au produs pierderi în gestionarea avuţi-

ei unei societăţi sau eşecuri politice majore. Aceşti lideri s-au retras de bună voie sau au fost siliţi de împrejurări să părăsească funcţii oficiale.

În acest context, considerăm necesar de a reaminti cuvintele poetului grec Agaton (anii 448-401 î.e.n.), care atenţiona că, un conducător trebuie să ţină minte trei lucruri:

- mai întâi, că el conduce oameni;
- al doilea, că el conduce după legi;
- al treilea, că nu conduce totdeauna.

Aceste poveţe ar fi de un real folos pentru majoritatea liderilor politici în general, inclusiv şi celor din Republica Moldova.

Nereuşita unei politici sau a unui politician nu înseamnă şi „falimentul unei societăţi”, şi în cel mai grav caz înlăturarea unui regim politic sau pierderea puterii de către un partid. „Echipa politica” de la guvernare va fi înlocuită de alta, care capătă, astfel, posibilitatea să îndrepte lucrurile în direcţia bună.

Aceasta înseamnă că „o politică de succes” este politica care reuşeşte să îndeplinească funcţiile guvernării în acel mod care îi permite să fie mereu mai aproape de punctul de echilibru al diferitelor interese politice, economice şi sociale, decât mai departe de acest punct.

În concluzie subliniem că, edificarea democratici pluraliste şi afirmarea pluripartidismului, scoaterea lui din anonimatul politic şi social al cetăţenilor, instituționalizarea democratică a tuturor sferelor sociale, afirmarea societăţii civile, asigurarea dezbaterilor publice contribuie în mod efectiv la constituirea în Republica Moldova a unui nou spaţiu politic.

Bibliografie

1. Acte internaţionale. Convenţie Carta de la Paris pentru o nouă Europă din 21.11.1990.
2. Documentul Reuniunii de la Copenhaga a Conferinţei pentru Dimensiunea umană a CSCE adoptat la 29.06.1990. Aderat prin Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova nr. 707-XVII din 10.09.1991 // Tratate internaţionale la care Republica Moldova este parte. Ediţie oficială, Vol. I. (1990-1998). - Chişinău, Moldpres, 1998.
3. Cujbă V. Geneza partidelor politice în contextul analizei comparative. // Moldova şi Lumea. 2000, Nr. 7-8.
4. Михайлов В., Мошняга В., Руснак Г., Руснак В. Партии и общественно-политические организации в Молдове. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Выпуск 1. - Кишинев, 1992.
5. Solomon C. Aspecte ale vieţii politice în Republica Moldova (1989-2002 – Chişinău, CEP, USM, 2002.
6. http://justice.gov.md/pageview.php?l=ro&idc=212&id=780

7. Moşneaga V., Rusnac Gh. Partidele politice şi mişcările social-politice pe fondul stabilirii independenţei politice a Republicii Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politica). Partea a III-a. - Chişinău: USM, 1994.
8. Moşneaga V., Rusnac Gh. Pluripartidismul în Moldova: etapele şi tendinţele de bază ale consolidării. // Pluripartidismul în Moldova: esenţa şi specificul formării. - Chişinău, 2000.
9. Стародубский Б. Буржуазная демократия: мифы и действительность. - Москва, 1986.
10. Kotarbinski T. Tratat despre lucrul bine făcut. - Bucureşti, Editura Politică, 1976.
11. Emisiunea: „Sinteza săptămânii” din 02.02.2014 // www.prime.md./rom/shows/item4/.
12. Marin C. Societatea civilă: între mit politic şi pledoarie socială. - Chişinău, Epigraf, 2002.
13. Registrul de stat al organizaţiilor necomerciale. // www.rson.justice.md (accesat 10.02.2014).
14. Legea cu privire la asigurarea oportunităţilor egale pentru bărbaţi şi femei. Nr.5 din 9 februarie 2006. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2006, nr.47-50.
15. Munteanu I. Partidele politice din Republica Moldova: legi, practici şi reforme. - Chişinău, Cartier, 2010.
16. http://www.progen.md/?pag=n2&opa=view&id=58&tip=mass-media&start&l
17. Mardarovici C. Clubul politic al femeilor 50/50. Vezi: www.e-democracy.md (accesat la 10.02.2014).
18. Midrigan P. Partidele politice în procesul electoral. (Cazul Republicii Moldova). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Nr.3(XXX). – Chişinău, CEP, USM, 2005.
19. www.alegeri.md/ru; www.e-democracy.md/ru/elections/parlamentary/2010
20. Codul electoral. - Chişinău, 2010.
21. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2007, Nr.153-156.
22. http://www.e-democracy.md/ru/elections/parlamentary/2009/
23. Anikin V., Solomon C. Republica Moldova: alegerile, puterea, societatea civilă. - Chişinău „Tipografia-Sirius” SRL, 2011.
24. «Независимая Молдова», 2011, 24 июня.
25. Legea privind partidele politice nr.294 din 21.12.2007. // Monitorul Oficial Nr.42-44, din 29.02.2008.

ANEXA. **LISTA PARTIDELOR POLITICE ÎNREGISTRATE LA MINISTERUL JUSTIŢIEI LA DATA DE 05.04.2013** [6].

Partidul politic	**Numărul de înregistrare**	**Data înregistrării**	**Preşedinte**
Partidul Democrat din Moldova	1	25 decembrie 1998	Marian LUPU
Partidul Comuniştilor din Republica Moldova	2	15 ianuarie 1999	Vladimir VORONIN
Partidul Politic Agrar din Moldova	6	4 februarie 1999	Anatolie POPUŞOI
Partidul Socialist din Moldova	7	11 februarie 1999	Victor MOREV
Partidul Legii şi Dreptăţii	8	11 februarie 1999	Nicolai ALEXEI
Partidul Popular Creştin Democrat	10	12 februarie 1999	Victor CIOBANU
Mişcarea Profesioniştilor „Speranţa- Надежда”	12	17 februarie 1999	Vladimir FLOREA
Partidul Liberal	13	17 februarie 1999	Mihai GHIMPU
Partidul Politic pentru Unirea Moldovei	15	20 februarie 1999	Ghenadie CALARAŞ
Partidul Social Democrat	16	20 februarie 1999	Victor ŞELIN
Mişcarea social-politică „Forţa Nouă”	18	25 februarie 1999	Valeriu PLEŞCA
Partidul Politic „Partidul Socialiştilor din Republica Moldova”	19	26 februarie 1999	Igor DODON
Mişcarea Social-Politică Republicană “Ravnopravie”	21	26 februarie 1999	Valeriu CLIMENCO
Partidul Politic Partidul Verde Ecologist	22	26 februarie 1999	Anatolie PROHNIŢCHI
Partidul Politic Noua	23	5 martie 1999	Victor ALEXEEV

Opțiune Istorică			
Partidul Popular Republican	25	20 mai 1999	Nicolae ANDRONIC
Partidul Republican din Moldova	27	5 octombrie 1999	Andrei STRATAN
Partidul Muncii	29	12 noiembrie 1999	Gheorghe SIMA
Partidul Politic Uniunea Centristă din Moldova	30	17 mai 2000	Mihai PETRACHE
Partidul European	33	21 noiembrie 2005	Viorel GHIMPU
Partidul Politic "Partidul Popular Democrat din Moldova"	34	14 februarie 2006	Valeriu PASAT
Partidul "Moldova Unită – Единая Молдова"	35	28.02.2006	Vladimir ŢURCAN
Partidul Conservator	37	12.07.2006	Natalia NIRCA
Partidul Naţional Liberal	38	02.02.2007	Vitalia PAVLICENCO
Partidul Mişcarea "Acţiunea Europeană"	39	12 aprilie 2007	Veaceslav UNTILĂ
Partidul Politic „PENTRU NEAM ŞI ŢARĂ"	41	17 iulie 2007	Nicolae UŢICĂ
Partidul Liberal Democrat din Moldova	41	25 ianuarie 2008	Vladimir FILAT
Mişcarea Social – Politică a Romilor din Republica Moldova	42	31 martie 2010	Vasile DRANGOI
Partidul "Patrioţii Moldovei"	43	30 iunie 2010	Mihail GARBUZ
Partidul politic „Casa Noastră - Moldova"	44	16 septembrie 2010	Oleg ONIŞCENCO
Partidul politic Mişcarea Populară Antimafie	45	18 aprilie 2011	Sergiu MOCANU
Partidul Politic	46	18 aprilie 2011	Alexandru

Partidul Popular din Republica Moldova			OLEINIC, Vasile GUŢU, Valeriu COSARCIUC, Angela CEBOTARI
Partidul Politic „Democraţia Acasă”	47	02 septembrie 2011	Vasile COSTIUC
Partidul Regiunilor din Moldova	48	18 octombrie 2011	Mihail FORMUZAL
Partidul Popular Socialist din Moldova	49	16 ianuarie 2012	Victor STEPANIUC
Partidul Acţiunea Democratică	51	16 ianuarie 2012	Mihai GODEA
Partid Politic Partidul „RENAŞTERE”	52	17 octombrie 2012	Vadim MIŞIN
Partidul Politic „Partidul Forța Poporului”	52	18 iunie 2013	Nicolae CHIRTOACĂ
Partidul Politic „PARTIDUL LIBERAL REFORMATOR”	53	31 decembrie 2013	Ion HADÂRCĂ

Prezentat la redacție
la 24 februarie 2014

Recenzent - ***Igor BUCATARU***, doctor în științe politice, conferențiar

COMPARTIMENTUL
RELAŢII INTERNAŢIONALE

CONCEPTELE DE NEUTRALITATE ÎN RELAŢIILE INTERNAŢIONALE

Valeriu MIJA
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative, Catedra Relaţii Internaţionale
Doctorand

This article examines the concept of neutrality in the international relations as one of the important elements of political sciences. The author considers that nowadays due to the international security system transition from Bi-polarity, the European neutrality will be most likely questioned by the evolutions of modern international affairs. Therefore, to understand the dynamic of European neutral states, international relations and international security experts have to conceptually and historically refresh knowledge about neutrality as the phenomenon of international relations, international security and international law.

Introducere

*„**Neutralismul** se referă la declaraţia de neparticipare la conflictele armate specifice şi tratarea obiectivă a tuturor participanţilor … **Neutralitatea** este un concept legal, care implică drepturi şi îndatoriri speciale, atât pentru statul care se abţine de la participare la război, cât şi pentru fiecare stat beligerant în parte… **Neutralizarea** este o neutralitate permanentă…şi este de obicei aplicată de statele majore” [11, p.365-357].*

Neutralitatea, ca un concept legal şi politic, a avut o proeminenţă evidenţiată în Europa în perioada confruntării bipolare din secolul trecut, cunoscută ca Războiul Rece. Pe parcursul acestei perioade de distanţare, câteva state europene (Austria, Finlanda, Irlanda, Suedia şi Elveţia) au reuşit să-şi menţină statutul de neutralitate, care a contribuit realmente la securitatea lor. Oricum, toate aceste state au promovat diferite politici de neutralitate, în conformitate cu trecutul lor istoric, inclusiv cu cel de-al Doilea Război Mondial şi Războiul Rece. Astăzi, datorită sfârşitului Războiului Rece, dezvoltării unui nou sistem de securitate în spaţiile geo-politice cele mai mari - Euro-atlantic, ce cuprinde OSCE, NATO, UE, şi în cel post-sovietic – CSI cu Organizaţia Tratatului de Securitate Colectivă (OTSC – ОДКБ [Ru]), a apariţiei unor noi ameninţări transnaţionale,

statutul de neutralitate al statelor Europene, în viziunea mai mulţi specialişti de securitate internaţională, poate fi contestat. De fapt, majoritatea acestor state deja acţionează pe arena internaţională mai degrabă ca actori *nealiniaţi militari*, decât ca participanţi neutri. Astfel de politici oferă statelor neutre avantajul de a fi membri ai diferitor organizaţii internaţionale (ONU, OSCE, UE, şi Parteneriatul pentru Pace din cadrul NATO) şi de a primi promisiuni oficiale pentru a fi consultaţi pe întrebări importante de securitate, fără a contribui politic şi financiar la apărarea colectivă, precum şi la securitatea internaţională. În consecinţă, progresele periodice constructive în relaţia NATO-Rusia, extinderea NATO-UE, dezvoltarea Politicii Europene Comune de Securitate şi Apărare ale Uniunii Europene (PSEC/PSAC) şi noile pericole internaţionale pot cu o probabilitate înaltă să schimbe direcţiile politice ale acestor state (cu excepţia Elveţiei – caz specific) cu adaptarea statutului de neutralitate, care poate deveni simbolic sau rar în Europa. Pentru Republica Moldova, ca stat neutru, evaluarea acestui fenomen devine la fel de important pentru a-i determina perspectiva şi modul de dezvoltare pe arena internaţională. În acest context, în ştiinţele politice analiza fenomenului neutralitate devine din nou important.

Evoluţia conceptelor de neutralitate

Potrivit legii internaţionale moderne, neutralitatea poate fi clasificată în Neutralism, Neutralitate şi Neutralizare. În primul rând, **Neutralismul** reprezintă o **stare politică legală** de a se abţine de la participarea la orice conflict militar şi presupune tratarea egală a tuturor părţilor. Totodată, chiar şi statele care promovează neutralismul, pot interveni în alte conflicte armate, care sunt considerate vitale pentru securitatea lor regională. Neutralismul este o trăsătură a statelor cu o capacitate slabă în situaţiile de bipolaritate şi cu cele interne instabile [11, p.365].

În al doilea rând, **Neutralitatea** este în majoritatea cazurilor, un **concept legal stabilit de legi, tratate şi tradiţii**, care restricţionează legal statul de la implicarea în război şi obligă părţile beligerante să nu violeze integritatea statului neutru. Neutralitatea poate fi declarată unilateral (SUA, 1793), multilateral (Elveţia la Congresul de la Vena, 1815) şi internaţional (Regulile de la Haga, 1907) [11, p.366].

În al treilea rând, **Neutralizarea** este o **formă de neutralitate permanentă a unui stat**. Cea mai puternică formă exclude în totalitate participarea în unele organizaţii interguvernamentale, mai ales în cadrul alianţelor militare. Neutralizarea poate fi recunoscută de înţelegeri internaţionale (cazul Elveţiei) sau autoimpusă (cazul Austriei în 1955), care la fel necesită înţelegeri externe [11, p.367].

În fine, cele trei forme de neutralitate, în general, permit distingerea modelului şi politicii statelor neutre; oricum, trăsăturile specifice ale neutralităţii unui stat aparte au fost condiţionate de circumstanţe empirice.

În general, ”neutralitatea a fost original concepută în contextul sistemului de stat european” [21, p.17]. Conceptul îşi are originea în confruntarea permanentă pentru menţinerea *Echilibrului de Putere* (balanţa puterii) în Europa multipolară. De exemplu, Suedia şi Elveţia îşi păstrau, în mod tradiţional, neutralitatea pe o lungă perioadă de timp, fiind oficial recunoscute din 1815. Global, neutralitatea lor a fost respectată pretutindeni datorită caracterului conflictelor din trecut şi balanţei puterilor militare şi economice a acestor state în secolul XIX. Totuşi, conceptual neutralitatea a fost aplicată doar în situaţiile în care *locaţia statului neutru nu se afla în sfera de interese a Marilor Puteri*.

În general, evenimentele istorice au demonstrat că ”Marile Puteri respectă integritatea statelor neutre din trei motive:

1. nu este în interesul lor de a ataca (domina);
2. costul invaziei şi pacificării este mai mare decât beneficiile;
3. abuzarea neutralităţii este contrară principiilor legii internaţionale” [17, p.310].

Evident că Suedia şi Elveţia au evitat să se implice în cel de-al Doilea Război Mondial din cauza unuia sau a mai multor din aceste motive. Din contra, violarea dublă a neutralităţii Belgiei, în secolul trecut, şi împărţirile Poloniei, în secolele XVIII şi XX, au accentuat rolul major al factorului *sferei de interese* a Marilor Puteri. Astfel, secolul XX a confirmat în repetate rânduri, aşa precum era cunoscut şi în Grecia Antică, că neutralitatea este efectivă doar dacă Marile Puteri o recunosc mutual şi aleg să nu destrame actualul *Status Quo* (starea actuală de lucruri) la nivel internaţional şi echilibrul de securitate. Această asumare se bazează pe următoarele cauze: conceptul războiului total, care a dominat în Europa în ultimul secol, luptele ideologice şi de eliberare, precum şi ceea naţională, creşterea complexităţii economiei mondiale.

Pentru înţelegerea conţinutul modelelor specifice de neutralitate, factorii / variabilele externe şi interne sunt esenţiale pentru analiză. Republica Irlanda a devenit un stat independent în 1921. Aparent, principalul factor extern bilateral în “Neutralitatea Irlandei se bazează istoric pe relaţia ei specifică cu Marea Britanie” [21, p.19]. Aceasta mai mult reiese din faptul, că Irlanda de Nord este un variabil predominant, care determină relaţia între Regatul Unit şi Republica Irlanda. Aşa dar, Republica Irlanda, fiind în sfera ideologică europeană, nu are contradicţii cu alte state europene, cu excepţia Regatul Unit. Din motivul evitării unui potenţial conflict pe marginea regiunii Irlanda de Nord, Republica Irlanda a preferat o politică externă ce promova neutralitatea. Din contra, neutralitatea elveţiană rezultă parţial din factorii interni. Ca un stat multilingv şi multicultural, Elveţia şi-a declarat neutralitatea permanentă pentru menţinerea stabilităţii

interne. În pofida unor dovezi din cel de-al Doilea Război Mondial, ce presupun că guvernul elveţian a încercat să demonstreze o neutralitate de cooperare cu Germania pentru a evita invazia, Elveţia a fost mult timp considerată un stat tradiţional neutru [10, p.45-46]. În acelaşi timp, anume *sistemul internaţional bipolar* din timpul Războiului Rece ca un *variabil independent* ajută la explicarea *neutralităţii Austriei, Finlandei şi Suediei – variabil dependent*. Anume confruntarea dintre cele două tabere a contribuit la politicile de neutralitate adoptate sau menţinute de aceste state în secolul XX.

De fapt, neutralitatea Austriei a fost un act de înţelegere dintre cele două tabere în 1955, când ultimile trupe sovietice au părăsit teritoriul Austriei şi Viena a adoptat condiţionat Legea Constituţională de Neutralitate, pentru a rămâne un stat suveran şi ideologic în sfera de influenţă a Occidentului. Pe de altă parte, autorităţile Sovietice considerau că Austria neutră va fi un stat-amortizator în posibilile confruntări pe viitor. Neutralitatea Finlandei îşi are originile în confruntările istorice dintre Finlanda şi Rusia, precum şi în consecinţele celui de-al Doilea Război Mondial. O bună parte din experţii securităţii internaţionale consideră că Uniunea Sovietică, cu scopul de a avea o „zonă amortizatoare" la Nordul său, de fapt, a impus neutralitatea Finlandei în schimbul independenţei sale, care împreună cu Suedia au devenit o zonă largă de neutralitate. În pofida faptului că neutralitatea Suediei a fost tradiţională din 1815, sunt dovezi că aceasta şi-a dat acordul tacit de aliniere la blocul NATO şi SUA în caz de o confruntare gravă în timpul Războiului Rece. Astfel, alegerea sau menţinerea statutului de neutralitate în Europa din perioada anilor 1945-1991, în mare parte se baza pe doi factori / variabile independente: Războiul Rece dintre Blocul Sovietic şi cel Occidental cu predominarea pericolului comunist, precum şi izbucnirea unui potenţial focar de rivalitate în Europa.

Istoria relaţiilor internaţionale demonstrează că interacţiunile interstatale se realizau atât prin intermediul cooperării şi intermedierii, cât şi a luptelor permanente. Aceste înfruntări au dat naştere la diferite concepte strategice de interacţiune interstatală în cadrul relaţiilor internaţionale de la *Raison d'etat, Realpolitik, Echilibrul Puterii* până la *conceptul universal Kantian-Wilsonian de securitate cooperativă*. Prin aşa fel de interacţiune, sub anumite concepte şi paradigme ale teoriei relaţiilor internaţionale, unele state s-au exclus sau au fost excluse extern din confruntările internaţionale prin declararea neutralităţii. "Cuvântul *neutralitate* provine de la adjectivul latin *neuter* şi înseamnă nici una din cele două" [20, p.29]. Istoric, statele care declarau neutralitate au presupus strategic că elementele legii internaţionale privind războaie şi acţiuni militare vor fi respectate în viitoarele confruntări internaţionale. În acelaşi timp, cum a menţionat Iu.Chifu „există o confuzie ce se face între politica de neutralitate şi legea neutralităţii" [4, p.9]. Conform savantului şi expertului în cauză, *politica de neutralitate* este o acţiune voluntară a unui stat, este foarte flexibilă şi poate fi adaptată în

caz de necesitate. De fapt, apărut în Europa datorită echilibrului puterii, conceptul de neutralitate a suportat nişte evoluţii istorice. Concepţiile şi formele neutralităţii s-au bazat pe o serie de factori importanţi ca cei externi, interni şi tradiţionali, alături de schimbarea naturii războiului interstatal şi a ameninţărilor la adresa securităţii naţionale şi internaţionale. În lumea modernă, conceptele principale ale neutralităţii politice din punct de vedere teoretico-normativ pot fi clasificate ca *neutralism, neutralitate şi neutralizare,* ce a fost descris mai sus. În retrospectivă, formele specifice de neutralitate au evoluat istoric şi sunt cunoscute în mediul academic ca neutralitatea supraputerii, neutralitatea activă – nealinierea militară, *ad hoc* şi neutralitatea permanentă, neutralitatea impusă, neutralitatea integral permanentă, neutralitatea eventuală, neutralitatea imparţială, neutralitatea diferenţială, neutralitatea locală, neutralitatea temporară, neutralitatea maritimă, terestră şi aeriană. Astăzi, odată cu creşterea provocărilor globale aşa dileme ca cele strategice şi de securitate, "conflictul civilizaţiilor" [16], confruntările ideologice, dilemele economice, eforturile colectiv-cooperative de securitate şi noile ameninţări netradiţionale, pot contribui la modificarea formelor cunoscute de neutralitate europeană.

Este de menţionat, că în urma unor analize academice noţiunea de „neutralitate," în sens de neparticipare la război, apare în istoria modernă în secolul XIV. În 1408, termenul se întâlneşte într-un document oficial, decretul unui rege francez, care arată că şi el îşi păstrează neutralitatea în lupa dintre papa de la Roma şi papa de la Avignon. În aceasta perioadă, începe să fie încheiate unele tratate de neutralitate, evident cu sens militar (ex. 1478, oraşul Liege). Astfel, în relaţiile internaţionale apare un element esenţial conceptual, părţile beligerante nu mai forţau statele terţe să se situeze alături din una dinte părţi şi nu se consideră ilicită poziţia unui stat ca să se menţină neutru faţă de un conflict armat [1]. Ca urmare, dezvoltarea legii internaţionale în Europa secolelor XVI şi XVIII, stabilirea noţiunii de "război justificat – *casus belli*" şi sistemului de state europene cu modurile sale de interacţiune în secolele XVIII-XIX, mai ales a conceptului *echilibrul puterilor,* au dat naştere bazei legale de neutralitate statală [23, p.1]. De fapt, recunoaşterea neutralităţii a stimulat interesul faţă de pacea mondială, acceptată ca lege universală şi a făcut posibilă distingerea dintre lege şi politicile neutralităţii [21, p.17].

În general, dezvoltarea europeană a demonstrat că neutralităţile au supravieţuit în trecut datorită puterii statelor preocupate de *echilibrul securităţii* atât la frontierele sale, precum şi în regiune. În perioada când neutralitatea a devenit o normă morală, alianţele şi coaliţiile au devenit înţelegeri de scurtă durată îndreptate spre obiective specifice" [22, p.3]. Astfel, neutralitatea a fost o atitudine de sens comun (normă morală) a statelor neimplicate în război. Însă, chiar şi în această perioadă, neutralitatea se garanta şi se proteja de Marile Puteri. De exemplu, în ceea ce priveşte păstrarea echilibrului de securitate europeană, Regatul

Unit a fost unul din arbitrii neutralităţii. Astfel, neutralitatea Belgiei (1831), Luxemburgului şi Elveţiei (1815) reprezintă un caz evident de garanţii şi înţelegeri dintre Marile Puteri, deoarece legalitatea internaţională a neutralităţii încă n-a fost definită clar în acea perioadă. De altfel, cazul anexării Regatului Savoia şi dispariţia Poloniei pentru aproape două sute de ani, au demonstrat vulnerabilitatea statului neutru, fără susţinerea Marilor Puteri. În aşa mod, cum a fost conchis, neutralitatea europeană din secolul XIX, era respectată dacă Marile Puteri se angajau să intervină în menţinerea echilibrului puterii cu scopul de a-şi proteja interesele proprii [22, p.4].

Din punct de vedere al dreptului internaţional, definiţia neutralităţii a fost stabilită de Declaraţia de la Paris din 1856 şi a progresat legal la cea de-a Doua Conferinţă de la Haga din 1907 [23, p.1]. În plus, capitolele V şi XII ale Convenţiei de la Haga au stipulat statutul neutralităţii în războaiele terestre şi marine. Prin alte cuvinte, reiese că neutralitatea ca concept legal a putut să fie implementat numai în caz de conflict armat. Necesitatea unei astfel de legalizări a derivat din faptul că sistemul de securitate european de la sfârşitul secolului XIX a fost afectat de dezvoltarea rapidă a unui nou stat puternic ca Germania unificată de Bismarck. Din acest motiv, statele Europene au convenit să limiteze la maxim posibilitatea izbucniri războaielor, şi, totodată, să aplice anumite reguli legale în cazul producerii conflictelor militare. Noile acorduri europene specificau că "alianţele nu mai reprezentau activităţi de subordonare în cadrul unui sistem mai mare, dar constituiau sistemul însuşi" [22, p.4]. Astfel, la acel moment, neutralitatea nu se mai încadra în noul sistem internaţional şi apărea mai mult ca o excepţie ce impunea clarificarea legală a statutului său, a drepturilor şi responsabilităţilor sale.

De fapt, la începutul secolului XX, noua ordine europeană a făcut neutralitatea foarte fragilă. Alianţele au devenit mai polarizate şi aveau ca scop să se conteste una pe alta la nivel global, ceea ce prin urmare a rezultat în cele două războaie mondiale. Oricum, datorită stipulării neutralităţii legale şi preocupării statelor pentru menţinerea *Status Quo* ordinii internaţionale, violarea unor neutralităţi a fost cauza izbucnirii războaielor din 1914 (Belgia) şi 1939 (Polonia). Cu toate aceasta, intervenţiile Regatului Unit şi Franţei n-au restabilit statutul de neutralitate garantat. De fapt, ordinea internaţională a fost restabilită de intervenţiile ale mai multor state, inclusiv şi ale marilor puteri, SUA şi Rusia (URSS), în acestea războaie [22, 4]. Într-adevăr, SUA şi Uniunea Sovietică, neutre, în acea perioadă, din propriile motive, au participat în războaie pentru restabilirea *Status Quo* de ordine mondială, ceea ce post-factum s-a transformat într-o rivalitate globală în secolul XX, fiind cunoscută ca Războiul Rece şi bipolaritatea.

Aceasta a dus la o altă competiţie globală cu alianţe mai mari, în care statele neutre şi nealiniate au devenit actori politici marginali. Iarăşi, neutralitatea n-a fost încălcată din câteva motive. În primul rând, statele tradiţional neutre, ca

Suedia şi Elveţia, au reprezentat un factor istoric neutru care diminua tensiunile bipolare. Mai mult, invulnerabilitatea geografică şi capacitatea militară relativ puternică le-au permis consolidarea puternică a statutului neutru. În al doilea rând, alte state, ca Austria şi Finlanda, au reflectat înţelegerea nescrisă a alianţelor privind incapacitatea de câştig într-o situaţie de impas. Cu alte cuvinte, costul invaziei era mai mare decât avantajele stării actuale de lucruri. În al treilea rând, Marile Puteri nu au considerat schimbarea statutului de neutralitate a unor aşa state ca Andora, Islanda, sau Liechtenstein ca o ameninţare la *Status Quo* securităţii internaţionale.

Mai mult decât atât, s-a creat situaţia în care Marile Puteri şi-au demonstrat respectul pentru legea internaţională. Este interesant că în perioada competiţiei din Războiul Rece, Belgia a decis să nu-şi mai păstreze statutul de neutralitate în urma şocului din al Doilea Război Mondial, când neutralitatea sa a fost violată, în pofida garanţiilor din partea Regatului Unit. Totodată, SUA considera neutralitatea ca un aspect imoral în cadrul relaţiilor internaţionale, dar o respecta din punct de vedere al legii internaţionale. Iar fosta Uniune Sovietică considera imorală nealinierea militară, în special cazul Iugoslaviei. Neutralitatea însăşi era strict justificată de URSS, dar nu şi respectată permanent: cazul violării apelor teritoriale ale Suediei [22, p.6]. Pe scurt, neutralitatea europeană actuală a fost influenţată de cele două războaie mondiale şi consecinţele Războiului Rece, care au avut un impact consecvent pentru dezvoltarea diferitor forme de neutralitate, demonstrând, astfel, caracterul ei neconsecvent.

Astăzi, schimbările majore în sistemul de securitate Euro-Atlantic, sfârşitul Războiului Rece, destrămarea Uniunii Sovietice, procesul de extindere a NATO şi UE, procesul de globalizare, cu toate efectele sale în sfera politică, economică şi socială, evoluţia unui nou sistem interdependent de securitate europeană, precum şi în cel post-sovietic, noile ameninţări comune, în special terorismul internaţional şi războiul asimetric, au schimbat politica tradiţională a unor state europene spre o *neutralitate de cooperare, neutralitate activă, neutralitate cu solidaritate* sau *nealiniere militară*. În majoritatea cazurilor, obstacolul de a deveni un membru al UE şi NATO sau a altor organizaţii internaţionale / alianţe militare reprezintă o temere pentru opinia publică, care rămâne în urma dezvoltării fenomenelor sus-nominalizate, mai persistă şi frica de reacţia potenţială a marilor puteri. În acelaşi timp, îngrijorarea de a rămâne în izolare politică fără a putea lua o anumită decizie în cadrul OSCE, NATO şi UE, au încurajat Austria, Finlanda, Irlanda, Suedia şi Elveţia să-şi optimizeze politicile externe în unele proactive. De fapt, majoritatea din ele, cu excepţia Elveţiei, au devenit state-membre ale UE fără aliniere militară, susţinând totodată Politica Europeană de Securitate şi Apărare Comună (PSEC/PSAC) a UE. În perspectiva de lungă durată, dezvoltarea PESAC poate să le influenţeze politica de nealiniere militară în dependenţă de evoluţia arhitecturii internaţionale în spaţiul european. În fine, eveni-

mentele de la 11 septembrie 2001 din SUA, războaiele militare din Afganistan (2001), Irak (2003), Georgia (2008), alte probleme ce ţin de dilema securităţii internaţionale, cum ar fi Orientul Mijlociu, Coreea de Nord şi Iranul au influenţat gândirea experţilor de securitate naţională. Ca consecinţă, au suferit modificări şi conceptele de neutralitate în Europa din cauza apariţiilor unor ameninţări şi vulnerabilităţi comune. În acelaşi timp, tot mai mult experţi analizează atât fenomenele contemporane ale crizei economice mondiale şi încercările de a provoca ciocniri pe linia ideologica religioasă, inclusiv în Europa, cât şi posibile efecte ale acestora asupra evoluţiei statelor neutre.

Concluzii

În concluzie, menţionăm că datorită schimbărilor în securitatea internaţională contemporană, a evoluţiei unei noi arhitecturi de securitate europeană cu implicaţii de interdependenţe complexe ale mai multor organizaţii internaţionale, a globalizării vieţii politice şi economice a spaţiului Euro-atlantic şi Euro-asiatic, a noilor pericole şi riscuri mondiale transnaţionale, securitatea statelor europene va depinde şi de abilitatea lor de a împărţi greutăţile politice şi financiare a securităţii colective şi apărării. Ex-cancelarul Austriei Wolfgang Schussel a afirmat într-un timp că neutralitatea ţării sale este “un concept vechi”, care nu mai reflectă “realitatea complexă a începutului secolului XXI” [24, p.6].

Impactele istorice asupra statelor europene, corespunzător asupra conceptului de neutralitate, au avut de asemenea roluri importante în determinarea originilor, motivelor şi formelor neutralităţii. Cele mai importante motive şi origini ale neutralităţii au devenit cele interne, externe şi tradiţionale împreună cu factorii de ameninţare la adresa securităţii naţionale. În consecinţă, aceasta a influenţat formele specifice de neutralitate: neutralitatea supraputerii, neutralitatea activă, nealinierea militară, *ad hoc* şi neutralitatea permanentă, neutralitatea impusă, neutralitatea integral permanentă, neutralitatea eventuală, neutralitatea imparţială, neutralitatea diferenţială, neutralitatea locală, neutralitatea temporară, neutralitatea maritimă, terestră şi aeriană. Oricum, cauzele principale ale menţinerii neutralităţii de către statele europene, în secolul XX, au fost pericolele Războiului Rece, pericolul comunist şi factorul unui război mondial nou. De exemplu, neutralitatea Austriei, Finlandei şi Suediei au reprezentat cazuri evidente de luptă bipolară în perioada Războiului Rece, care continuă să domine agenda şi opinia publică a acestor state şi în prezent. Totodată, schimbările globale recente cu noile structuri complexe şi interdependente ale Europei, în mare măsură, pot contribui la schimbarea percepţiei asupra neutralităţi acestor state. “În trecut, neutralitatea a fost o normă. Astăzi este o excepţie” [22, p.3].

Bibliografie:

1. Banu L., Ionescu O.R.I. Neutralitatea Statelor şi Dreptul Internaţional. // Stat De Drept Românesc, Bucureşti, an.21 (55), nr.3, 07-09.2009, p.287-296.
2. Bolintineanu A., Herşcovici J. Contribuţii la studiul neutralităţii permanente. // Studii şi cercetări juridice, Bucureşti, nr.1, 1956.
3. Bissell R., Gasteyger C. The Missing Link: West European Neutrals and Regional Security. - Duke University Press, 1990.
4. Chifu Iu. Neutralitea intre mit, imagine şi realitate. // Insofera, Anul I, nr.4, 2009.
5. Daşcovici D. Războiul, neutralitatea şi mijloacele de constrângere dintre state. - Bucureşti: Institutul de Arte Grafice „N.V.Ştefăniu", 1934.
6. Dorul O. Neutralitatea în sistemul universal al securităţii internaţionale. // Legea şi viaţa: Publicaţie ştiinţifico-practică. Chişinău, 2005, nr.128, p.21-27.
7. Dorul O. Poziţia statelor neutre în procesul integrării europeană în materie de securitate. // Revista moldovenească de drept internaţional şi relaţii internaţionale, 2006, nr.1-2, p.96-100.
8. Dorul O. Neutralitatea - parte componentă a sistemului de securitate colectivă: Autoreferat (12.00.10), Chișinău, 2008.
9. Dorul O. Conceptul de neutralitate permanentă în dreptul internaţional. // Legea şi viaţa: Publicaţie ştiinţifico-practică. Chişinău, 2005, nr.8, p.36-41.
10. Europe: Nostra Culpa; Switzerland in the Second World War. // «The Economist», London, 30 March 2002.
11. Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. - London: Penguin Books, 1998.
12. Gămurari V. Trăsăturile definitorii ale instituţiei neutralităţii în raport cu suveranitatea de stat. // Revista Avocatul poporului: Publicaţie a Colegiului Avocaţilor din Republica Moldova, 2003, nr.11-12, p.22-25.
13. Gămurari V. Unele aspecte privind concepţia neutralităţii permanente în dreptul internaţional contemporan. // Symposia professorum: Seria Drept. Materialele Sesiunii ştiinţifice din 4-5 mai 2001.
14. Hergesell A. Vienna: Bending Neutrality. Europe. - Washington, February 2002, 46 p.
15. Huld B., Lejins A. European Neutrals and the Soviet Union. Conference Papers nr.6, 1985. The Swedish Institute of International Affairs. – Stockholm, 1986.
16. Huntigton S. The Clash of Civilization: Remaking of World Order. – Touchstone Book, 1997.
17. Kruzel J. The Future of European Neutrality. // Kruzel J., Haltzel M.H. (eds). Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral

and Nonaligned States. - Cambridge, England: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989.
18. Lavric A. Problema neutralității Republicii Moldova în contextul asigurării securității sale. // Studia Securitatis, Sibiu, 2012, p.72-74.
19. Oprescu A. European neutral countries and NATO. // Romanian Journal of International Affairs, nr.1-2, 2002.
20. Vukadinovic R. The Various Conceptions of European Neutrality. // Kruzel J., Haltzel M.H. (eds). Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States. - Cambridge, England: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989.
21. Widmen S. Forms of Neutrality. // Kruzel J., Haltzel M.H. (eds). Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States. - Cambridge, England: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989.
22. Windsor Ph. Neutral State in Historical Perspective. // Kruzel J., Haltzel M.H. (eds). Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States. - Cambridge, England: Woodrow Wilson International Center for Scholars and Cambridge University Press, 1989.
23. Wight M. The Idea of Neutrality. // London Calling, 11 October 1956.
24. Erlanger S. (ed). World Briefing Europe: Austria: Neutral is Old-Fangled, Leaders Says. // «The New York Times», 27 October 2001.
25. Ганюшкин Б.В. Современный нейтралитет. Политика нейтралитета и постоянного нейтралитета в условиях борьбы за мир. - Москва, 1958.
26. Ганюшкин Б.В. Нейтралитет и неприсоединение. - Москва, 1965.
27. Ганюшкин Б.В. Международная гарантия постоянного нейтралитета. Вопросы теории и практики международного права. - Москва, 1969.
28. В.Н.Дурденевский. Нейтралитет в системе коллективной безопасности. // Советское государство и право, №8, 1956.
29. Кондаков А.В. Постоянный нейтралитет в международном праве. – Москва Московский государственный институт международных отношений МИД России, 2002. http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=107190 (vizitat 16.07.2013).
30. Кружков В. Нейтралитет в европейском политическом поле. // Международная жизнь, 2000, №6, с.60-69.
31. Махер М. Нейтралитет в системе коллективной безопасности. – Ленинград, 1972.
32. Моджорян Л.А. Постоянно нейтральные государства и международное право. // Советское государство и право, № 7, 1955.

33. Моджорян Л.А. Политика подлинного нейтралитета - важный фактор борьбы народов за мир и независимость. - Москва, 1956.
34. Моджорян Л.А. Политика нейтралитета и ее значение в расширении зоны мира. - Москва, 1957.
35. Нольде Б.Э. Постоянно нейтральное государство. - Санкт-Петербург, 1905.
36. Прусаков Ю. М. Постоянный нейтралитет в международном праве. - Москва, 1966.
37. Тиунов О. И. Нейтралитет в международном праве. - Пермь, 1968.
38. Троекуров Е.Р. Нейтралитет как институт международного права (зарождение, развитие, современные доктрины). // Право и политика: Научный юридический журнал. №1 (97), Москва, 2008, с.91-102.
39. Цырдя Б. Нейтралитет Молдовы: иллюзии, домыслы, реалии, риски. Информационно-аналитическое издание "Одна Родина". 09.07.2008. http://odnarodyna.com.ua/content/neytralitet-moldovy-illyuzii-domysly-realii-riski (vizitat 12.01.2014).

Prezentat la redacţie
la 28 februarie 2014

Recenzent – ***Valentia TEOSA***, doctor habilitat în științe politice, profesor

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Виктор МОРАРУ
Республика Молдова, Кишинев, Академия Наук Молдовы, Отделение Социальных и Экономических Наук,
Координатор, доктор хабилитат политических наук, профессор

Серджиу ТЕОДОР
Республика Молдова, Кишинев, Институт Юридических и Политических Исследований Академии Наук Молдовы,
докторант

The article reports on the continuing conflict between Moldova and the separatist region of Transdniestria. The collision over the Transdniestrian region dates back to the end of the Soviet Union and the establishment of an independent Moldovan state. However, until recently very little tangible progress has been made towards a sustainable conflict settlement. With the resumption of official talks in the 5+2 conflict settlement process, and then – from the perspective of the recent events in Ukraina - the Transdniestrian issue is now relatively high up on the political agenda of all the parties involved, and the need for developing creative solutions has taken on added importance. This article adds to existing publications by offering an up-to-date analysis of the situation in Republic of Moldova / its Transdniestrian region, placing it in a wider regional context and examining the genesis of the conflict, its peculiarities and positions of the key actors in the conflict settlement process. Likewise, analyzing past conflict resolution attempts to resolve the conflict and its present status, the study offers an schedule of the evolution and current state of the Transdniestrian frozen conflict's nature. Therefore, it is important that this nature be analyzed again in the future in order to have an accurate picture of this conflict and to see its influence on the regional political, economic, and especially the security environment. Also, it is important to consider the consequences of the conflict on perceptions of Moldova's image abroad and offers a number of suggestions how must be actions to strengthen a positive image of the country, emphasizing the need to focus on outcomes that ensure a viable Moldovan state.

Новые политические реальности, сложившиеся на карте мира в начале девяностых годов, продолжают оставаться для Республики Молдова столь же актуальными, как и более двух десятилетий тому назад, с практически неизменившейся конфигурацией: замороженный Приднестровский конфликт так и не нашел до сегодняшнего своего разрешения.

Взаимосвязь конфликта в Приднестровье с политическими процессами, развернувшимися в СССР после начала „перестройки”, очевидна. По мнению экспертов, распад советского государства привел к возникновению на его территории не менее 170 конфликтных зон, в 30 из которых конфликты проявились в активной форме, а в 10 из них проявились в форме вооруженных столкновений [1, с.147], с перерастанием политического противостояния в вооруженный конфликт с последующим территориальным расколом. Таким образом, правомерно считать, что в каждом конкретном случае факторы, определившие возникновение конфликта и особенности его развития, имели локальную специфику, определившую, в дальнейшем, динамику его углубления и периодических обострений. Без обращения внимания на элементы этой специфики невозможны ни выяснение причин возникновения Приднестровского конфликта в бывшей Молдавской ССР, ни, соответственно, поиск возможностей для его разрешения.

Появление на политической арене государства Республика Молдова вновь выдвинуло на передний план вопрос достаточного сложного исторического прошлого. Обстоятельства которые складывались на данной территории на протяжении нескольких столетий не могли не сказаться на менталитете населения в целом, равно как и не могли не создать определенный контраст между доминирующими менталитетами на правом и левом берегах Днестра [2, с.9-11].

Политика „перестройки”, раскрыв подлинную гдубину накопившихся в обществе противоречий, подвергла испытанию способность общества решать проблемы в условиях спонтанной свободы. Развал СССР предоставил населению Молдавской ССР свободу распорядиться своей судьбой. Однако речь шла, как указывают эксперты, не об индивидуальных свободах, а о способности жителей бывшей союзной республики к самоуправлению, используя инструменты правового государства и политической демократии [3, с.57]. Однако, общество не смогло воспользоваться возможностью сплотиться вокруг идеи государственности, а раскололось на антагонистические лагеря. Решение насущных вопросов, таких, как создание функциональных механизмов правового государства, преобразование сегмента экономики СССР в национальную рыночную экономику нового государства и, главное, трансформация населения бывшей МССР в интегрированный конгломерат граждан Республики Молдова, в новое, построенное на современных принципах, общество, оказалось непосильной задачей.

В работах аналитиков указывалось на то, что начальные действия законодателей, направленные на утверждение молдавской суверенности, имели серьезные последствия. Несмотря на всплеск сепаратистских тенденций и твердой линии в том что касается национальных вопросов, проводимых экстремистским крылом Народного Фронта, руководство Республики

Молдова достаточно осторожно поднимало вопросы, связанные с национальными меньшинствами, приняв за основу так называемый „курс малых шагов” [4, с.32]. Вместе с тем, негативное впечатление, производимое экстремистскими предложениями, оставляло свой сильный отпечаток на вполне уравновешенных законодательных актах.

Политическое противостояние, связанное с языковыми проблемами, продемонстрировало, что население МССР не готово к решению разного рода проблем на основе демократических процедур и механизмов правового государства. Любые попытки инициации диалога и поиск компромисса отвергались и воспринимались как признак слабости. Все это превратило страну в источник политической напряженности, с кульминацией в форме вооруженного противостояния (март-июль 1992 года), эскалация которого была с трудом приостановлена. Первое совместное соглашение о прекращении военной фазы конфликта было подписано в июле 1992 года. С той поры на высшем уровне было принято несколько десятков различных документов. Примечательно, что в центре переговорного процесса особое место заняла тема статуса Приднестровья. Однако, в этом вопросе, на протяжении лет, сохраняются фундаментальные разногласия.

К примеру, 6 июня 2003 года стороны (очевидно, что считать Тирасполь стороной в переговорах, притом полноправной, или чуть ли не полноправной – неправильно и неприемлемо, и пойти на такое власти Республики Молдова были вынуждены лишь в интересах нахождения выхода из ситуации) согласились провести в рамках пятисторонних переговоров встречу Совместной Конституционной Комиссии 11 июня в Миссии ОБСЕ. И хотя эта встреча и состоялась, что само по себе уже стало шагом вперед, не было сделано никаких шагов в сторону выхода из тупика, встреча не привела к ощутимым результатам.

Тогда, как, впрочем, и сейчас, шаги России на постсоветском пространстве видятся в европейских столицах и Вашингтоне как проявление геополитических амбиций, „угрожающее суверенитету и теперь уже демократическим процессам внутри новых независимых государств, которые на Западе решили активно вовлекать в евро-атлантический мир” [5].

Россия предложила Молдове вариант урегулирования ситуации, подготовленный полпредом президента Российской Федерации Д.Козаком и интегрирующий российские предложения по приднестровскому урегулированию, сделанные раньше. В целом, „Меморандум Козака” был принят приднестровской и молдавской сторонами после долгих консультаций с российскими представителями, но в самый последний момент, из-за пункта о размещении российских миротворческих войск, президент Молдовы В.Воронин отказался подписывать этот меморандум после долгих консультаций с представителями ЕС и ОБСЕ. После этого переговорный про-

цесс зашел в очередной тупик. В интервью российской газете „КоммерсантЪ”, опубликованном 25 ноября 2005 г., первый вице-премьер правительства России Д.Козак рассказывал о причинах отказа Кишинева принять уже согласованный план приднестровского урегулирования. По словам Козака, это произошло из-за отрицательного отношения ОБСЕ к одному из пунктов документа - о российских миротворцах в зоне конфликта [6]. Однако, нельзя не отметить, что „Меморандум Козака” - российское предложение о федерализации Молдовы - предусматривало, помимо прочего, сохранение эксклюзивного участия России в молдо-приднестровском конфликте, прежде всего в том, что касается военного аспекта миротворчества. Пожалуй, именно с этого времени закрепилась тенденция, когда Россия и Запад подвергают инициативы друг друга обструкции и пытаются предпринимать „односторонние шаги для разрешения приднестровского конфликта сообразно своим представлениям и субъективно воспринимаемым интересам” [7, с.56]. В СМИ, аналитических статьях и официальных документах ЕС и США российская политика характеризовалась как манипуляция „замороженным конфликтом” с целью „влияния на внешнюю политику Молдовы, выбравшей проевропейскую ориентацию” [8].

Сторонами проводились еще несколько встреч в Одессе, Тирасполе, Киеве, но каждый раз они срывались. Только в 2006 году был предложен новый план урегулирования, разработанный на этот раз под руководством президента Украины В.Ющенко. В этом контексте, 3 марта 2006 года Украина ввела новый таможенный режим на границе с Приднестровьем и прекратила экспорт грузов без молдавского таможенного оформления. Власти Приднестровья в специальном заявлении расценили это как экономическую блокаду. В ответ они с 6 марта 2006 г. перекрыли транзитное сообщение между Украиной и Молдовой. 10 марта пресс-служба украинского МИД заявила, что имеет место искусственная самоизоляция Приднестровья, которая „не имеет логического объяснения и наносит убытки экономическим субъектам многих стран, которые сотрудничают с приднестровскими партнерами, или используют эту территорию для транзита товаров”.

Этот кризис произошел после провала очередного раунда переговоров по приднестровскому урегулированию в формате „5+2” (Тирасполь, 27-28 февраля). В последнем, расширенном формате переговоров, на деле участвовали три стороны: Республика Молдова; Запад (ОБСЕ, ЕС и США); Россия и Приднестровье (чьи позиции согласованы). После неудачных переговоров 27-28 февраля, Кишинев, при содействии США и ЕС, убедил украинское руководство начать совместное правовое и экономические давление на Приднестровье.

Каждая из сторон конфликта, ссылаясь на принятые ранее соглашения и документы, трактовала их в свою пользу. Это Московский меморандум от 8 мая 1997 года и Межправительственное соглашение между Украиной и Молдовой от 30 декабря 2005 года, определяющее технический порядок прохождения приднестровских грузов через украинскую границу. В интерпретации Молдовы и её западных союзников, соглашение от 2005 года трактуется, как содержащее требование о регистрации приднестровских предприятий властями Молдовы. Представители Приднестровья, в свою очередь, подчёркивали, что в Меморандуме зафиксировано его право на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. Естественно, что оценки участников переговоров резко разошлись.

Фактически, динамика переговорного процесса, приостановленного в 2006 г. вследствие введенного Украиной нового таможенного режима, была, в течение нескольких лет, достаточно вялой, и получила определенное развитие лишь в последнее время (Меморандум „Медведев-Меркель", декларация Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопастности К.Эштон [9, с.138], попытка активизации в 2013 году формата переговорного процесса „5+2" в Вене [10] и другие.

Необходимо признать особенность, да и парадоксальность ситуации с урегулированием конфликта в Приднестровье, состоящую в том что, несмотря на явные неудачи, впервые на всем постсоветском пространстве удалось все же добиться определенного прогресса в деле мирного разрешения конфликтов. С 1992 года проводятся переговоры об урегулировании конфликта, в которых в качестве посредников участвуют Россия, Украина и ОБСЕ а также с определенного времени ЕС и США. Достигнуты определенные позитивные результаты - прекращены военные действия и созданы международные гарантии против их возобновления, в определенной степени нормализована жизнь людей по обе стороны рубежа противостояния, обеспечены экономические контакты. Молдова и Приднестровье договорились о том, что они будут руководствоваться принципом сохранения территориальной целостности Молдавии как единого субъекта международного права в границах МССР на 1 января 1990 г. и отказались от односторонних действий и применения силы.

Конфликт пока далек от окончательного разрешения. С самого начала и до сих пор это, устраивающее обе стороны решение, не существует. Основная проблема — государственно-правовой статус Приднестровья, вывоз вооружения из Приднестровья и еще целый ряд проблем, послуживших причиной возникновения конфликта и возникших уже в период самого переговорного процесса [11]. Для Республики Молдова признание Приднестровьем территориальной целостности государства в его установившихся границах является той конечной целью, которую она преследует

при разрешении конфликта с Тирасполем. Однако она не готова заплатить за это установлением конфедеративных отношений с Тирасполем, понимая ту угрозу, которую несут для ее территориальной целостности такие отношения в будущем. Идеальным вариантом компромисса для Кишинева было бы предоставление Приднестровью статуса автономии, проект которой руководство Республики Молдова неоднократно посылало Тирасполю, но всякий раз тот его отвергал [12]. И это объяснимо. Для того, чтобы заставить Приднестровье согласиться на статус автономии, Кишинев не имеет достаточных внутренних ресурсов [13, с.99].

В то же время, в общих чертах, претензии Приднестровья на государственность оказываются иллюзорными. Так же, как и в случае Косово здесь налицо коллизия в плане международного права, противоречие между правом на самоопределение и принципом целостности государственного образования [14, с.139]. Сепаратизм не является ключом к разрешению конфликтов, а источником постоянного напряжения. Наиприемлемый вариант действий для разделенных сообществ, как показывает практика, это – взаимное доверие.

Пока не просматриваются общие планы на будущее, которые могли бы консолидировать воедино население Республики Молдовы на обоих берегах Днестра. „Магнитное поле" Евросоюза до сих пор влияет только на правый берег Днестра, проявляясь, в частности, в заинтересованности в индивидуальной эмиграции в ЕС, в поисках работы. Поэтому „неоткуда ждать лавинообразного объединения страны, по типу крушения Берлинской стены" [15, с.68]. Однако новый виток политической напряженности в регионе, весной 2014 года, заметно усилил поиск путей выхода из кризиса.

Общепризнано, что важным условием всеобъемлющего подхода к окончательному урегулированию должно стать обеспечение привлекательности Молдовы. Должны быть выработаны общие ориентиры в законодательной деятельности и применении законов, как в Молдове, так и в Приднестровье, должна происходить конвергенция административных структур, которые развивались все эти годы параллельно.

Необходимо также обосновать и задействовать эффективный механизм урегулирования споров. Эксперты неоднократно отмечали отсутствие полноценной включенности в процесс приднестровского урегулирования Евросоюза, „который так до сих пор и не имеет стратегии своих действий в отношении этого конфликта" [16], подчеркивая, что Европейским Союзом не была разработана „какая-либо последовательная стратегия для достижения политического урегулирования" [17, с.21]. Большинство мер, принимаемых ЕС, были направлены в первую очередь на укрепление молдавской экономики. Молдова получила значительную финансовую по-

мощь от ЕС, с тем, чтобы сделать идею единой страны более привлекательной для отколовшейся части.

Именно поэтому очень важны усилия международного сообщества, которое может и должно использовать свое влияние для поддержки политических и экономических реформ, которые делают Молдову и более успешной, и более привлекательной для Приднестровья.

Некоторые авторы [18, с.27] отмечают, что в сравнении с другими замороженными или, правильнее, затянувшимися конфликтами в ареале ОБСЕ, у конфликта в восточных районах Молдавии было больше шансов для нахождения приемлемого разрешения, однако и более чем двадцать лет спустя, он так и не нашел состоятельного политического решения. Таким образом, вполне закономерными выглядят констатации кишиневских аналитиков, соглашающиеся с мнением о том, что „завоеванием государственно-политической независимости национально-освободительное движение добилось своей основной цели на правом берегу Днестра, но не достигло этого в Приднестровье, составной части Республики Молдова, революция, в этом смысле, оставшись незавершенной” [19, с.376].

Очевидно, что путь к преодолению взаиморазделяющих разногласий существует, но он не обещает быть легким и скорым. Более того, и сегодня политики продолжают признавать „полную неопределенность в плане разрешения конфликта” [20]. Очевидно, что в основе этой ситуации находится отсутствие доверия. Думается уместно привести в данном контексте ссылку на классический труд *The Evolution of Diplomacy* Г.Никольсона, для которого главным в дипломатии было „построение доверия” [21, с.10]. В этой связи, можно констатировать чрезвычайно низкий уровень взаимного доверия, явную недостаточность настоящего системного кооперирования, а также „слишком высокую цену конфликта” [22, с.4] с точки зрения политической, экономической и социальной.

В основном, эксперты сходятся во мнении о том, что „сила малых государств может быть развита за счет усиления их экономического потенциала, внедрения моделей эффективного управления и за счет дипломатических усилий” [23]. Все эти задачи, однако, очень трудно выполнимы, если международное сообщество критично или скептически воспринимает усилия подобного „малого государства”, эволюция которого отмечена присутствием и давлением неразрешенного (и очень трудно разрешаемого) конфликта. В этих условиях особое внимание должно быть уделено разработке и воплощению информационной / имиджевой стратегии государства. С точки зрения политической практики, изучение траектории по которой движется восприятие действий политических акторов имеет неоспоримое значение для сверки и своевременного принятия конкретных политических решений.

Необходимо признать, что одним из серьезных последствий приднестровского конфликта предстает неблагоприятный образ Республики Молдова в восприятии зарубежных средств массовой информации, правительств, да и населения зарубежных стран (достаточно распространено в общественном сознании мнение, что конфликт на Днестре является „черным пятном на имидже Молдовы” [24]). Об этом же свидетельствуют предпринятые в Молдове мониторинги прессы, исследования общественного мнения, в которых четко указывается на недостаточное продвижение имиджа Молдовы [25]. Конечно, такая работа ведется, но отсутствие целостной программы позиционирования страны на международной арене оборачивается целым рядом потерь.

Представляется таким образом, что одна из важнейших задач внешней политики Республики Молдова – это создание нового международного имиджа страны. В первую очередь, ставится задача нейтрализовать негативные имиджевые характеристики, создать Молдове образ страны, в которой более всего ценится мир и добрососедство, налицо ориентированность на серьезность принятых политических решений. И лишь затем, думается, можно сосредоточиться, как предлагают политологи, на формировании образа Молдовы, как страны – „производителя высококачественных товаров и разнообразных услуг на уровне мировых стандартов: высокосортных вин и коньяков; экологически чистых продуктов; информационных технологий; финансовых и консалтинговых услуг; туристических услуг („винный” и „сельскохозяйственный” туризм); международных перевозок” [26]. В то же время, успех заложен в конкретных действиях: нельзя не согласиться с автором издания *The Economist*, который отметил, говоря о Молдове: „Для того, чтобы изменить мнения окружающих, необходимо внедрить реформы, а не только их декларировать” [27].

Бесспорно, имидж страны должен рассматриваться как один из инструментов решения конкурентных задач государства на международной арене. Однако, для эффективного применения технологий связей с общественностью, которые непосредственно задействованы в эту деятельность, необходима „интеграция знаний и профессиональных усилий социологов, экономистов, специалистов по управлению и организационному развитию, психологов консультантов по предвыборным технологиям, спичрайтеров, спиндокторов, политологов и других профессионалов” [28]. Именно в этих условиях страна сможет, убедительно и доходчиво, „рассказать миру свою историю, сообщить ему о своих ценностях, продемонстрировать свою политическую и экономическую повестку дня” [29]. Тем более, в условиях, когда международные организации готовы внести свой вклад в разрешение конфликта. Н.Бреннан, заместитель руководителя миссии ОБСЕ в Молдове, так выразил эту позицию: „Если мы стремимся к тому, чтобы урегу-

лирование в Молдове было успешным, международное сообщество должно быть готово оказать поддержку в реализации этого урегулирования. Мы в силах содействовать формированию нового имиджа государства…” [30].

Таким образом, весьма показательно, что новый имидж Республики Молдова оказывается вплотную сопряженным с урегулированием приднестровского конфликта.

Библиография:

1. Лысенко В.Н. Региональные конфликты в странах СНГ: опыт урегулирования. // Полис, 1996, № 2, с.147-157.
2. Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. - Кишинев, 1997. 238 с.
3. Мошняга В., Илащук Д., Спиней Т., Завтур А. Конфликт в Молдове: опыт этнополитического анализа. – Кишинэу: Молд. ГУ, 1992.
4. Девятков А.. Политика России в приднестровском урегулировании (западноевропейские оценки). 10.04.2010. [On-line]: image-of-russia.livejournal.com/62661.html (посещен 16 ноября 2013 г.).
5. Козак Д. Интервью. // „КоммерсантЪ” (Москва), 25 ноября 2005 года.
6. Девятков А. „Меморандум Козака” в истории приднестровского урегулирования. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История, 2010, №2, т.2, с.52-57.
7. Лукас Э. Новая Холодная война. Как Кремль угрожает России и Западу. – Санкт-Петерсбург, 2009, с.171-174
8. [On-line]: Regnum.ru/news/09092.
9. МИД России называет референдум в Приднестровье реакцией на фактическую блокаду, 16 сентября 2006 г. [On-line]: Vlasti.Net. (посещен 14 января 2014 г.).
10. Собакина Д. Референдум в Приднестровье, 18 сентября 2006 г. [On line]: http://politcom.ru/3409.html (посещен 11 февраля 2014 г.).
11. Цуканова О.В. Основные этапы переговорного процесса в области урегулирования молдавско-приднестровского конфликта. // Бизнес в законе. – 2011, №3, с.135-139.
12. Botnaru V., Boţan I. Transnistria va deveni foarte curând o enclavă…, 15 iulie 2013. [On-line]: www.europalibera.mobi/a/25047001.html (посещен 17 февраля 2014 г.).
13. Нантой О. Истоки и перспективы разрешения приднестровского конфликта. [On-line]: ava.md/.../03681-istoki-i-perspektivi-razresheniya-pridnestrovskogo-konflikta.html (посещен 5января 2014 г.).
14. Марияն В.П., Теодор С. Приднестровский конфликт и Республика Молдова. // Россия и мировой политический процесс: Материалы ме-

жвузовской конференции, 8-9 ноября 2011 г. - Москва: Аспект Пресс, 2012, с.94-101.
15. Moraru V. Provocarea Kosovo: separatismul ca generator al tensionării internaționale. // Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, 2011, №1, p.134-140.
16. Nantoi O. Originile şi perspectivele soluționării conflictului transnistrean. // Moldova – Transnistria: Eforturi comune pentru un viitor prosper. Procesul de negocieri. – Chişinău: Editura Cu drag, 2009, 312 p.
17. Девятков А. Приднестровское урегулирование: факторы и тенденции, 29.02.2012 / Фонд исторической перспективы. [On-line]: http://www.perspektivy.info/history/pridnestrovskoje_uregulirovanije_faktory_i_tendencii_2012-02-29.htm. (посещен 27 февраля 2014 г.).
18. Kuzmicheva L. Unresolved conflicts in the common neighbourhood: a comparative analysis of EU and Russian policies / The Study Programme on European Security (SPES), January 2011. - Berlin: Institut für Europäische Politik, 2011. 43 p.
19. Bădescu P. Conflictul din Transnistria / Republica Moldova – după 20 de ani. // Revista de Științe Politice și Relații Internaționale (București), 2012, №3, pp.17-30.
20. Țăranu A. Vandeea în Moldova: din istoria debutului conflictului transnistrean. // Moraru V. (coord.). Societatea și comunicarea în tranziție. – Chișinău: ULIM, 2008, pp.348-379.
21. Duminică I. Incertitudine totală: Republica Moldova, între Transnistria şi UE // “Flux”, 2010, 16 aprilie.
22. Nicolson H. The Evolution of Diplomacy. – New York: Collier, 1962, 125 p.
23. Moldova – Transnistria: Eforturi comune pentru un viitor prosper. Procesul de negocieri. – Chişinău: Cu drag, 2009, 312 p.
24. Chong A. The foreign policy potential of „small state *soft power”* information strategies. [On-line]: turin.sgir.eu/.../chong-alan%20chong%202007%20the%20foreign%20policy%20potential (посещен 7 декабря 2012 г.).
25. Greadcenco O. Incursiuni ptin Transnistria de azi. [On-line]: http://observatoare.ziarulstrazii.com/?p=2166 (посещен 21 ноября 2010).
26. Hodoroja V. Carenţele de imagine a Republicii Moldova în presa occidentală în contextul integrării europene. // Uniunea Europeană: filosofia viitorului. - Chişinău: ISPRI, 2005.
27. www.ava.md.
28. Chisinau's charm offensive; Poor Moldova (Country overview). // The «Economist», 2010, 3 April.

29. Галумов Э.А. Имидж России в глобальном пространстве. [On-line]: http://viperson.ru/data/200711/vglobalxnomprostranstve.pdf (посещен 2 марта 2014 г.).
30. Leslie J. A positive country brand can help to secure prestigious national events. [On-line]: http://www.webershandwick.co.uk/outcomes/issue12/article3.html (посещен 1 мая 2010 г.).
31. Dinamici ale OSCE in „conflictul ingheţat" din Moldova. [On-line]: http://www.osce.org/documents/mm/2003/09/1867_ro.pdf (посещен 10 мая 2010 г.).

Prezentat la redacție
la 12 ianuarie 2014

Recenzent – ***Țveatcov Nicolae,*** doctor în științe politice

АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ СДЕРЖИВАНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ КИТАЯ

Ирина ВИШНЕВСКАЯ
Украина, Киев, Институт мировой экономики и международных отношений Национальной Академии Наук Украины
Аспирант

В статье анализируется взаимосвязь между КНР и США сквозь призму стратегии сдерживания и привлечения, рассматривается конгейджмент как взаимодействие разнообразных видов равновесий. Анализ схем политических игр между американцами и китайцами дает возможность определить стратегический почерк государств, их сильные и слабые тактические ходы.

Автором статьи впервые вводиться термин «эксергия» в научный оборот при изучении теории международных отношений, указывается на преимущества ее использования, как на тактических промежутках, так и в достижении выигрышного стратегического результата.

Ключевые слова: *КНР, США, стратегия сдерживания и привлечения, конгейджмент, равновесие, система международных отношений, эффективность, эксергия.*

The article analyzes the relationship between the PRC and the USA through the prism of the strategy of containment and engagement, examines congagement as an interaction of various types of equilibria. The analysis of schemes of political games between Americans and Chinese gives opportunity to determine strategic handwriting of the states, their strong and weak tactical moves.

The author of the article first has introduced the term "exergy" in the scientific turn of the study of international relations theory, pointed to the benefits of its use as for tactical spans or for achieving a winning strategic outcome.

Keywords: *PRC, USA, strategy of containment and engagement, congagement, equilibrium, system of international relations, efficiency, exergy.*

Американская стратегия сдерживания и привлечения (конгейджмент – congagement = containment + engagement) Китая – это не простое изменение парадигм в стратегическом мышлении адептов, а комплекс тактических действий, которые призваны предотвратить китайское восхождение до уровня, представляющего угрозу гегемонии США. Вариабельный характер стратегии возникает из полифуркации групп интересов, которые существуют в американском обществе, например, таких влиятельных, как

военно-промышленный и энергетический комплекс, с одной стороны, и прокитайское лобби в бизнесе и политике – с другой.

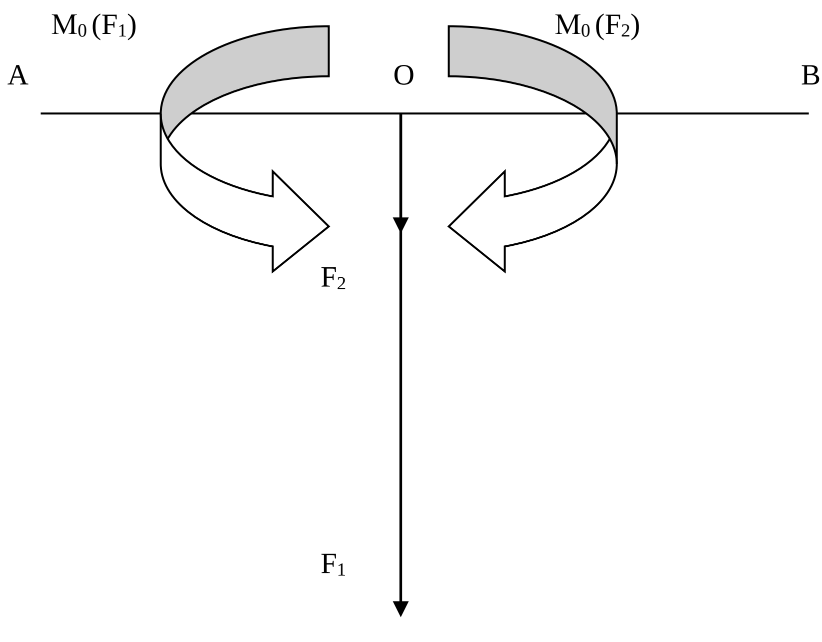
Таким образом, стратегия сдерживания и привлечения имеет две основные цели:

- сдерживать рост Китая, но таким образом, чтобы эта мощная держава не стала враждебной. В этом смысле эффективным инструментом является взаимозависимость экономик;

- примирить в американском обществе различные группы интересов. То есть, задание в том, чтобы избежать диссипативного состояния на эндогенном уровне.

Теория сложения параллельных сил позволяет понять, каким образом стратегия сдерживания и привлечения призвана решить эти проблемы. Предположим наличие двух параллельных сил F^1 (привлечение КНР) и F^2 (сдерживание КНР), не равных по модулю, но тождественных по направлению – к превентивной цели. Совпадающие точки интересов разномодульных сил изобразим отрезком АВ, а действие самих сил – перпендикулярной линией.

Рисунок 1. Сочетание разномодульных векторов внешней политики США

Соприкасание сил F^1 и F^2 происходит в точке О. Если систему сил (M_0) привести к равенству $M_0 (F^1) = M_0 (F^2)$, то $M_0 (F^1) – M_0 (F^2) = 0$, то есть при сложении равнозначных по модулю, но противоположно направленных векторов нивелируется эффект от принимаемых Соединёнными Штатами превентивных мер с целью девальвации угрозы со стороны КНР.

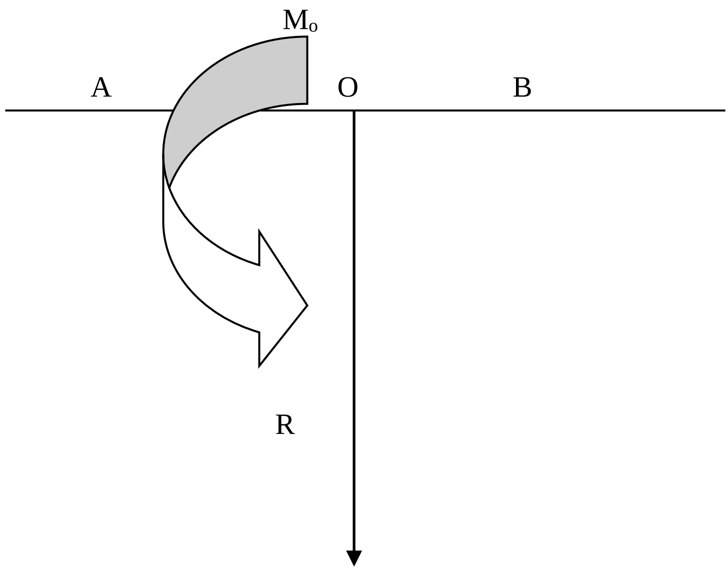
Таким образом, система параллельных сил приводится к равнодействующей, которая по величине и направлению совпадает с главным вектором внешней политики. Равнодействующая направлена в ту же сторону, что и заданные силы, вдоль линии интересов, проходящей через точку О, место которой на отрезке АВ определяется равенством сил F^1 та F^2.

$F^1 \cdot |AO| = F^2 \cdot |BO|$

Американские бизнесмены перенесли свой бизнес в КНР, руководствуясь финансовыми преимуществами. Соответственно, они лоббируют в т.ч. китайские интересы. Военные наоборот полагают, что Китай представляет большую опасность.

В случае, если силы F^1 и F^2 направлены в противоположные стороны, то есть их интересы не имеют точек соприкасания, к примеру: модуль F^1 (бизнес-интересы) стремится получить финансовую прибыль от сотрудничества с Китаем; а F^2 (военные) – изолировать КНР, образуя вокруг неё *кольцо анаконды А.Мехена*, то тогда местонахождение точки О будет на отрезке стороны большей силы. В таком случае главный внешнеполитический курс R будет выглядеть подобным образом: $R = F^1 – F^2$.

Рисунок 2. Доминирующий вектор внешней политики США по отношению к КНР

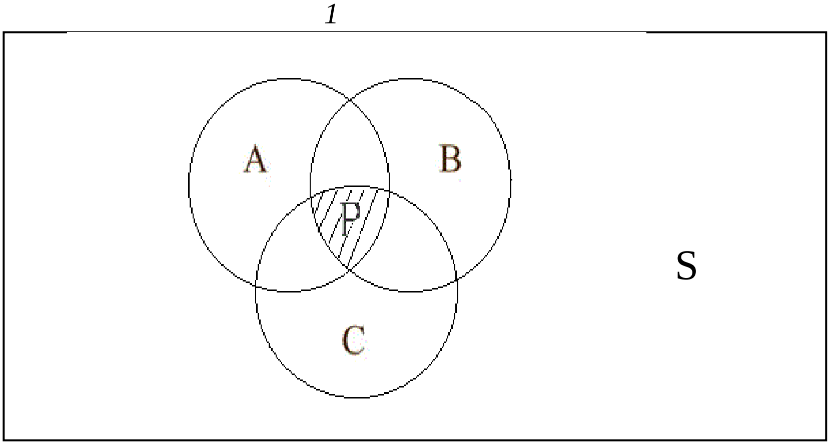
Стратегия конгейджмента синтезирует противоположные эвристические доминанты, невзирая на разномодульность сил и коллизию между их методами достижения цели. Таким образом она даёт возможность примирить различные группы интересов американской политической элиты.

Однако стратегия сдерживания и привлечения, как и американо-китайские отношения, – это всего лишь форма, которую определяет так называемый скелет. Скелетом же выступает конкретная структура, базирующаяся на манипуляции категориальным аппаратом. КНР и США – партнёры, но не союзники (нет соответствующего договора). Следует разграничивать понятия „партнёр” и „союзник”. „Союзники существуют для кратковременных целей, а партнеры – для долгосрочных. Между союзниками может возникнуть война в будущем, а между партнёрами войны не возможны” [1, p.50]. Стратегическое партнёрство предусматривает оказание военной помощи по просьбе страны-партнёра, однако партнёрство не обязует страну к таким действиям, как это принято при союзнических взаимоотношениях [2, c.57].

Итак, союзники дают гарантии безопасности, в отличие от стратегических партнёров. Теория международных отношений детерминирует понятие „взаимозависимость” государств как наличие их сотрудничества в нескольких сферах. Взаимозависимость не позволяет партнёрам воевать между собой, поскольку это ведет к обоюдному проигрышу. Но для того, чтобы КНР не обогнала страну-лидера, американцы разработали механизм сдерживания Поднебесной с помощью создания кольца союзников США (кольцо анаконды). В манипуляции отношений „партнер-союзник” заложена суть американской стратегии сдерживания и привлечения КНР.

Эту стратегию можно изобразить схематически (рис.3)

Рисунок 3. Внешнеполитическая стратегия США

1 – внешнеполитическая стратегия США, которая состоит из набора тактик.

С одной стороны – это тактика *P*, выраженная партнёрством между США и КНР (на рисунке изображено заштрихованной областью).

$P = (A \cap B)+(A \cap C)+(B \cap C)$, где *P* образовано путём пересечения различных сфер сотрудничества (торгово-экономического, научно-технического, культурно-гуманитарного и др.). Таким образом, их связи становятся взаимозависимыми.

Другая тактика *S* преследует цель сдерживать Китай путём заключения сети союзнических договоров с соседями КНР. *S* есть отрицанием *P*, в то же время дополняя его.

Итак, взаимосвязь между классами *P* и *S* – это отношения противоречия, но в то же время они дополняют друг друга. По такому принципу формируется стратегия конгейджмента.

В системе международных отношений любое государство стремится к максимально стабильному равновесию. Российский востоковед А.Д.Воскресенский трактует стабильное равновесие как „всегда гомеостатический процесс, при котором некоторые переменные (факторы) подвергаются постоянной корректировке в целях сохранения других переменных (факторов) в заданных пределах” [3, с.368]. Аналогичную идею находим в работе Й.Галтунга, утверждающего, что „изменения должны быть уравновешенными” [4, p.3].

Стратегию сдерживания и привлечения можно рассматривать как целостную систему взаимозаменяемых и параллельно действующих сил равновесия. Наличие полифонии равновесий предоставляет стратегии конгейджмента широкий спектр действий и даёт возможность рассматривать искомую стратегию как взаимодействие тактик разнообразных видов равновесий: равновесие по Штакельбергу, равновесие по Нэшу, равновесие по Парето, равновесие доминирующих стратегий, «дрожащей руки» и т.п.

Китайцы стремятся удерживать за собой часть доски вэйци, когда речь идёт о правах человека, поскольку, согласно Сунь Цзы, некоторые вопросы слишком деликатны в культурном и политическом плане, чтобы их обсуждать. Но вопреки этому, американская стратегия сдерживания и привлечения Китая стремится к равновесию по Штакельбергу, когда страна-лидер уже приняла решение, а КНР ставится перед свершённым фактом наличия системы международных отношений по западным правилам, игнорирование которой иррационально для национальных интересов Китая и, наоборот, – рационально быть „ответственным игроком” в указанной системе.

Но в американо-китайских отношениях равновесие по Штакельбергу не всегда срабатывает. Например, заявления американцев летом 2006 года

о новой политической инициативе, согласно которой США с целью обеспечения собственной национальной безопасности должны глобализировать космос, поскольку он такой же важный, как и воздушное или морское пространство, вызвали обеспокоенность Китая, который в ноябре 2006 года пожелал обсудить с Соединёнными Штатами вопросы взаимных ограничений в сфере наступательных космических вооружений, а в случае нежелания Вашингтона сесть за стол переговоров, Пекин обещал принять контрмеры. В результате, в январе 2007 года КНР бросила асимметричеcкий вызов – уничтожила ракетой наземного базирования один из своих устаревших спутников, который находился на орбите на высоте 900 км от Земли, то есть именно на том расстоянии, где размещены американские разведывательные спутники, а также системы противоракетной обороны космического базирования, продемонстрировав гипотетическую возможность уничтожать американские спутники.

Разногласия между США и КНР не привели к замораживанию отношений, так как они характеризуются наличием многочисленных уровней: если, например, в космической отрасли государства переходили к иррациональному равновесию строго доминирующих стратегий, то на финансовом уровне достигалось рациональное равновесие Нэша. В некоторой степени данная ситуация характеризовалась наличием *равновесия дрожащей руки* (THEN)[7], имеющего дополнительное свойство устойчивости при достаточно малых отклонениях игроков от равновесных стратегий. У любого игрока может задрожать рука, когда он вместо рациональной стратегии иногда склонен применить иррациональную. Но, согласно концепции, со временем иррациональность поведения уменьшается.

Стратегия сдерживания и привлечения способствовала прежде всего равновесию Нэша, когда максимум выгоды одного игрока зависит от действий другого, а отход от точки взаимодействия – иррациональный. Дж.Нэш писал: „игра имеет решение, если набор n-кратных смешанных стратегий пунктов равновесия удовлетворяет требования всех игроков” [5, p. 290].

На данном этапе Соединённым Штатам не выгодно уничтожение КНР из-за наличия множества преимуществ от сотрудничества с ней. Финансовый сектор США в значительной степени поддерживается Китаем. Американский политолог и идеолог неоконсерваторов Р.Каган отмечает: „Китайцы больше любят американский рынок, нежели они ненавидят американскую гегемонию” [6, p.87]. Однако польза для США от сотрудничества с КНР может стать неоправданной вследствие возрастания мощи Китая, что будет представлять реальную угрозу американской гегемонии. С целью

---

[7] *Принцип сформулирован Р.Зелтоном в 1975 году*

недопущения нарушения равновесия и реализуется стратегия сдерживания Китая как превентивная мера.

С циклическим приходом политики сдерживания американцы использовали равновесие доминирующей стратегии, согласно которой США должны были получить максимальную выгоду независимо от действий КНР. Так, вследствие применения Соединёнными Штатами доминирующей стратегии усилия Китая по снятию эмбарго на поставки вооружений, которое было введено в 1989 году после событий на площади Тяньаньмень, оказались безрезультатными. И хотя из-за мирового кризиса Европе было трудно без активов КНР и её огромного рынка сбыта, тем не менее запрет на продажу оружия Китаю так и не был отменён. Если бы не доминирующая стратегия США, то Европа уже давно бы это сделала, ведь Китай не представляет для стран ЕС реальной угрозы. Во-первых, он находится далеко; между ними отсутствуют территориальные претензии; во-вторых, в Европе нет территорий, достаточных и необходимых для китайской экспансии, а существующие – слишком перенаселённые; в-третьих, европейские природные ресурсы исчерпали себя. Поэтому, по мнению директора программы китайской политики в Университете Дж.Вашингтона Д.Шамбауга, Европа имеет роскошь развивать отношения с Китаем, не обременяя себя стратегическими и безопасностными обязательствами, поскольку они играют сегодня относительно небольшую роль для Европы, чего не скажешь о США. Китайцы „расценивают политику ЕС как просвещенную и дальновидную (в контраст хеджинговой или утверждённой неосдерживальной политики США)” [7, p.7].

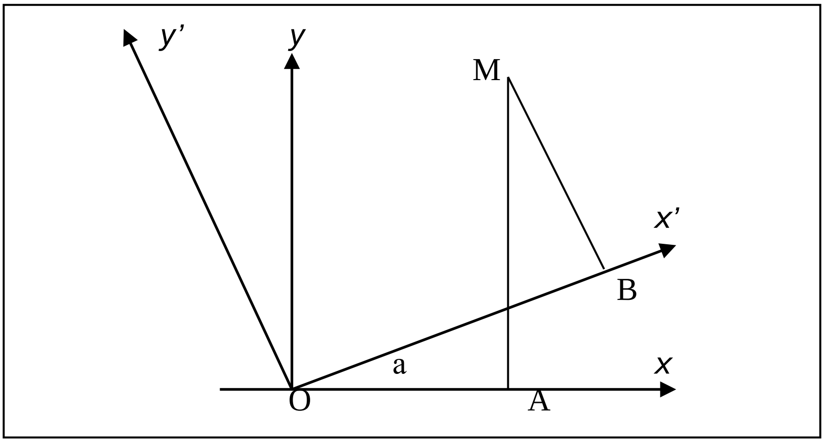
США и КНР удалось достичь равновесия по Парето: страны не могли продвигаться, не уменьшая при этом пользы для обоих игроков. Характерным примером достижения такого равновесия есть получение выиграша для каждого путём применения общих мер против угроз распространения ядерного оружия (Иран, Северная Корея), отказ же одного игрока уменьшает пользу для другого.

Несмотря на поиск путей построения эффективных равновесий во взаимоотношениях, Соединённые Штаты и Китай на первый план ставят отстаивание национальных интересов. Анализ схем политических игр США и КНР позволяет определить стратегический почерк государств и выявить их сильные либо слабые тактические ходы. Изобразим графически отличие поведенческих моделей в декартовой системе координат. Обозначим США как полюс – точкой *O*, КНР – точкой *M* с координатами *x* и *y*, где $OA = x$, а $AM = y$. Американцы ставят китайскую систему координат в собственную зону – полюс *O*, поворачивая курс Китая в запланированном направлении – к демократическим ценностям. Новая ось *Ox’* образует со ста-

рой осью *Ox* (так же, как и ось *Oy'* с осью *Oy*) угол поворота *a*, который обращён в направлении, противоположному движению часовой стрелки.

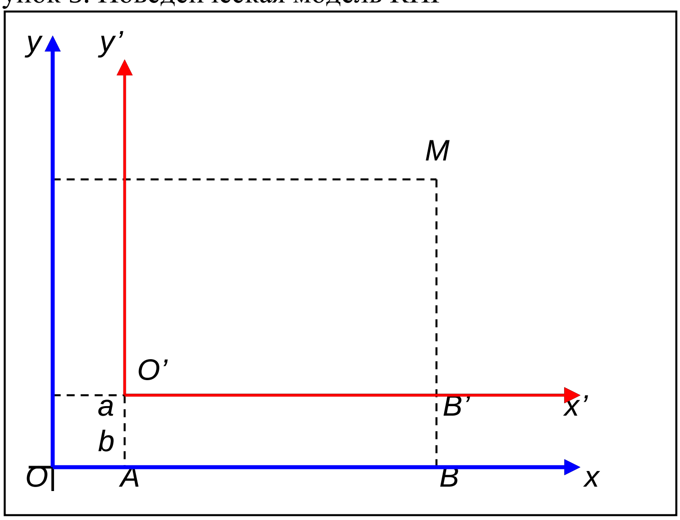
Точка *M* попадает в новую систему координат с осями *x'* и *y' (OB = x'; MB = y'),* тогда как центр *O* не претерпевает изменений (рис.4).

Рисунок 4. Поведенческая модель США

КНР выбирает собственную модель, согласно которой китайцы переносят западную систему координат с осями *x'*, *y'* и центром *O'* в плоскость собственной системы координат с осями *x, y* и центром *O* (рис.5).

Рисунок 5. Поведенческая модель КНР

Китай не борется с США, как это делал СССР. Вместо этого, Китай движется в том же направлении, что и мировая система во главе с Соединёнными Штатами. Он использует достижения Запада и за счёт этого значительно продвигается вперёд. Благодаря избранной стратегии КНР имеет много преимуществ. США же имеют лишь свою систему координат, то есть:

$x' = x - a$

$y' = y - в$

Преимущества КНР можна выразить такой формулой:

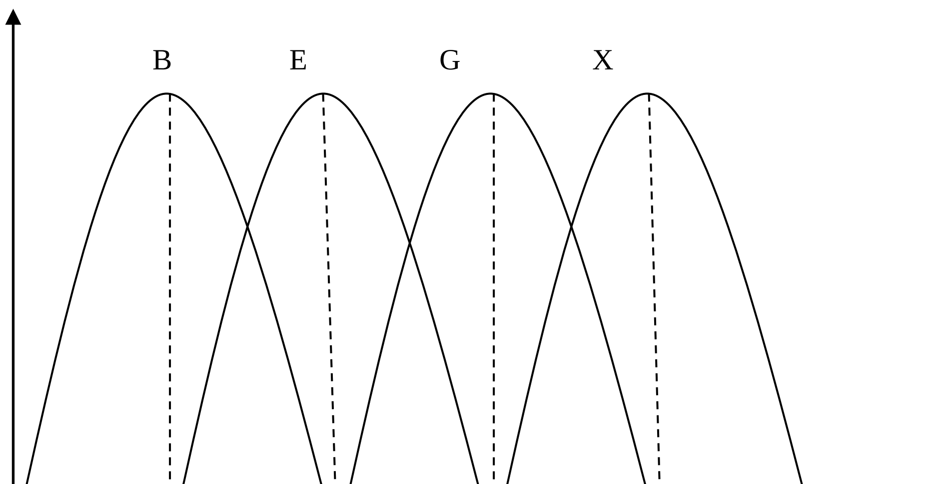
$x = a + x'$

$y = в + y'$

КНР использует как капиталистические формы ведения экономики, так и социалистические, как свои достижения, так и чужие. Именно американская стратегия сдерживания и привлечения Китая в наибольшей степени этому способствует.

Изобразим импульсы американо-китайских отношений, анализируя эффективность внедряемой Соединёнными Штатами стратегии конгейджмента.

Рисунок 6. Эффективность внедряемой США стратегии конгейджмента по отношению к КНР

Отношения стратегического партнёрства между США и КНР развиваются по восходящей линии за счёт политики привлечения (отрезок *AB*) и достигают своего пика в точке *B*, когда политика Соединённых Штатов приобретает черты наибольшего благоприятствования КНР. На протяжении этого времени Китай получает доступ к инновационным технологиям США и за счёт этого повышает свою конкурентоспособность. Например, в рамках американо-китайских соглашений была передана информация о совместимости американских спутников с китайскими носителями и, таким образом, повышена надёжность носителя Chang Zheng 3B (Long March 3B) [8, p.CRS-7], в ущерб безопасности США.

Постепенно привлечение Китая начинает создавать угрозу национальным интересам Соединённых Штатов, поэтому вектор американской политики меняется, и она переходит в стадию сдерживания (отрезок *BC*).

В то время, как Соединённые Штаты Америки начинают применять политику сдерживания Китая, закономерной становится активизация партнёрства КНР с другими крупными государствами, в частности с Россией. Благодаря этому официальный Пекин получает необходимые технологии уже от другого партнёра, в том числе и от ключевых союзников США. К примеру, страны ЕС, вопреки предостережениям Соединённых Штатов, позволили КНР присоединиться к работе над космической программой „Галилео". О нарастании недоразумений между ЕС и США также свидетельствуют события конца 2003 года, когда Госдепартамент США довёл к сведению компании „Боинг", что установленная под номером QRS11 микросхема не может быть экспортирована в КНР, поскольку она числится в списке запрещённого оборудования для экспорта в Китай (согласно с Актом контроля за экспортом вооружений и Правилами администрирования экспорта США [9]). Американский Акт распространялся также на европейских производителей, поэтому, например, поставки „Эйрбаса" в Китай аналогично оказались под угрозой срыва. Но страны ЕС не поддержали США. Так что, ограничивая экспорт высокотехнологической продукции в Китай из соображений национальной безопасности, США лишь содействовали усилению сотрудничества между ЕС и КНР, что могло привести к сдаче этого сегмента китайского рынка Евросоюзу [10]. Собственно, европейцы и японцы неоднократно проявляли большой интерес к поддержанию взаимовыгодных отношений с Китаем и собирались помочь китайской модернизации [11, p.177].

Отрезок *DE* указывает на активизацию отношений КНР с другими большими государствами, которые начинают играть в противовес США. На стадии использования американской политики сдерживания КНР активизируется и деятельность Китая в рамках ШОС, в частности сотрудничество с Российской Федерацией. Подобный союз становится небезопасным

для влияния США, поэтому Соединённые Штаты начинают новый этап: внедрение политики привлечения Китая (отрезок *CG*). Перпендикуляр *CE* указывает, что с этой отметки начинается постепенное снижение партнёрских отношений между Россией и КНР.

Таким образом, американская стратегия сдерживания и привлечения Китая наиболее благоприятствует именно КНР, поскольку официальный Пекин получает от конкурирующих держав необходимые технические инновации, в чём, собственно, он более всего и нуждается. Соответственно, такая политика не отвечает интересам США и не является для них эффективной.

Х.Плеснер сделал понятие игры центральным в политике, соответственно, возникает возможность рассмотрения стратегии сдерживания и привлечения как игры с соответствующими правилами и терминологией.

В теории международных отношений козырными картами страны считаются составные формулы комплексной мощи государства (КМГ). Хотя единой формулы не существует, ибо каждая научная школа предлагает свой набор важных компонентов, тем не менее всё сводится к одному: преимущества имеет та страна, которая опирается на наивысшие показатели.

Идея автора этой статьи резко расходится с традиционной трактовкой. Самые высокие показатели КМГ не гарантируют государству победу. Например, Х.Дж.Маккиндер уделял большое значение геополитическому положению государства; в этом ракурсе Россия хотя и была сердцем мира, срединой земли, однако это не позволило ей стать гегемоном; наоборот, она утратила свои позиции.

Мощь государства зависит от использования эксергетических козырей, понимания правил эксергетических игр: кто первым начнёт делать ходы по эксергетических диагоналях, используя эксергетические дамки – тот одержит победу.

Сегодня на мировой арене происходят специфические процессы, которые не в полной мере отображены в теории международных отношений. Как следствие, отсутствует категориальный аппарат по данному направлению исследования. По этой причине автор статьи заимствовал понятие „эксергия” из другой отрасли науки, где эта категория изучена.

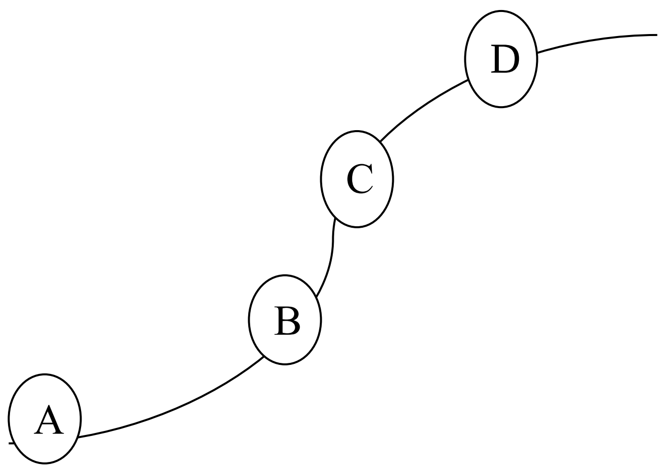
В системе международных отношений для энергетических преобразований используют козырные ресурсы, которые не находятся в равновесии с окружающей средой, по отношению к ней они пребывают в пасивном состоянии. Но их можно активизировать. Эти ресурсы и есть самыми оптимальными в политике государств для получения выигрыша.

Объяснить работу эксергии помогает теория нечёткости Л.А.Заде [12, p.338-353], в которой всякая реальная составляющая выступает как своего

рода волнообразный пакет, не сводящийся к точке, а размазанный, размытый, то есть область размытости D всегда больше чёткого положительного числа Do (D>Do). Метод нечёткой кластеризации позволяет сдерживанию и привлечению выйти за рамки собственных характеристик сугубо по *критериям признаков*. Если кластер жёсткости *A* (сдерживание) представляется главным образом военной силой (*f*), то мягкий кластер *B* (привлечение) – экономической силой (*g*) и т.п., которая может переходить в кластер *A*, когда вводятся торгово-экономические санкции. Примером перехода военной силы из кластера *A* в кластер *B* является применение военной техники при ликвидации последствий природных катастроф: наводнений, лесных пожаров, землетрясений.

Анализируя эффективность работы, важно учитывать соотношение эксергии полученного результата к эксергии расходов на этот результат. Рассмотрим схематически пределы энергозатрат (рис.7).

Рисунок 7. Пределы энергозатрат

Уровень *A-B* характеризуется самым высоким показателем качества в достижении цели при наименьших энергетических вложениях. Он определяет использование даровой энергии, посему есть самым эффективным.

В точке *B* происходит перегиб, следовательно *B-C* демонстрирует снижение эффективности. На этом уровне цель тоже достигается, но за счёт весомых энергозатрат.

В точке *D* затраты становятся неоправданными.

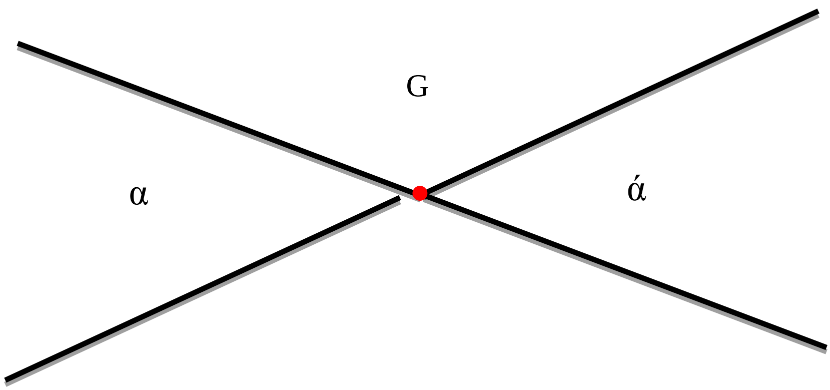
До недавнего времени архитектура системы международных отношений строилась на уровнях *B-C*, *C-D*. Гонка вооружений – пример наращивания расходов энергии за пределами критической точки (точка *D*). В рас-

паде СССР значительную роль сыграли причины неэффективных расходов энергии и отсутствие применения эксергетических методов в формировании политики.

Проанализировать важность учёта предельных отрезков *A-B, B-C, C-D* поможет парадоксальная ситуация, в которой оказались Соединённые Штаты, используя стратегию сдерживания стран в традиционном смысле, но не учитывая движущую силу эксергии.

В этом разрезе исследования важно отметить, что официальный Вашингтон стремится поддерживать статус сверхдержавы. А для этого, в первую очередь, необходима политика движения. При традиционных условиях, когда политика строится на уровнях *B-C* и *C-D*, политика движения приводит Соединённые Штаты в парадоксальную ситуацию (рис.8), при которой гегемон теряет статус сверхдержавы.

Рисунок 8. Парадоксальность политики движения Соединённых Штатов

G – точка парадокса, образованная пересечением двух плоскостей: α (политика движения США) и ά (политика не-движения), которые сужаются на нет – к G-парадоксу. Парадокс состоит в том, что если США прекратят движение, то потеряют статус сверхдержавы; а ежели будут и далее двигаться, то постепенно придут к истощению вследствие потребности совершать всё больше и больше капиталовложений в военный потенциал для поддержания статуса гегемона.

Благодаря силам НАТО Соединённые Штаты присутствуют в горячих точках планеты, но эта политика движения проигрывает стратегии КНР.

Во-первых, военное вмешательство не всегда воспринимается положительно, поэтому американцы вынуждены тратить дополнительную энергию на преодоление сопротивления и достижение легитимности действий перед мировой общественностью; во-вторых, и на этом следует особенно акцентировать внимание, – политика Соединённых Штатов не даёт никаких прибылей, кроме так называемых бонусов для поддержания статуса мирового лидера.

В отличие от американцев, Китай активно использует стратегию привлечения и, таким образом, без особых усилий на борьбу с сопротивлением есть желанным гостем в любом уголке планеты да к тому же еще получает от этого дивиденды.

Для получения эксергетического эффекта предусматривается использование таких ресурсов, которые могут находиться в различных фазах либо состояниях. Например, вода может пребывать в состоянии жидкости, пара или льда. Китайцы рассматривают деньги и как выигрыш, и как способ достижения цели, и как идеологию. В этом скрыт секрет фокуса, напоминающий танцовщиц восточных танцев, которые стоят на сцене одна позади другой, создавая иллюзию одной танцовщицы; но когда от неё начинают расходиться в разные стороны множество рук, начинаешь понимать присутствие скрытого. Известный российский эксперт М.Хазин полагает, что Китай не станет гегемоном, поскольку он не владеет моделью управления миром. Но ведь именно в этом отсутствии и кроется сила китайцев, о чём писал Гуй Гу-цзы в „Искусстве управления”: „Путь мудрого скрыт, путь глупца виден всем”. Поскольку Китай не выдвигает миру объединительную идеологию, то её не возможно поддать сомнению и, следовательно, не возможно ей противодействовать. В этом – неуязвимость КНР, тогда как американцев можно обвинять в многочисленных противоречиях и проблемах, возникающих в процессе реализации демократических принципов. Скажем, возможные упреки в адрес демократии, которая позволяет экстремистам прийти к власти; или когда выигрыш (попадание во власть путем демократических выборов) – это, прежде всего, результат действия финансовых потоков и манипуляции человеческим сознанием с помощью СМИ.

Поскольку традиционная политика движения в пределах *B-C*, *C-D* (см. рис.6) не была эффективной для США, так как вела к потере статуса сверхдержавы, то закономерным стал переход Вашингтона на рельсы эксергии.

Почётный профессор международных отношений в Американском Университете Дж.Гольдштейн в книге „Победа в войне на войне: Падение вооружённых конфликтов во всём мире” [13] исследует тенденцию к снижению количества войн: после Второй мировой войны практически не ме-

нялись границы при помощи силы; национальные армии сейчас не борются между собою – почти все текущие войны являются гражданскими.

Это – следствие перехода военной сферы на эксергетические ресурсы, когда отпадает необходимость затрат:

- на содержание военнослужащих (на их зарплату, пенсионное обеспечение, обмундирование, жильё, питание и т.п.).

- на ВПК.

Армия, оружие для гипотетической страны *A* теряют традиционную функцию, поскольку в новых условиях ведения войны возникает возможность применить стратегию *дестабилизирующей змеи* [14, с.25] во вражеской стране *B*, где её же население исполнит функцию и оружия, и солдат в пользу государства *A*. Эксергетическим ресурсом становится, как не парадоксально, сам человек. Точнее – его эмоции, которые до определенного времени находятся в пассивном состоянии.

Эксергия предусматривает возвращение отходов с нулевой эксергией. В этой ситуации отходами является люди. Использовав их как эксергетический ресурс, гипотетическая страна *A* оставляет их в непривлекательно трансформированной ими же среде, не заботясь об их зарплате, пенсии, ведь это – проблема обессиленного государства *B* или новообразованных *C* и *P*.

Человеческие эмоции – это постоянный ресурс, который легко привести в активное состояние. Испокон веков его использовали в качестве борьбы с внешним врагом. Патриотизм был надёжным инструментом для этого. Однако сейчас возникает возможность совершать так называемые превентивные войны, когда эмоции народа ненадёжного государства активизируются внутри него же. Исполнив заказ во благо чужой державы, эксергетический ресурс переходит в нулевую эксергию и, таким образом, уже не представляет опасности для внешних врагов, т.е. для страны *A*.

Метафорически механизм достижения военного преимущества может функционировать подобно живой взрывчатке, где динамит – это эмоции толпы, в качестве спичек можно применить идеологию, а аналогом бикфордового шнура, который гарантирует безопасность для поджигателя, выступает стратегия трансформации традиционных вооружённых войн между державами – в гражданские войны внутри ненадёжных государств.

Но в этом контексте необходимо учитывать тот факт, что использовать эксергетические ресурсы в качестве сдерживания или даже повлечь диссипативное состояние в стране оппонента могут не только Соединённые Штаты, но и Китай. И у Пекина имеется в наличии значительно больше возможностей, учитывая финансовый фактор и численность хуацяо в Соединённых Штатах.

На современном этапе выигрыш государства определяется также использованием эксергетических ходов. Например, *соболиный метод* [15, с.37] (соболи защищают не границы своего ареала обитания, а охотничьи тропы) использует и Китай, обеспечивая надёжность каналов транспортировки энергоресурсов, и Соединенные Штаты, в частности, в достижении американской мощи большую роль сыграли ТНБ и ТНК. В начале XXI века из 200 самых весомых ТНК мира 74 имели американское происхождение. На их долю приходилось 36,5% всего оборота подобных корпораций при 52,7% прибылей. Из 50 крупнейших компаний мира штаб-квартиры 33 из них находились в США. Они владели 71,8% всех котирующихся на бирже акций [16].

Вывод. Американо-китайские отношения постепенно переходят на эксергетические рельсы, хотя параллельно продолжают применяться традиционные методы, при которых Соединённым Штатам удаётся достичь цели – привлечь Китай, но в каждом раунде в более выигрышном положении оказываются китайцы. Несмотря на то, что стратегия конгейджмента обещает достижение положительных эволюционных сдвигов её разработчику, но её начал использовать и Китай. И теперь уже наблюдается равная состязательность сторон. Ориентация на обычные составляющие КМГ не оправдывает себя, определяющим становится использование эксергетических ресурсов и эксергетических ходов. Соответственно, для достижения выигрыша государством необходимо рассматривать компоненты стратегии конгейджмент – сдерживание и привлечение – сквозь призму эксергии.

Литература

1. Skidelsky R. Imbalance of power. // Foreign Policy, 2002, March-April, p.40-68.
2. Перепелиця Г. Як жити, відрізняючись, але в гармонії. Теоретичні аспекти міждержавних відносин. // Політика і час, 2002, №4, с.50-64
3. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. – Москва: Муравей, 2004, 600 с.
4. Galtung J. Active Peaceful Co-existence: Is a New Departure Possible? – Berlin: Wissenschaftskolleg, 1982, 14 p. //http://www.transcend.org/galtung/papers/Active%20Peaceful%20Coexistence-Is%20a%20New%20Departure%20Possible.pdf
5. Nash J. Non-Cooperative Games. // The Annals of Mathematics, 1951, Volume 54, Issue 2, p.286-295
6. Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. – New York: Alfred A.Knopf, 2008,128 p.

7. Shambaugh D., Sandschneider E., Hong Zh. China-Europe Relations: Perceptions, Policies and Prospects. - New York: Routledge, 2008, 368 p.
8. China’s Space Program: A Brief Overview Including Commercial Launches of U.S.-Built Satellites. // CRS Report for Congress. Sep.3. 1998. CRS - 16 p.
9. America upset Sino-US Boeing contract with a small chip. // «People's Daily». 2003. December, 4. http: //english.peopledaily.com.cn, 11.02.2007.
10. US media urge government not to surrender China market to EU. // «People's Daily». 2004. February, 10. http: //english.peopledaily.com.cn, 12.02.2007.
11. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. - New York: W.W.Norton & Company, 2001.
12. Zadeh L.A. Fuzzy Sets. // Information and Control. №8. 1965. p.338-353.
13. Goldstein J.S. (Ed.). Winning the War on War: The Decline of Armed Conflict Worldwide. – New York: Plume, 2012, 400 p.
14. Вишневська І. Дикі карти – у грі. // Зовнішні справи, №2, 2013, с.22-27.
15. Вишневська І. Гра… За ігровим столом – США та КНР. // Зовнішні справи, №7, 2012, с.36-41.
16. Попов А., Юртаев В. Две парадигмы глобализации. http: // www.imperativ.net/imp7/6.html, 11.09.2009.

MANAGEMENTUL CRIZELOR ÎN SPAŢIUL POST-SOVIETIC: CADRUL GENERAL ŞI OPERAŢIUNEA DE PACIFICARE DIN REPUBLICA MOLDOVA

Eduard ŢUGUI
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Politice şi Economice Europene "Constantin Stere", Catedra Relaţii Internaţionale şi Ştiinţe Politice
Doctor în politologie, lector superior

Security and crisis management in the post-Soviet space are no more guaranteed by any bilateral or collective commitment after the intervention of the Russian Federation in Ukraine and annexation of Crimea. From here on out, there are no security guarantees in a geopolitical area dominated by Russia and Russian military troops in the post-Soviet space are the greatest danger to the stability and security of the states on whose territory these troops and military infrastructure are deployed. Crisis management within the borders of the former Soviet empire has become the main problem of European and international security, since the crisis in Ukraine is managed unilaterally by the Russian Federation, contrary to international law, contrary to collective commitments signed within the Commonwealth of Independent States and contrary to Moldovan-Ukrainian bilateral documents.

The Republic of Moldova, which is still part of the post-Soviet geopolitical area and has on its territory a Task Force of Russian troops in Transnistria and other military engaged in a peacekeeping operation in the east, becomes even more vulnerable in terms of security after the cases of Abkhazia, South Ossetia and Crimea. The Joint Peacekeeping Forces and the Security Zone existing in the Republic of Moldova are part of a security mechanism that has been articulated for two decades and proved to be completely unworkable in the crisis management in Ukraine. The Russian Federation's troops and military infrastructure, deployed in the post-Soviet space, including the peacekeeping missions as part of the security mechanism in this area, are the central element of this study. The study attempts to show the danger of the Joint Peacekeeping Forces for the security and territorial integrity of the Republic of Moldova, as well as seeks to justify the need to change the security mechanism in the Transnistrian region.

Introducere

Intervenţia Federaţiei Ruse în Ucraina şi anexarea ulterioară a Crimeii, pune în pericol întreaga arhitectură de securitate în Euroa şi face dovada unei profunde insecurităţi care există în spaţiul post-sovietic. La 1 martie 2014 militarii ruşi părăseau bazele militare din Sevastopol, aflaţi acolo în baza unui acord ruso-uc-

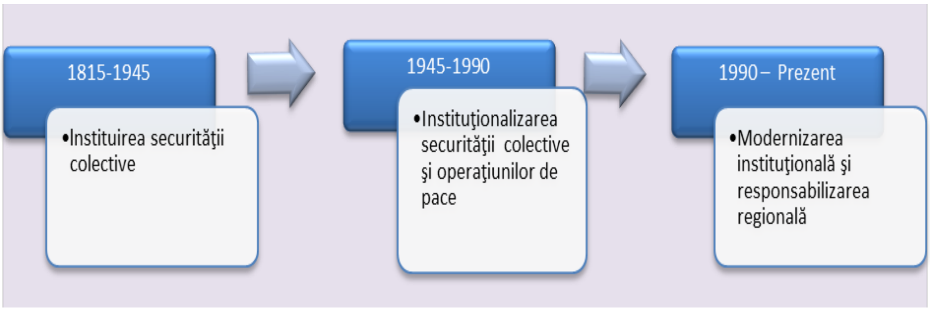
rainean extins pînă în anul 2042, şi prezentându-se drept gardă populară au preluat controlul administraţiei de la Simferopol, au preluat controlul asupra aeroporturilor şi infrastructurii militare ucrainene din regiune. La 18 martie V.Putin semna deja împreună cu liderii de la Simferopol Acordul de alipire a Crimeii la Federaţia Rusă, după ce cu două zile mai devreme un referendum organizat contrar oricăror practici internaţionale legitima o asemenea anexiune teritorială. Trei săptămâni a durat până când preşedintele rus promulga la 21 martie documentele de includere a noilor subiecţi federali în componenţa Rusiei – Crimeea şi Sevastopol – preluaţi de la un stat vecin şi declarat prieten, membru al Comunităţii Statelor Independente (CSI) şi altor angajamente semnate cu membrii acestei structuri integraţioniste.

De aici încolo, nu există angajamente sigure de securitate în spaţiul post-sovietic, în timp ce întreaga securitate internaţională şi angajamentele juridice conexe devin mult mai incerte. Republica Moldova care este deocamdată parte a arealului geopolitic post-sovietic şi care are pe teritoriul său un Grup Operativ al Trupelor Ruse din Transnistria şi alţi militari ce conduc o operaţiune de pacificare în estul ţării, devine şi mai vulnerabilă în materie de securitate după cazurile Abhaziei, Osetiei de Sud şi Crimeii. Forţele Mixte de Menţinere a Păcii (FMMP) şi Zona de Securitate existente în Republica Moldova sunt parte a unui mecanism de securitate articulat timp de două decenii şi care s-a dovedit a fi absolut nefuncţional în managementul crizei din Ucraina. Acest mecanism (in)existent de securitate, edificat de către Federaţia Rusă, a condus deocamdată la pierderea integrităţii teritoriale a două state membre CSI, drept pentru care o redefinire a acestui mecanism trebuie să constituie principalul subiect de pe agenda continentală şi internaţională.

Trupele şi infrastructura militară ale Federaţiei Ruse dislocate în spaţiul post-sovietic, inclusiv misiunile de pacificare ca parte a mecanismului de securitate din acest areal, sunt elementul central al acestui studiu, iar o dezbatere academică privind managementul crizelor în această regiune devine şi mai actuală pentru Republica Moldova. Acest studiu încearcă să resusciteze o asemenea discuţie în literatura de specialitate autohtonă, în vederea schimbării mecanismului de securitate din regiunea transnistreană şi consolidării integrităţii teritoriale a statului Republica Moldova. Sub aspect structural, este un demers teoretic care abordează managementul crizelor prin misiunile de pacificare desfăşurate în practica internaţională, în spaţiul post-sovietic şi în Republica Moldova. Ipoteza de bază a studiului este că mecanismul de securitate şi FMMP existente în Republica Moldova reprezintă o denaturare a practicii şi normelor legale internaţionale şi o ameninţare directă la adresa securităţii şi integrităţii teritoriale a statului.

Securitatea colectivă şi managementul crizelor: ONU şi evoluţia misiunilor de pacificare

Realitatea internaţională a dictat aranjamentele periodice între state în materie de securitate, însemnând reacţia comunităţii internaţionale la crizele care au însoţit transformările globale. Drept pentru care, divizăm convenţional securitatea colectivă şi managementul crizelor internaţionale în trei mari perioade istorice:

Dacă Pacea de la Westphalia (1648) legitima doar un mecanism tehnic al balanţei de putere, începând cu Congresul de la Viena (1815) se articulează treptat o cutumă şi norme legale internaţionale ce vizează securitatea şi managementul crizelor. H.Kissinger, uneori mult prea generos în definirea rolului Concertului Europei în asigurarea securităţii în secolul al XIX-lea, ne reaminteşte că: „Concertul Europei presupunea că naţiunile competitive pe un anumit nivel să reglementeze prin consens chestiunile de natură să afecteze stabilitatea generală" [10, p.72]. Angajamentele colective din perioada când naţionalismul european contrasta cu imperialismul nu au fost suficiente pentru securitatea internaţională, dovadă că urmează un recul al securităţii şi două războiaie mondiale, dar au însemnat, totuşi, legitimarea securităţii colective şi instituirea primelor intervenţii comune pentru asigurarea păcii. Intervențiile marilor puteri de la mijlocul secolului al XIX-lea în regiunea balcanică, pentru a asigura protecție majorității creștine sau misiunea din Creta, de la sfârșitul secolului al XIX-lea, prin guvernarea temporară a insulei de către un comitet de amirali, sunt în multe privințe asemănătoare unor operațiuni de pace moderne. În perioada interbelică, cadrul oferit de către Liga Națiunilor a permis desfășurarea unor misiuni internaționale relevante pentru operațiunile de pacificare, cum este cazul misiunii care a administrat în anii 1920-1935 landul Saar din Germania.

Crearea sistemului Oganizaţiei Naţiunilor Unite (ONU), care înseamnă începutul celei de-a doua etape, şi angajamentele internaționale relevante au vizat asigurarea securităţii colective a statelor, iar pe măsură ce acest demers s-a dovedit dificil de realizat, se dezvoltă și cresc în importanță misiunile de pacificare sub egida ONU și organizațiilor regionale. Marii decidenţi ai lumii postbelice,

reprezentaţi în Consiliul de Securitate ONU, nu au reuşit să garanteze securitatea internaţională după ce au devenit protagonistele unei competiţii bipolare şi au fost atrase într-un dificil proces de decolonizare. R.Aron definea securitatea internaţională după principiul „război improbabil, pace imposibilă”, referindu-se la competiţia postbelică dintre două blocuri militare dotate cu armament nuclear, care nu a permis ca o pace eternă kantiană să fie creată. Dar această incapacitate de a asigura securitatea colectivă, în contextul în care conflictele locale devin tot mai frecvente, a determinat creşterea importanţei actorului universal în gestionarea acestor conflicte prin intermediul misiunilor de pacificare desfăşurate în diferite regiuni ale lumii.

Carta ONU nu definește operațiunile de pacificare, dar reprezintă fundamentul legal al misiunilor reprezentative prin scopul stipulat în Articolul 1 al organizației – de a menţine pacea şi securitatea internaţională [1]. Consiliul de Securitate, responsabil de mandatarea oricăror acţiuni care să contribuie la respectarea acestui obiectiv major şi obligat de context să intervină în diferite conflicte regionale, a avut în vedere Capitolul VI al Cartei ONU – Soluţionarea paşnică a conflictelor – când a mandatat primele operaţiuni de menţinere a păcii, deşi nu a făcut niciodată trimitere expresă la articolele prevăzute în acest Capitol. Misiunile de pacificare evoluează treptat, sub aspect conceptual și operațional, pentru a corespunde realităților politice internaționale aflate în permanentă schimbare, drept pentru care se dezvoltă primele două generaţii de asemenea misiuni:

Observatori	Interpoziţie
• UN Truce Supervision Organization (UNTSO), 1948- • UN Military Observer Group in India and Pakistan (UNMOGIP), 1949 -	• UN Emergency Force (UNEF I), 1956-1967;

Retragerea administraţiei britanice din Indostan şi Orientul Apropiat a tensionat flancul sudic al Eurasiei, când noile state India şi Pakistan sunt atrase în război în regiunea Kashmirului, în timp ce declararea independenţei statului Israel este însoţită de un război prelungit cu statele arabe vecine. Astfel, sunt desfăşurate primele două operaţiuni de pacificare ale ONU, existente şi astăzi, şi anume misiunile UNTSO în Palestina/Israel şi misiunea UNMOGIP în India/Pakistan, cu observatori militari neînarmaţi. După care, criza Suezului (1956) a determinat desfăşurarea primei misiuni militare ONU şi anume UNEF (Suez), moment în care decisiv a fost rolul Adunării Generale ONU. A fost singura dată când Adunarea Generală, făcând trimitere la Rezoluţia din noiembrie 1950 "Uniting for Peace", a mandatat misiunea UN Emergency Force (UNEF I) din Orientul Mijlociu. Misiunea ONUC (UN Operation in the Congo) din Congo, lansată în 1960, a fost prima misiune militară de amploare ONU, având peste 20.000 mili-

tari în primele faze de desfăşurare. Ulterior, ONU a desfăşurat misiuni de scurtă durată în Asia de Est, Orientul Mijlociu şi America.

Cel de-al treilea „val de pacificare” este legat de sfârşitul războiului rece şi competiţiei postbelice bipolare, perioadă în care au devenit mai frecvente conflictele interne în state din diferite regiuni geografice. Dacă până la anul 1988, au fost desfăşurate 13 misiuni de pacificare ONU, în cadrul celei de-a treia perioade sunt desfăşurate (deocamdată) 55 de asemenea misiuni, fapt care stimulează şi o serie de schimbări calitative în cadrul acestora. ONU a schimbat și a extins operațiunile sale, de la misiuni "tradiționale", care aveau sarcina de observare, la misiuni complexe "multidimensionale". Sunt elaborate rapoarte de evaluare, cum este cazul Raportului Brahimi (2000), după care sunt adoptate o serie de documente strategice şi modificări instituţionale, menite să eficientizeze activitatea actorului universal în domeniul managementului crizelor [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31]. În acest context, se dezvoltă alte două generaţii de misiuni ONU de menţinere a păcii [5]:

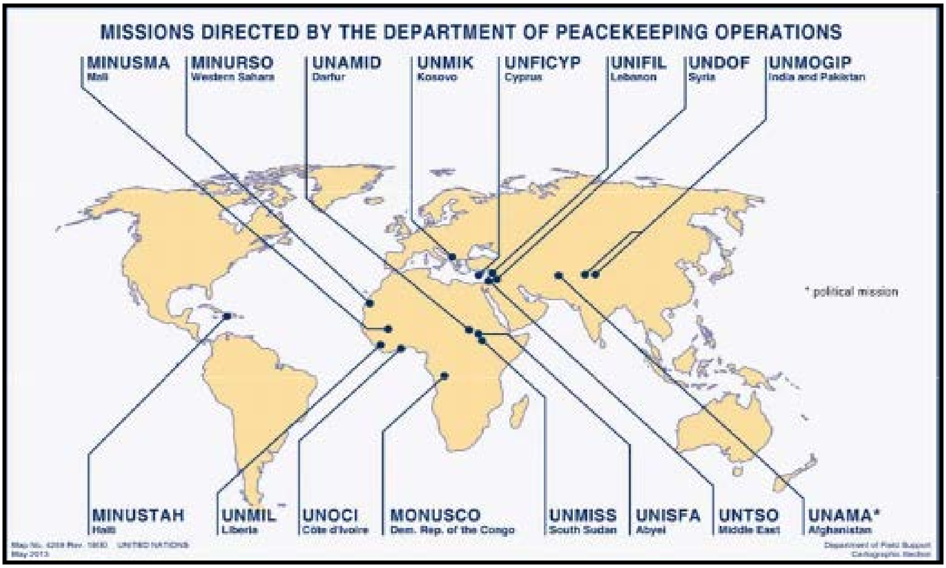
Multidimensionale	Administraţie tranzitorie
• UNTAC (Cambodia), 1992-1993 • ONUMOZ (Mozambique), 1992-1994	• UNMIK (Kosovo), 1998- • UNTAET (East Timor), 1999-2002

Rezoluţiile Consiliului de Securitate fac trimitere la Capitolul VII al Cartei ONU – Acţiunea în caz de ameninţări împotriva păcii, de încălcări ale păcii şi de acte de agresiune – în timp ce ONU desfăşoară zeci de misiuni complexe de pacificare, cum este misiunea UNTAC din Cambodgia sau operaţiunea ONUMOZ din Mozambic. La sfârşitul secolului XX, se articulează cea de-a patra generaţie de operaţiuni de pacificare, mult mai complexe, în care ONU devine un administrator provizoriu, cum este cazul misiunii UNMIK din Kosovo sau misiunii UNTAET din Timorul de Est. Astfel, ONU desfăşoară operaţiuni care sunt numite în literatura de specialitate de “state-building”, de constructive a noilor state.

În anul 2013, misiunile ONU de menţinere a păcii au ajuns la venerabila vârstă de 65 de ani. Cele 68 de misiuni desfăşurate în toţi aceşti ani în toate regiunile lumii, s-au dovedit a fi unul dintre cele mai eficiente instrumente ONU pentru a sprijini țările gazdă a acestor misiuni de pacificare de a parcurge dificila cale de la conflict la pace. Operațiunile de menținere a păcii multidimensionale de astăzi sunt chemate nu doar a menține pacea și securitatea, dar, de asemenea, susţin dezarmarea şi protecţia civililor, demobilizarea și reintegrarea foștilor combatanți, sprijinirea organizării de alegeri libere şi democratice, protecţia drepturilor omului și restabilirea statului de drept [29]. La moment sunt în desfăşu-

rare 16 operațiuni de pace ale ONU, dintre care o misiune politică în Afganistan, desfășurate pe patru continente.

Figura 1. Operaţiunile curente ale ONU.

Sursa: Site-ul oficial al Organizaţiei Naţiunilor Unite.

De altfel, operaţiunile de menţinere a păcii sunt una dintre o serie de activităţi întreprinse de către Organizația Națiunilor Unite și alți actori internaționali pentru menținerea păcii și securității internaționale în întreaga lume.

Figura 2. Spectrul de activităţilor de pace şi securitate ONU.

Sursa: Site-ul oficial al Organizaţiei Naţiunilor Unite.

Reprezentativitatea actorului universal, greutatea membrilor Consiliului de Securitate în politica internaţională şi mecanismul de instituire au dat legitimitate misiunilor de pacificare ONU, care au devenit standarde internaţionale în desfăşurarea operaţiunilor de acest gen. Principiile misiunilor de pacificare ONU, relevante pentru toate cele 68 de operaţiuni desfăşurate de-a lungul anilor, stau la baza acestor standarde internaţionale de pacificare.

Figura 3. Principiile misiunilor de pacificare ONU.

Sursa: Site-ul oficial al Organizaţiei Naţiunilor Unite.

Carta ONU face Consiliul de Securitate principalul responsabil pentru menținerea păcii și securității internaționale, drept pentru care acesta este responsabil şi pentru mandatarea noilor operațiuni de menținere a păcii. Instituirea unei noi misiuni de pacificare înseamnă o procedură complexă care implică mecanisme şi etape bine stabilite în ansamblul legal şi institutional al ONU. De asemenea, există stabilit un ciclu operaţional de desfăşurare a misiunilor de pacificare ONU, stabililit în Doctrina Capstone şi care înseamnă:

- Startul misiunii;
- Implementarea mandatului;
- Tranziţia;
- Retragerea şi lichidarea [30, p.62].

De-a lungul celor 65 de ani de existenţă a misiunilor de pacificare ONU, au existat şi situaţii dificile care nu au permis buna desfăşurare a operaţiunilor. Astfel, forţele ONU nu au reuşit să prevină genocidul din 1994 din Rwanda, masacrul din Bosnia în 1995, de la Srebrenica, sau tensiunile recente din Sudanul de Sud. Dar insuccesul acestor operaţiuni a fost legat de contextul (geo)politic şi de insuficienţa mandatului conferit în Consiliul de Securitate, nicicum de nedorinţa sau lipsa imparţialităţii acestor misiuni. De-a lungul anilor, sute de mii de militari, polițiști și civili, reprezentând peste 120 de țări, au participat la operațiunile de menținere a păcii ale ONU. Numărul personalului, militari şi civili, antrenat în misiunile curente este de aproximativ 118.000, în timp ce bugetul aprobat pentru perioada 1 iulie 2013 – 30 iunie 2014 este de aproximativ 7,54 miliarde USD [31]. Drept pentru care**,** în anul 1988 pacificatorii ONU au primit Premiul Nobel pentru Pace.

De la 'peace enforcement' la "state building": prezenţa militară a Rusiei în spatial post-sovietic

Organizația Națiunilor Unite nu mai este singurul actor care desfăşoară operațiuni de pace. Capitolul VIII al Cartei ONU - Aranjamente regionale - prevede implicarea organizaţiilor şi structurilor regionale în menţinerea păcii şi securității internaționale, cu condiția ca aceste activități să fie în concordanță cu scopurile și principiile enunțate în capitolul I al Cartei. Astfel, numărul de operațiuni

de pace desfăşurate de către actorii regionali s-a dublat în ultimul deceniu. Uniunea Africană (UA), Comunitatea Economică a Statelor Vest-Africane (ECOWAS), Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa (OSCE), Organizația Tratatului Atlanticului de Nord (NATO), Asociația Națiunilor din Asia de Sud-Est (ASEAN) şi Uniunea Europeană (UE) desfăşoară asemenea misiuni, în cele mai multe cazuri, cu mandatul Consiliului de Securitate al ONU.

Un caz absolut special în practica internaţională sunt însă pacificatorii ruşi din spaţiul post-sovietic, după cum şi misiunile de pacificare cu mandatul CSI. Literatura de specialitate a surprins denaturarea dreptului internaţional prin misiunile de pacificare existente în acest areal: „Este greu de comparat acțiunile militare ale Rusiei, care s-au proclamat ca „operațiuni de menținere a păcii", cu o definiție acceptată la nivel internațional de menținere a păcii" [13, p.4]. Mulţi dintre autorii occidentali au contestat această „particularitate post-sovietică" [8; 4; 23], chiar dacă sunt autori care încearcă să descrie compatibilitatea cadrului legal al CSI cu cel al ONU, în materie de management al crizelor [12]. Dincolo de aceste dispute intelectuale, modelul de pacificare instituit de Rusia în graniţele fostei Uniuni Sovietice poate fi înţeles doar raportat la contextul global de instituire şi evoluţie a operaţiunilor de pacificare. Dintr-o asemenea perspectivă, Rusia nu are experienţă în desfăşurarea unor asemenea misiuni şi nu respectă normele legale internaţionale în gestionarea conflictelor din spaţiul ex-sovietic.

Până la sfârşitul războiului rece şi modificările în materie de securitate conexe, URSS a participat la o singură misiune ONU în 1973, când sovieticii în comun cu americanii s-au înţeles să trimită câte 36 de ofiţeri pentru a completa misiunea Truce Supervision Organization in the Middle East (UNTSO) [2]. Această singură experienţă în materie de pacificare a fost consecinţa interesului deosebit al Uniunii Sovietice pentru Orientul Mijlociu, după ce războiul arabo-israelian din octombrie 1973 a condus la prima criză a petrolului. Uniunea Sovietică şi-a trimis militarii şi civilii în operaţiuni individuale de salvare a regimurilor prietene din toată lumea – în Cehoslovacia sau în Afganistan – dar nu a dorit să participe la un angajament comun de securitate internaţională.

Când se năruia sistemul socialist, împreună cu miturile fondatoare ale acestuia, Uniunea Sovietică apoi Rusia nu aveau capacitatea să modeleze pe cont propriu regimuri şi regiuni, drept pentru care participarea în diferite misiuni internaţionale a însemnat singura modalitate de a fi prezente în zone de maxim interes. Totodată, un asemenea demers trebuia să dea experienţă şi legitimitate Rusiei în proiectarea propriilor misiuni de pacificare. Astfel, Uniunea Sovietică trimite un mic contingent de observatori militari pentru a participa la misiunea UNIKOM din Iraq-Kuwait, după primul război din Golful Persic, participă la misiunea MINURSO din Sahara de Vest şi la misiunea UNTAC din Cambodgia, unde au fost trimişi 200 de militari şi civili ruşi [12].

Rusia participă cu contingente mici de observatori militari şi personal civil la mare parte a misiunilor ONU, desfăşurate în toată lumea în ultimele două decenii. Rusia participă cu militari şi tehnică alături de NATO în Balcani, la misiunile SFOR din Bosnia şi Herţegovina şi KFOR din Kosovo, ultima cu mandatul Rezoluţiei 1244 a Consiliului de Securitate ONU [15]. De asemenea, Rusia participă la Misiunea Poliţienească a UE în Bosnia şi Herţegovina şi Operaţiunea militară a UE în Ciad şi Republica Central Africană – EUFOR Tchad/RCA [7, p.115].

Militarii ruşi sunt apreciaţi pentru disciplina şi profesionalismul de care dau dovadă în misiunile la care participă, dar Rusia nu are neapărat un angajament internaţional complex în materie de management al crizelor. Interesul Rusiei este selectiv, dovadă că solicită participarea la misiunea UNDOF de la frontiera dintre Siria şi Israel, a cărei mandat interzice participarea membrilor permanenţi ai Consiliului de Securitate, dar refuză în continuare să participe cu mai mult personal la alte misiuni ONU. Rusia are semnat în anul 2002 un Memorandum cu ONU, după care oferă câteva elicoptere militare şi asistenţă civilă; contribuie cu cca 2% la bugetul operaţiunilor de pacificare ONU şi; doar cu 103 observatori militari şi poliţişti (la data de 31 decembrie 2013) repartizaţi în majoritatea din cele 16 operaţiuni ONU [32].

Totodată, în spaţiul post-sovietic Rusia practică alt gen de pacificare, pe o filosofie rămasă moştenire de la Uniunea Sovietică şi aplicabilă doar în „vecinătatea apropiată”, nu pe modele internaţionale şi europene consacrate. Astfel, Rusia conduce patru misiuni de pacificare în Republica Moldova, Georgia şi Tadjikistan, o „misiune internă” de pacificare la frontiera ceceno-inguşă şi alte două războiaie de menţinere a integrităţii teritoriale în Caucazul de Nord. Primele două misiuni de pacificare (din Osetia de Sud şi Transnistria) instituie în vara anului 1992, sunt consecinţa unor acorduri impuse de către Federaţia Rusă Republicii Moldova şi Georgiei în urma unor războiaie în care au luptat oficial militarii ruşi.

Declaraţia de la Soci, document semnat la 24 iunie 1992 de Federaţia Rusă şi Georgia, instituie Comisia Unificată de Control compusă din reprezentanţii părţilor care au luptat în conflict – Rusia, Georgia, administraţia de la Thinvali – Comisie care este responsabilă de regimul de securitate în „zona de contact” şi care conduce o operaţiune trilaterală de menţinere a păcii, compusă din militarii aceloraşi părţi [19]. Acordul cu privire la principiile de reglementare paşnică a conflictului armat din regiunea transnistreană a Republicii Moldova, semnat de Republica Moldova şi Federaţia Rusă la 21 iulie 1992 la Moscova, instituie o Zonă de Securitate în estul Republicii Moldova şi o Comisie Unificată de Control compusă din reprezentanţii părţilor care au luptat în conflict – Rusia, Republica Moldova, administraţia de la Tiraspol – Comisie care este responsabilă de

întregul mecanism de securitate şi care conduce o operaţiune trilaterală de menţinere a păcii, compusă din militarii aceloraşi părţi [20].

După ce încep fazele militare ale conflictelor din Republica Moldova şi Georgia, Rusia încearcă să articuleze din mers forţe colective de menţinere a păcii în cadrul CSI, din care rezultă un mecanism confuz şi nefuncţional. La 20 martie 1992, la Kiev este semnat Acordul cu privire la Grupul de Observatori Militari (GOM) și forțele colective de menținere a păcii în CSI, document care pune bazele operaţiunilor de pacificare regionale ale CSI. La 15 mai 1992, liderii statelor CSI au semnat la Taşkent trei protocoale importante pentru evoluţia de mai departe a misiunilor de pacificare [17], după care securitatea şi operaţiunile pentru pace sunt incluse în Statutul CSI, adoptat în ianuarie 1993. La 24 octombrie 1993 este semnat Acordul privind Forțele colective de menținere a păcii și măsurile comune pentru aprovizionarea acestora, iar la 19 ianuarie 1996, la Consiliul Şefilor de State CSI, a fost adoptat Regulamentul privind forţele colective de menținere a păcii din Comunitatea Statelor Independente. Sunt adoptate alte documente relevante pentru operaţiunile desfăşurate în Tadjikistan şi Georgia / Abhazia, devenite parte a cadrului legal de pacificare în CSI.

În Tadjikistan şi Georgia/Abhazia, Rusia a încercat instituirea unor misiuni colective de menţinere a păcii cu partenerii din CSI, organizaţia conferind două mandate de acţiune, semnate doar de câteva state membre. Dar desfăşurarea acestor operaţiuni a fost cu mari dificultăţi, realitățile din teren au însemnat instituirea altor două misiuni de impunere a păcii ale Federaţiei Ruse, care legitimează prezenţa militară a acesteia în Tadjikistan şi Georgia. După o serie de tentative eșuate de a institui o misiune de pacificare CSI în Tadjikistan în cursul anului 1992, după nerespectarea unor decizii referitoare la situația din Tadjikistan și granița tadjiko-afgană, adoptate în ianuarie 1993 de către Consiliul Șefilor de Stat al CSI, printre care și instituirea unei misiuni colective de menținere a păcii, majoritatea documentelor conexe operațiunii comune de menținere a păcii din Tadjikistan au fost semnate de către cinci state (Rusia, Kazahstan, Kîrgîstan, Uzbekistan, Tadjikistan).

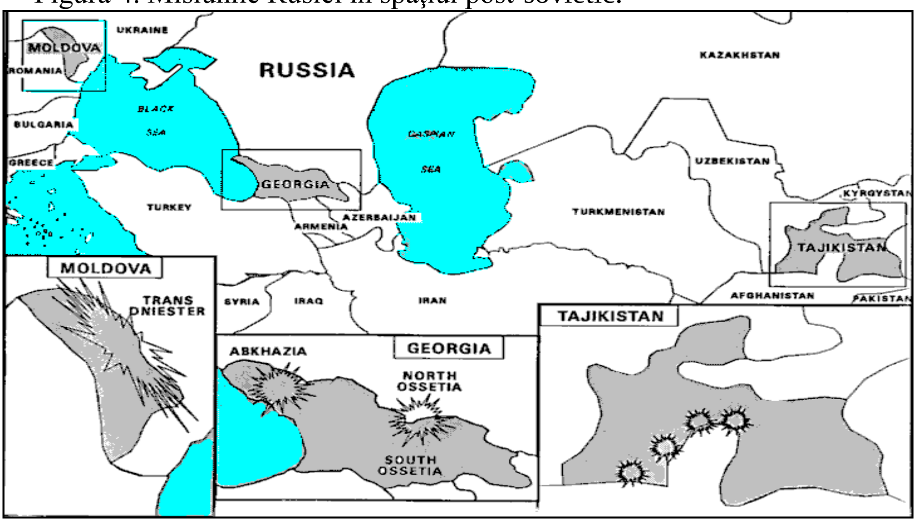
CSI are adoptată o hotărâre fermă în privința Tadjikistanului doar la ședința din 24 septembrie 1993, când Armenia, Azerbaidjan, Belarus, Republica Moldova, Turkmenistan și Ucraina au susținut Declarația Rusiei, Kazahstanului, Kîrgîstanului, Uzbekistanului și Tadjikistanului din 7 august 1993[8]. Tot atunci, cele cinci state au semnat Acordul cu privire la Forțele Comune de Pacificare din Tadjikistan și măsurile conexe de asigurare tehnico-materială a acestora. Până la urmă, Tadjikistanul a părăsit această formulă de pacificare, rămânând doar ţară

[8] *La 7 august 1993, șefii de state din Rusia, Kazahstan, Kîrgîstan, Uzbekistan și Tadjikistan au decis să consolideze prezenţa militară la graniţa tadjiko-afgană şi să trimită trupe de pacificatori în Tadjikistan.*

gazdă a misiunii, pentru a compatibiliza oarecum operaţiunea cu practica internaţională. Kîrgîstanul nu a participat la operaţiune, Uzbekistanul avea un contingent de militari separat de mandatul CSI, doar Kazahstanul participând alături de Rusia la misiunea de pacificare din Tadjikistan. În anul 2000, misiunea se încheie, în Tadjikistan rămânând doar militarii ruşi din Divizia de Infanterie Motorizată 201.

Misiunea din Abhazia nici nu a reuşit să înceapă ca una colectivă a CSI, deşi are mandatul organizaţiei. Consiliul Şefilor de Stat al CSI decide la 21 octombrie 1994 să desfăşoare o misiune colectivă de menţinere a păcii în Abhazia, compusă din contingentele militare a statelor interesate (2.500-3.000 militari). Dar niciun stat membru CSI nu a trmis contingente de militari în Abhazia, iar forţele colective de menţinere a păcii au fost constituite în baza contingentului de militari ruşi prezenţi deja în zona de conflict. Nu a fost creat un Comandament Unificat, după cum presupunea mandatul CSI, ofiţerul rus care conducea cu „operaţiunea colectivă” era în subordinea preşedintelui Federaţiei Ruse. De fapt, Rusia a început de una singură operaţiunea, după care CSI a oferit mandatul la câteva luni de desfăşurare a acesteia. Alte Declaraţii ulterioare ale Consiliului Şefilor de Stat CSI, cum sunt cele din 26 mai 1995 sau 19 ianuarie 1996, au adus precizări în mandatul operaţiunii şi au condamnat acţiunile unilaterale ale Abhaziei, dar structura forţelor colective de pacificare a rămas neschimbată până în august 2008, când războiul ruso-georgian a schimbat toate angajamentele de securitate anterioare din Georgia.

Figura 4. Misiunile Rusiei în spaţiul post-sovietic.

Sursa: [8]

La fel ca în cazul dimensiunii economice a integrării în spaţiul post-sovietic, cum sunt comerţul şi energia, nu există reguli clare şi funcţionale, ajustate la standardele internaţionale, respectate în cadrul operaţiunilor de pacificare conduse de către Federaţia Rusă. Există o serie de înţelegeri semnate în grabă în cadrul CSI, la care nu participă integral toate statele membre şi care dacă au fost respectate, atunci doar când Rusia a dorit acest lucru. Decizia privind instituirea unei noi misiuni este prerogativa exclusivă a Consiliului Şefilor de Stat al CSI (CSS), care stabileşte mandatul misiunii, componenţa forţelor comune de menţinere a păcii şi termenii de realizare, după cum numeşte şeful misiunii sau Reprezentantul Special al CSI pentru reglementarea conflictului.

Dar limitele unui asemenea mecanism sunt legate înainte de toate de faptul că există o „geometrie variabilă" a cooperării în materie de management al crizelor, din moment ce state ca Azerbaidjan, Turkmenistan, Ucraina sau Belarus participă cu rezerve la documentele relevante din cadrul CSI. Mai departe, conform Statutului CSI, principalul document al organizaţiei, deciziile sunt luate prin consens (unanimitate), inclusiv deciziile privind instituirea unei noi misiuni de pacificare, dar la procedura de vot pot participa doar statele interesate. Altfel spus, două state CSI, de exemplu Rusia şi Belarus, pot decide prin unanimitate de voturi să trimită forţe colective de menţinere a păcii în Republica Moldova, forţe colective care pot însemna, cum a fost în cazul Abhaziei, doar un contingent de militari ruşi. În cele din urmă, Statutul CSI se referă în mod special la conflictele interstatale, pe când conflictele existente sunt eminamente interne. Singura modalitate de intervenţie a CSI în conflictele interne este stipulată la Articolul 12 şi se referă la menţinerea integrităţii teritoriale a statelor CSI. Misiunea CSI din Georgia/Abhazia a făcut exact contrariul, a contribuit la pierderea integrităţii teritoriale a unui stat membru CSI.

Concepţia de prevenire şi soluţionare a conflictelor pe teritoriul statelor membre CSI, semnată în ianuarie 1996, se doreşte a fi un document mai comprehensiv şi stabileşte trei mecanisme de intervenţie colectivă şi anume prevenirea conflictelor, soluţionarea conflictelor armate şi misiuni post-conflict [11]. Dar prevederile acestui document nu sunt neapărat respectate în operaţiunile de pacificare din statele membre CSI, după cum nu sunt respectate alte zeci de documente semnate în două decenii de existenţă a organizaţiei. Dovadă că în octombrie 2007 este semnat Acordul cu privire la activitățile de menținere a păcii ale Organizaţiei Tratatului de Securitate Colectivă (OTSC), document intrat în vigoare în anul 2009 şi în baza căruia a fost instituit un grup de „pacificatori permanenţi" (3.500 militari şi 1.000 civili) care vizează înainte de toate eventuale misiuni pe teritoriul statelor membre ale OTSC [21]. Ipotetic, dacă Ucraina ar fi fost membru OTSC, Guvernul de la Kiev putea solicita ca „pacificatorii permanenţi" să intervină pe „Euromaidan" pentru a stabiliza situaţia.

Dar dincolo de analiza documentelor relevante pentru misiunile de pacificare semnate în spaţiul post-sovietic, mult mai reprezentative sunt operaţiunile desfăşurate de către Rusia în graniţele fostului imperiu. Particularitatea comună tuturor acestor „operaţiuni de pace", diferit de practica şi normele legale internaţionale, este determinată de faptul că există dovezi evidente că Rusia, cea care conduce toate aceste misiuni, este statul care a luptat cu Republica Moldova la Nistru, a luptat cu Georgia în Osetia de Sud şi Abhazia şi a fost direct implicată în războiul civil din Tadjikistan. Greu de argumentat imparţialitatea în cadrul acestor operaţiuni, imparţialitatea care este principiul fundamental al misiunilor internaţionale de menţinere a păcii şi principalul garant al succesului acestor misiuni. Acordul părţilor, primul principiu de care se ţine cont în lansarea unei noi misiuni internaţionale de menţinere a păcii, este la fel uşor contestabil în cazul celor patru misiuni. Rusia a impus pe bilaterală acordurile Georgiei şi Republicii Moldova referitoare la misiunile din Osetia de Sud şi Transnistria, sub presiunea armelor, după care a reuşit să obţină alte două decizii ale CSI privind intervenţiile din Tadjikistan şi Abhazia. Respectarea celui de-al treilea principiu – neutilizarea forței, cu excepția auto-apărare și de apărare a mandatului – este la fel de problematică în spatial post-sovietic, dim moment ce misiunile din Osetia de Sud şi Transnistria nu au niciun mandat de nicăieri, iar cea din Tadjikistan, spre exemplu, a avut un mandat foarte larg, care permitea de fapt orice gen de acţiuni.

Prin urmare, cele patru operaţiuni conduse de Rusia în spaţiul post-sovietic contravin oricăror practici sau norme legale internaţionale şi nu respectă niciunul dintre cele trei principii fundamentale pentru desfăşurarea misiunilor de pacificare, poate cu mici excepţii în cazul Tadjikistanului. Misiunile din Osetia de Sud, Transnistria şi Abhazia au fost misiuni de impunere (din partea Federaţiei Ruse) unilaterală a păcii, au fost numite oficial „misiuni de menţinere a păcii" şi au devenit în timp misiuni de „state-building", după ce Rusia a recunoscut independenţa Osetiei şi Abhaziei şi consolidează regimul neconstituţional de la Tiraspol, a căror reprezentanţi se pregătesc de momentul când Rusia le va recunoaşte independenţa.

Zona de Securitate şi misiunea de pacificare din estul Republicii Moldova: studiu de caz

Misiunea de pacificare din Republica Moldova a rămas singura misiune de pacificare din spaţiul post-sovietic condusă de către Federaţia Rusă, iar criza din Ucraina actualizează mult conflictul transnistrean şi prezenţa militarilor ruşi în regiunea transnistreană. Această ultimă misiune de pacificare devine şi mai importantă odată ce este la capătul (vestic) al unui proces cu finalităţi intermediare deocamdată destul de periculoase pentru integritatea teritorială a statului moldovenesc. Drept pentru care, indiferent de faptul cum vor evolua parametrii conti-

nentali de securitate, Zona de Securitate şi misiunea de pacificare din estul Republicii Moldova merită o atenţie deosebită. Pentru cetăţenii moldoveni însă, acest mecanism de securitate reprezintă cel mai mare pericol pentru stabilitatea şi siguranţa viitorului.

Faza militară a conflictului din estul Republicii Moldova a început la 2 martie 1992 și s-a încheiat la data de 21 iulie a aceluiași an, după semnarea ”Acordului privind principiile reglementării pașnice a conflictului militar în regiunea transnistreană a Republicii Moldova” [9]. Acordul semnat la 21 iulie 1992 la Moscova între președintele Republicii Moldova, M.Snegur, și președintele Federației Ruse, B.Elțin, prevedea încetarea imediată a focului şi separarea părților implicate în conflict prin crearea unei Zone de Securitate, specificându-se: “Coordonatele concrete ale zonei vor fi determinate de un protocol special al părţilor, care participă la executarea prezentului Acord” [20].

Figura 5. Zona de Securitate din Republica Moldova.

Notă: Harta nu reflectă jurisdicția exactă a Guvernului de la Chișinău din stânga Nistrului, ce cuprinde satele Molovata Nouă, Cocieri, Coșnița, Pîrîta, Pohrebea, și Doroțcaia.

Sursa: Hartă elaborată de către dl. W.Hill și prezentată în conferința din 15 noiembrie 2011, la sediul OSCE din Chișinău.

În scopul realizării prevederilor stipulate în Acord, implicit asigurarea regimului de securitate în Zonă, a fost instituită Comisia Unificată de Control (CUC), formată din reprezentanţii celor trei părţi care participă la reglementare (Republica Moldova, Federaţia Rusă, administraţia de la Tiraspol). CUC prin hotărârile sale a stabilit ulterior coordonatele concrete ale Zonei de Securitate de-a lungul râului Nistru, conform căruia aceasta este stabilită pe un perimetru cu lungimea de 225 kilometri şi lăţimea de 12-20 kilometri şi este compusă din trei sectoare (nord – Râbniţa; centru – Dubăsari; sud – Bender). Zona cuprinde 110 localităţi, cu aproximativ 600.000-700.000 de locuitori. Oraşul Bender (Tighina) a fost desemnat, prin Acordul de la 21 iulie 1992, raion cu regim de securitate sporit în cadrul Zonei de Securitate.

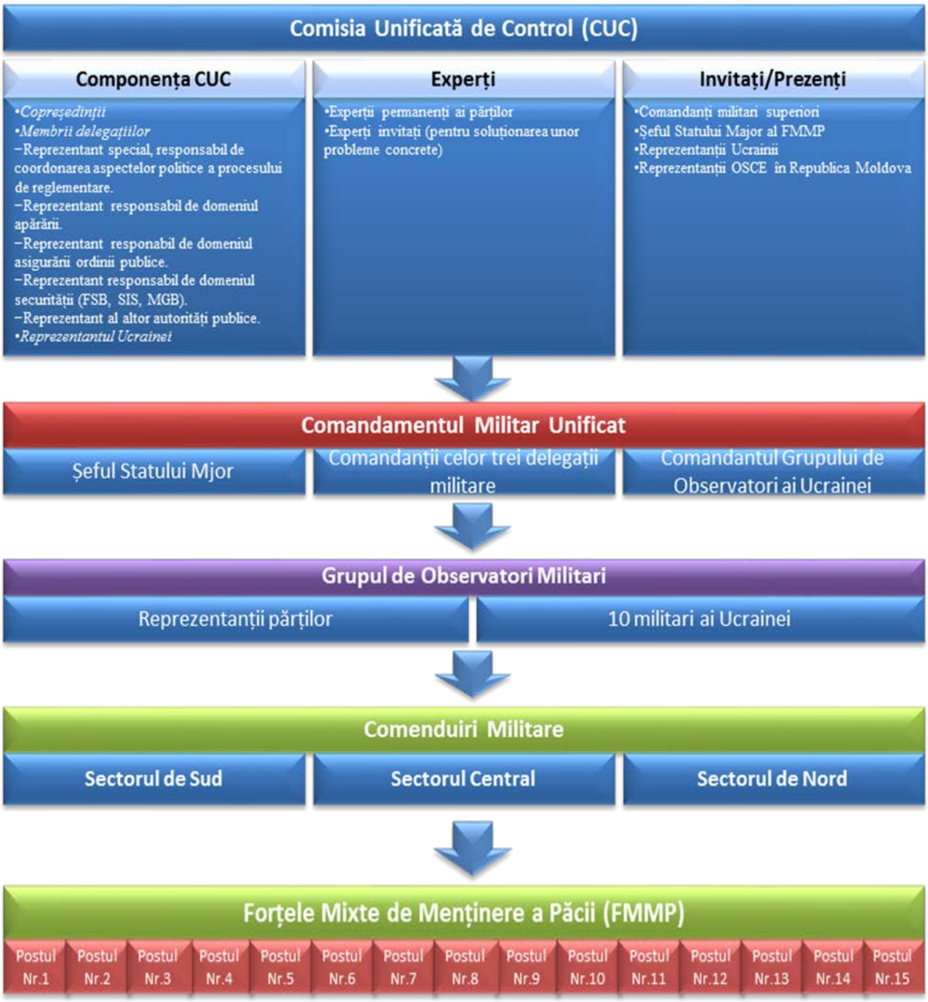
De asemenea, conform prevederilor Acordului din 21 iulie 1992, prin hotărârile CUC au fost create şi introduse în Zona de Securitate Forţele Mixte de Menţinere a Păcii (FMMP), compuse din trei contingente: a Forţelor Armate ale Federaţiei Ruse, Forţelor Armate ale Republicii Moldova şi ale administraţiei de la Tiraspol. Astfel, perimetrul Zonei de Securitate a fost înconjurat de posturi ale FMMP, peste 60 de asemenea posturi au fost instalate în contextul incertitudinii ce a urmat încheierii ostilităţilor militare. Fără existenţa unor prevederi explicite sau a unor constrângeri eficiente, autorităţile de la Tiraspol s-au grăbit să instaleze în Zona de Securitate zeci de ”posturi vamale” şi posturi ale FMMP, înconjurate de blocuri de beton.

După perioada mai curând arbitrară de instituire a Zonei de Securitate şi a posturilor FMMP, ancorarea Republicii Moldova în Comunitatea Statelor Independente şi dinamica geopolitică regională au determinat semnarea altor documente relevante ce au definitivat această jurisdicţie. La data de 20 iulie 1994, la Bender a fost semnat Acordul cu privire la principiile de cooperare dintre Comisia Unificată de Control (CUC) şi OSCE în Zona de Securitate, acord reactualizat la 10 decembrie 2004 [16]. Această ”internaţionalizare” a regimului de securitate a reprezentat mai curând un efort de legitimizare a mecanismului instituit decât o eficientizare a acestuia, demers continuat cu semnarea Acordului ”cu privire la măsurile de încredere şi dezvoltarea contactelor între Republica Moldova şi Transnistria” de la Odesa, din 20 martie 1998. Semnarea la 8 mai 1997 a ”Memorandumului privind normalizarea relaţiilor dintre Republica Moldova şi Transnistria”, document atât de drag autorităţilor secesioniste, a fost compensat de către Rusia şi administraţia de la Tiraspol prin semnarea Acordului de la Odesa, care prevede reducerea contingentului de militari moldoveni şi transnistreni din cadrul FMMP (dar nu şi a militarilor ruşi!) până la 500 pentru fiecare parte, reducerea posturilor mixte de control ale FMMP şi înlocuirea acestora cu patrule mobile, precum şi participarea Ucrainei la formula de menţinere a păcii [22]. Totodată, au fost semnate şi/sau reactualizate documente de lucru, cum

sunt statutul și regulamentul CUC, care stabilesc modalitățile de funcționare a mecanismului de administrare a Zonei de Securitate.

Comisia Unificată de Control conduce cu întreg mecanismul de securitate din regiune, asigură controlul asupra respectării regimului de încetare a focului, este responsabilă de realizarea tuturor înțelegerilor privind Zona de Securitate, monitorizează permanent situația în Zona de Securitate, precum și contribuie la reglementarea pașnică a diferendului transnistrean. CUC are trei co-președinți, câte unul pentru Rusia, Republica Moldova și administrația de la Tiraspol, delegațiile părților și observatorii din partea OSCE și Ucrainei.

Figura 6. Mecanismul de administrare a Zonei de Securitate.

Sursa: Elaborat de autor.

Comisia Unificată de Control se întrunește de regulă în ședințe ordinare în fiecare zi de joi a săptămânii, iar în cazuri excepţionale la cererea uneia din delegaţii se convoacă şedinţe extraordinare nu mai tîrziu de 24 ore de la momentul adresării. În şedinţele ordinare CUC examinează şi aprobă sau adoptă diferite decizii pe marginea raportului săptămânal al Comandamentului Militar Unificat cu privire la situaţia din Zona de Securitate, examinează probleme organizaţionale (de numire a membrilor CUC, a Comandamentului Militar Unificat şi observatorilor militari) şi alte probleme care au fost introduse în agenda de zi a şedinţei sau planificate anterior pentru discuții. La şedinţele extraordinare se examinează şi se adoptă decizii privind soluţionarea diferitor probleme şi incidente care au loc în Zona de Securitate şi necesită soluţionare rapidă. Şedinţele ordinare se desfăşoară de regulă în oraşul Bender, iar cele extraordinare în locul convenit de delegaţii sau în oraşul menţionat. Toate hotărîrile CUC şi a Comandamentului Militar Unificat se adoptă doar prin consens [24].

CUC conduce cu FMMP prin Comandamentul Militar Unificat, care este compus din comandanţii celor trei contingente şi comandantul grupului de observatori al Ucrainei. Comandamentul Militar Unificat îşi realizează atribuţiile prin Statul Major Unificat al FMMP. Şeful Statului Major Unificat, ofiţerii comenduirilor militare, superiorii grupurilor de observatori şi a efectivelor care îndeplinesc serviciul la posturile FMMP sînt în exclusivitate ofiţeri şi subofiţeri ai contingentului Federaţiei Ruse. După semnarea Acordului de la Odesa din 20 martie 1998, din sectorul de nord a Zonei de Securitate au fost eliminate toate subdiviziunile FMMP. Astfel, la moment există 15 posturi ale FMMP, 8 posturi în sectorul central și 7 posturi în sectorul de sud.

FMMP înseamnă 1200-1300 de militari (fără batalionul contingentului transnistrean din afara Zonei de Securitate atribuit de CUC ca batalion de rezervă). Contingentele FMMP au în dotare tehnică de transport, armament de infanterie, iar contingentul Federaţiei Ruse dispune şi de 16 unităţi de tehnică blindată (TAB) dintre care 13 sunt instalate la posturile FMMP (deşi delegaţia Federaţiei Ruse din CUC şi-a luat angajamentul de a le retrage din Zona de Securitate către sfîrşitul anului 2003). Unităţile militare ale contingentelor sunt dislocate: ale Federaţiei Ruse – la Bender (cu o subunitate în oraşul Dubăsari); ale Republicii Moldova – la Cocieri, Coşniţa şi Varniţa; ale administraţiei de la Tiraspol – la Dubăsari şi Grigoriopol. Grupele de observatori militari sunt dispuse la Dubăsari, Criuleni, Doroţcaia, Vadul-lui-Vodă şi Bender, iar Comandamentul Militar Unificat este dislocat în oraşul Bender. La sfîrşitul anului 1998 în Zona de securitate au început activitatea observatorii militari ucraineni (10 militari), ce activează în grupele patru-partite de observatori. Aceste grupuri de observatori constituie mecanismul de bază de control a situaţiei din Zona de Securitate şi de re-

acţie rapidă la diferite incidente, fiind subordonate CUC şi operativ Comandamentului Militar Unificat [3].

Structura mecanismului de securitate existent în estul Republicii Moldova înseamnă astfel un caz particular în practica internațională, drept pentru care în două decenii de extinţenţă acesta şi-a demonstrat ne-funcţionalitatea, iar actualul context regional de securitate o face Zona de Securitate una dintre cele mai nesigure regiuni de pe continentul european. Marele paradox constă în faptul că Zona de Securitate din estul Republicii Moldova a fost creată pentru a separa părțile implicate în conflict pe o linie de încetare a focului, iar pe întreg perimetrul zonei sunt dislocați militarii părților implicate în conflict (FMMP) pentru a nu permite reluarea operațiunilor militare. Totodată, granițele zonei de securitate au fost stabilite printr-un protocol semnat în cadrul CUC, însă, nu este clară ”metodologia de calcul” a perimetrului, din moment ce nu s-a ținut neapărat cont de liniile de încetare a focului, după cum nu s-au limitat exact la zonele operațiunilor militare propriu-zise. Conform Hotărârii Guvernului Republicii Moldova din 12 octombrie 1992 nr.662 ”Cu privire la stabilirea perimetrului zonei conflictului armat și perioadei acțiunilor de luptă din zona nistreană a Republicii Moldova”, zona conflictului militar a fost mult mai mică decât Zona de Securitate [9].

Astfel, aproximativ 700.000 de cetăţeni ai Republicii Moldova sunt incluşi într-o jurisdicţie specială, o parte dintre ei îngrădiţi cu tehnică militară blindată, şi sunt ţinuţi în această zonă de două decenii fără să cunoască exact care le este destinul. Deocamdată, protocolul care stabilește granițele exacte ale Zonei nu este public, sunt secrete și toate celelalte documente adoptate în cadrul CUC. Prin urmare, cetățenii Republicii Moldova nu au cum să cunoască obiectiv situația curentă din această jurisdicție, nu cunosc exact cum să se comporte în interiorul zonei, cum să treacă de aceste posturi de pacificatori sau în ce cazuri pacificatorii au dreptul să tragă în ei, în timp ce autoritățile locale nu au o relație transparentă și instituționalizată cu FMMP și CUC.

De altfel, oricum nici măcar documentele semnate nu se respectă, iar mecanismul nu contribuie la soluționarea politică durabilă a conflictului din stânga Nistrului, după cum prevede Acordul din 21 iulie 1992. De asemenea, Acordul din 1992 (Art.1.2) și Acordul din 1998 de la Odesa (Punctul 3) prevăd retragerea forțelor militare și militarizate, în perspectiva demilitarizării treptate a Zonei de Securitate. Autoritățile de la Chișinău au realizat în întregime aceste prevederi, în timp ce administrația de la Tiraspol menține până în prezent în Zona de Securitate forțe militare considerabile, inclusiv trei din cele patru brigăzi de infanterie motorizată și alte unități militare cu un număr total de efectiv de circa 3.500 militari [3]. Tot aici, administraţia de la Tiraspol suplineşte contingentul de militari de la Postul Nr.10 şi permite alte mişcări de trupe în Zona de Securitate, în pofida protestelor delegaţiei Republicii Moldova la CUC.

Această prezență militară, de rând cu mecanismul de pacificare care este sub comanda ofițerilor ruși și interdcțiile stabilite pentru observatorii militari ucraineni, au permis crearea unor granițe artificiale în interiorul Zonei de Securitate, care, contrar Acordului din 1992 (Art.5.1), obstrucționează libera circulație a persoanelor, bunurilor și serviciilor în regiune. La adăpostul posturilor de pacificatori, administrația de la Tiraspol a instituit zeci de posturi de grăniceri / vamale unde se percep taxe pentru cetățenii și agenții economici ai Republicii Moldova, este obstrucționată deplasarea persoanelor și a muncitorilor la propriile terenuri agricole etc. Administraţia de la Tiraspol a continuat să instaleze ”posturi vamale” sub supravegherile neputincioase ale FMMP și CUC, cum a fost cazul posturilor de la Hidrocentrala din Dubăsari și Pohrebea din octombrie 2011. Mai mult decât atât, Zona de Securitate este utilizată pentru consolidarea unei viitoare ”frontiere de stat a Transnistriei”, iar autoritățile nerecunoscute întreprind acțiuni pentru demarcarea acesteia, după cum este utilizată pentru ameninţarea integrităţii teritoriale a două state independente – Republica Moldova şi Ucraina.

Toate acestea, denotă faptul că situația din Zona de Securitate nu este sub controlul CUC și FMMP, care de două decenii nu au mecanisme eficiente de realizare a prevederilor statutare. Au fost cazuri de răpire și exterminare a persoanelor de către structurile de la Tiraspol sau sunt supuse presiunii cele 8 şcoli din stânga Nistrului rămase sub jurisdicția Chișinăului. Incidentul de la 1 ianuarie 2012, care a avut loc la postul trilateral al forțelor de pacificare Nr.9, de lângă Vadul lui Vodă, când unul dintre pacificatorii ruși a omorât un cetățean al Republicii Moldova, a însemnat o tragică confirmare a profundei insecurități din Zona de Securitate. Mai mult decât atât, nu doar cetățenii din zona de securitate sunt în nesiguranță, nici reprezentanții Republicii Moldova în cadrul CUC nu au mai multă siguranță în exercitarea mandatului pe care îl au, dovadă că la începutul anului 2014 şase militari din contingentul moldovenesc la FMMP au fost reţinuţi pentru o zi de către structurile de forţă transnistrene.

Concluzii

Securitatea colectivă şi managementul crizelor sunt relevante după instituirea „sistemului vestfalic” de state şi devin o prioritate a comunităţii internaţionale odată cu Congresul de la Viena. Sunt re-interpretate odată cu crearea sistemului Oganizaţiei Naţiunilor Unite (ONU) şi angajamentele internaționale conexe care au vizat asigurarea securității colective a statelor, iar pe măsură ce acest demers s-a dovedit dificil de realizat, se dezvoltă și cresc în importanță misiunile de pacificare sub egida ONU și organizațiilor regionale. Marii decidenţi ai lumii postbelice, reprezentaţi în Consiliul de Securitate ONU, nu au reuşit să garanteze securitatea internaţională după ce au devenit protagonistele unei competiţii bipolare şi au fost atrase într-un dificil proces de decolonizare, iar

unul dintre puţinele mecanisme funcţionale au devenit operaţiunile de pacificare.

Sunt desfăşurate zeci de misiuni pe toate continentele, unele dintre acestea absolut necesare şi eficiente, sunt stabilite norme legale, instituţii şi proceduri. De asemenea sunt adoptate trei principii fundamentale care ghidează orice operaţiune în numele păcii în secolul XXI şi anume: imparţialitatea; acordul părţilor şi; neutilizarea forței, cu excepția auto-apărare și de apărare a mandatului. Toate trei principii sunt încălcate în managementul crizelor în spaţiul post-sovietic, implicit în desfăşurarea operaţiunilor de pacificare din Republica Moldova, Georgia şi Tadjikistan. Pentru a nu aminti despre militarii ruşi care au părăsit bazele militare din Sevastopol şi au devenit, îmbrăcaţi în uniforme fără însemne, peste noapte „pacificatori" sau „gărzi populare".

După implozia Uniunii Sovietice, Rusia nu a ştiut să menţină controlul asupra spaţiului post-sovietic decât prin alimentarea a o serie de conflicte în fostele republici unionale şi dislocarea de trupe militare, impunându-le statelor recent instituite semnarea acordului de constituire a Comunităţii Statelor Independente (CSI). După care a utilizat mecanismele CSI pentru a crea misiuni regionale de pacifiare, încercând să redenumească propria infrastructură militară din spaţiul post-sovietic în operaţiuni de pacifiare. În cele din urmă, Rusia are în vedere „misiunile de pacificare" pentru noile proiecte integraţioniste şi, pe fundalul autolichidării CSI, a reuşit să instituie un grup de pacificatori în cadrul Organizaţiei Tratatului Securităţii Colective.

Două decenii de existenţă a Zonei de Securitate şi activitate a Forţelor Mixte de Menţinere a Păcii în Republica Moldova, instituite contrar oricăror uzanțe internaționale, au demonstrat totala ineficiență a misiunii, din moment ce situația din Zona de Securitate nu s-a schimbat. Sau dacă Rusia și administraţia de la Tiraspol au reconfirmat eficiența misiunii, aceasta presupune încheierea acesteia, odată ce a fost una de succes. Altfel, acest mecanism doar perpetuează prezența militară și geopolitică a Rusiei în Republica Moldova, în spatele căreia s-a consolidat o formațiune pseudo-statală cu centrul la Tiraspol, care împreună cu Armata a 14-a (Grupul Operativ al Federaţiei Ruse din Transnistria) și a muniţiilor de la Colbasna pun în pericol integritatea teritorială a Republicii Moldova şi a Ucrainei. Cert este că orice demers al Republicii Moldova în privința soluționării diferendului transnistrean trebuie obligatoriu să conțină o strategie de înlocuire a actualului mecanism cu o misiune internațională civilă, ca precondiție pentru soluționarea durabilă a conflictului din raioanele de est ale ţării.

Bibliografie

1. Chapter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice, Article 1. http://treaties.un.org/doc/Publication/CTC/uncharter.pdf.

2. Claytor W., Major (USMC). United Nations Truce Supervision Organization: History and US Marine Involvement, 1990. www.globalsecurity.org.
3. Contingentul Armatei Naționale din cadrul Forțelor Mixte de Menținere a Păcii din Zona de Securitate. http://www.army.md/?lng=2&action=show&cat=163.
4. Crow S. The Theory and Practice of Peacekeeping in the Former USSR. // RFE/RL Research Report, 1 (1992), pp.31-36.
5. Dorn W. The evolution of peace and stability operations. Canadian Forces College, Joint Command and Staff Programme 37. http://www.walterdorn.org/pdf/PeaceOps-Evolution_JCSP37-Elective_Mas_Dorn_5Apr2011_Optimized-ReducedSize_rev10June2011.pdf
6. General Assembly. 2005 World Summit Outcome. p.20-27. http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/60/1;
7. Grevi G., Helly D., Keohane D. European Security and Defence Policy. The first 10 years (1999-2009). - Paris: EUISS, 2009.
8. Finch M.R.C. The Strange Case of Russian Peacekeeping Operations in the Near Abroad 1992-1994. - Foreign Military Studies Office 1996.
9. Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova Nr.662 din 12.10.1992 Cu privire la stabilirea perimetrului zonei conflictului armat şi perioadei acțiunilor de luptă din zona nistreană a Republicii Moldova. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.10/308 din 30.10.1992.
10. Kissinger H. Diplomaţia. - Bucureşti: Bic ALL, 2003.
11. Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников Содружества Независимых Государств. http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=536.
12. Korkelia K. The CIS peace-keeping operations in the context of international legal order. http://www.nato.int/acad/fellow/97-99/korkelia.pdf.
13. Mackinlay J., Cross P. (Eds.) Regional peacekeepers: The paradox of Russian peacekeeping. - The United Nations University, 2003.
14. NATO and Russia: Partners in Peacekeeping. http://www.nato.int/docu/presskit/010219/brocheng.pdf.
15. Nordquist M.H. The Framework in the Founding Act for NATO-Russia Joint Peacekeeping Operations. // International Law Studies, Volume 72, p.129-156;
16. Принципы сотрудничества между Миссией ОБСЕ и Объединенной Контрольной Комиссией в Зоне Безопасности, 10 декабря 2004 года.
17. Протокол о статусе Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в СНГ; Протокол о временном порядке

формирования и задействования ГВН и КСПМ в зонах конфликтов между государствами и в государствах-участниках СНГ; Протокол о комплектовании, структуре, материально-техническом и финансовом обеспечении этих групп и сил.
18. Skorsyrev V. UN Operation in Cambodia Will Cost Russia $190 Million. // “Izvestia”, 1992, November, 10.
19. Соглашение о принципах мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта. // Дипломатический вестник МИД Российской Федерации. 1992. №13-14.
20. Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровье. // Дипломатический вестник МИД Российской Федерации. 1992. №13-14.
21. Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности. http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=1679.
22. Соглашение «О мерах доверия и развития контактов между Республикой Молдова и Приднестровьем» от 20 марта 1998 года.
23. Socolov A. Russian peace-keeping forces in the post-soviet area. // Kaldor M., Vashee B. (Eds). Restructuring the global military sector. UNU/WIDER, Volume 1, New War.
24. Статус Объединенной Контрольной Комиссии; Регламент Объединенной Контрольной Комиссии, от 8 апреля 2003 года.
25. United Nations. High-level Panel on Threats, Challenges and Change. New York, 2008. http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/59/565;
26. United Nations. “Peace operations 2010” reform strategy (excerpts from the report of the Secretary-General) http://www.un.org/en/peacekeeping/documents/po2010.pdf;
27. United Nations. Secretary-General Comprehensive Report on strengthening the capacity of the United Nations to manage and sustain peace operations. http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/61/858;
28. United Nations. A New Partnership Agenda: Charting a New Horizon for United Nations Peacekeeping. http://www.un.org/en/peacekeeping/documents/newhorizon.pdf..
29. United Nations. Peacekeeping operations. http://www.un.org/en/peacekeeping/operations/peacekeeping.shtml.
30. United Nations. United Nations Peacekeeping Operations. Principles and Guidelines. - New York, 2008.
31. United Nations. Approved resources for peacekeeping operations for the period from 1 July 2013 to 30 June 2014. http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/C.5/67/19.

32. United Nations.. Monthly summary of contribution to the United Nations operations (As of 31 December 2013). http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors/2013/dec13_1.pdf.

Prezentat la redacție
la 27 martie 2014

Recenzent – ***LAIU Nicolae***, doctor în istorie, conferentiar

Материалы национальной научной конференции «МОЛДО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРЕОДОЛЕВАЯ СТЕРЕОТИПЫ И НЕДОВЕРИЕ», Кишинэу, 23 декабря 2013 года

МОЛДОВА – РОССИЯ: ВЗАИМОВЫГОДНЫЙ ИЗВЕЧНО ДОГОВОР

Маргарета БРАДУ
Республика Молдова, Кишинэу, Молдавский государственный университет, экономический факультет
Старший преподаватель

«История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предупреждение для будущего».
М. Сервантес

Если обратиться к истории и складывавшимся историческим отношениям Молдовы с Россией, можно выделить несколько важнейших этапов в их развитии.

Первый этап (1656-1735) можно назвать «под покровительством спасителя». Его начало относится к 1656 году и подписанию первого молдавско-российского договора период правления господаря Георгия Стефана.

В начале 1656 года молдавское посольство во главе с митрополитом Гедеоном отправилось в Москву для согласования условий договора между Молдовой и Россией.

Основные положения молдавско-российского соглашения были разработаны в Молдове, (так гласит история) и содержало оно следующие пункты:

- в Молдове восстанавливаются порядки, существовшие в княжестве до турецкого владычества;
- все земли, отторгнутые от Молдовы Турцией, и в первую очередь крепости и райи, подлежат возврату Молдове;
- государями Молдовы впредь, по предложению бояр, должны назначаться только молдавские бояре;
- молдавские войска обязаны участвовать в походах русской армии, а русская армия обязуется защищать Молдову от Турции и прочих врагов;
- Молдавия освобождается от всякой дани.

Помимо этого, предусматривалась свобода торговли как русских купцов в Молдове, так и молдавских купцов в России.

29 июня 1656 года русский царь Алексей Михайлович в жалованной господарю Георгию Стефану грамоте выразил свое согласие о принятии Молдовы в русское подданство на условиях, предложенных митрополитом Гедеоном.

Данный договор был, безусловно, очень выгоден для молдавской стороны, ибо речь шла об избавлении от османского ига при одновременных гарантиях со стороны России сохранения полной внутренней самостоятельности княжества и защиты его границ силами русской армии.

Однако, неблагоприятная геополитическая обстановка привела к тому, что молдавско-русский договор не был полностью реализован, таким каким он замышлялся в Яссах и Москве. Но все же один пункт выполнялся - это соглашение о свободной торговле, и он стал значительной вехой в молдавско-русских отношениях.

Этот договор послужил основой и источником при разработке других актов и соглашений между Молдовой и Россией.

К этому же этапу можно отнести и секретный договор между господарем Молдовы Дмитрием Кантемиром и Петром I, заключенный 13 апреля 1711 года в Луцке.

Луцкий договор содержал 17 пунктов и в своих основных положениях повторял соглашение, подписанное Гедеоном в 1656 году. Молдавское княжество должно было принять русское подданство, сохраняя статус независимого суверенного государства и прежние обычаи внутри страны.

Сохранялись и привилегии молдавских бояр. Господарский престол закреплялся за династией Кантемиров.

После обнародования договор встретил поддержку всего молдавского населения. И был выгоден для Молдавии, так как в случае его претворения в жизнь страна освобождалась от турецкого гнета, отделялась от терпящей упадок Турции и присоединялась к находящейся в то время на подъеме России.

И вновь неудача, так как после поражения Петра I в Прутском походе Луцкий договор утратил силу, Молдова осталась турецким вассалом, а Дмитрий Кантемир бежал в Россию.

С 1735 года меняется также ситуация и отношение со стороны России. Этот период (1735-1812 годы) можно обозначить синтагмой «вокруг одни враги», так как русско-турецкая война (1735–1739) в корне изменила отношения Молдовы с Россией и с русской армией. Россия расширяла границы своей империи до Крыма, Кавказа и Днепра, надеясь утвердиться на Балканах и завладеть проливами Босфор и Дарданеллы. Но для этого необходимо было устранить Оттоманскую Порту, правившую многими народами от Адриатики до Подолья и Кавказа. В планах России и на картах ее военачальников, находившиеся под турецким игом страны, значились тер-

риториями неприятеля, которого предстояло победить, его имущество реквизировать, крепости разрушить, население ограбить, подвергнуть тяжелым повинностям, всякого рода унижениям и насилию. Таким образом, второй раз после 1711 года русские пришли в Молдову в 1739 году.

Были иными политические обстоятельства, главные действующие лица и совершенно иным было отношение освободителей к освобожденным.

С 1812 года (1812-1918 годы) начинается новый этап в отношениях России с Молдовой, который можно назвать «разделом по интересам».

Подписание Бухарестского мирного договора 1812 года привело к новым планам России в отношении Молдовы. На начальном этапе войны в планы России не входило намерение аннексировать Молдову и Мунтению, но согласно четвертой статье этого договора, Порта уступала России восточную часть Молдавского княжества – территорию Днестровско-Прутского междуречья, которая с 1813 года стала называться Бессарабией.

Остальная часть княжества оставалась под турецким владычеством. Последующее развитие двух частей Молдавского княжества после 1812 года в различной политической, социально-экономической и культурной среде предопределило разные их исторические судьбы.

В начале XX века Бессарабия на короткий промежуток времени вышла из состава России, вначале как Молдавская Демократическая Республика, и вошла в состав Королевства Румынии. Этот период можно назвать «объединением семьи», но длился он совсем недолго – с 1918 до 1940 год.

В 1940 году Бессарабия вошла в состав СССР, и это обусловило создание Молдавской Советской Социалистической Республики. Этот период можно назвать «периодом контроля старшего брата» и длился он до 1991 года.

В досоветский период Молдова была сугубо аграрной страной, в 40-х годах прошлого столетия ее экономика базировалась, главным образом, на сельском хозяйстве и производстве товаров народного потребления. В советский период началась индустриализация, появилась текстильная промышленность, машиностроение и электроника. В начале 90-х годов промышленность страны обеспечивала почти 2/5 национального дохода.

В 1991 году Россия и Молдова заявили о взаимном признании независимости. Можно сказать, что произошел «развод по взаимному согласию, без раздела имущества».

После распада СССР и провозглашения 27 августа 1991 года своей независимости Республика Молдова вступила в сложный этап перехода к рыночной экономике и пережила значительный экономический спад.

Экономический кризис в Молдове длился 10 лет (1990-1999 гг. включительно) и этот период можно назвать «борьбой за самоутверждение».

Ввиду того, что в одиночку Молдове трудно было выйти на прежний уровень развития, 19 ноября 2001 года в Москве был подписан базовый Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Молдова и Россией. Этот договор приводит Молдову к экономическому объединению, которое выгодно и для России, и для Молдовы. Этот период можно назвать «договором по взаимовыгодному расчету», поскольку, как бы мы ни хотели расстаться, экономические отношения настолько сильно связывают наши государства, что «расставание» стало очень сложным.

Договор о свободной торговле со странами СНГ – другой важнейший вектор для развития экономики Молдовы.

В 2012 году, объем экспорта Молдовы в страны СНГ достиг 928 млн. долл. США. Этот рост составил 40% со времени финансового и экономического кризиса 2008-2009 годов.

Таблица 1. Динамика внешней торговли Российской Федерации и Республики Молдова (млн. долл. США)

	2008	*2009*	*2010*	*2011*	*2012*
Товарооборот	1796,9	1047,4	1532,1	1952,2	2085,3
в % к предыдущему периоду	132,1	58,3	146,3	127,4	106,8
Экспорт в РФ	1145,8	695,0	1111,4	1483,6	1608,9
Импорт из РФ	651,1	352,4	420,6	468,6	476,4
Сальдо	494,7	342,6	690,8	1015,0	1132,5

Таблица составлена автором на основе статистических данных.

Россия остается крупнейшим торговым партнером Республики Молдовы, занимая первое место среди стран, на долю которых приходятся наибольшие объемы молдавского экспорта и импорта, несмотря на то, что Молдова включена в систему торговых привилегий Европейского Союза «GSP+», которая предусматривает отмену таможенных пошлин на подавляющее большинство товаров, поставляемых в страны ЕС.

13 групп сельскохозяйственной продукции, в том числе вин и виноматериалов, яиц, мяса и мясопродуктов, зерна, сахара и другой продукции. Молдова может беспошлинно экспортировать в страны ЕС до 12 000 наименований товаров сроком до 2015 года.

В 2012 году Евросоюз увеличил годовые квоты для Республики Молдова по сахару с 26 до 34 тыс. тонн, по пшенице – с 40 до 50 тонн, по вину с 1,5 – до 1,8 млн. декалитров, по ячменю – с 35 до 45 тыс. тонн, по кукурузе – с 30 до 40 тыс. тонн. В 2013 году квота на беспошлинный ввоз молдавских вин возросла с 1,8 до 2,4 млн. долл.

По данным Лицензионной палаты, в 2012 году, однако ни одна из выделенных квот не была выбрана полностью.

С партнерами из СНГ у Молдовы режим свободной торговли. Договор ратифицирован Парламентом Республики Молдова 27 сентября 2012 года и вступил в силу для Молдовы с декабря того же года. Что станет с этим договором после Вильнюсского саммита, можно только догадываться.

В 2012 году внешнеторговый оборот Республики Молдова составил 7374,9 млн. долл. США – это 99,5% к уровню 2011 года. Более 45% товарооборота пришлось на страны Европейского Союза, почти 35% – на страны СНГ, из которых 30,3% – на Россию и около 20% – на остальные страны.

Таблица 2. Основные торговые партнеры Республики Молдова в 2011-2012 гг. (млн. долл. США)

Страны	***В***		***Удельный вес***		***Степень влияния (+) или (-)***		***В***		***Степень влияния (+) или (-)***	
	млн. долл.	***в % к А***	***А***	***В***	***А***	***В***	***млн. долл.***	***в % к А***	***А***	***В***
	Экспорт, всего						**Импорт, всего**			
в том числе:	2191,8	97,5	100,0	100,0	43,8	-2,5	5213,1	100,4	34,7	0,4
Россия	655,0	104,7	28,2	30,3	14,4	1,3	816,9	99,3	6,1	-0,1
Румыния	356,7	94,8	17,0	16,5	8,4	-0,9	620,6	108,1	4,9	0,9
Италия	202,4	94,1	9,7	9,9	4,4	-0,6	327,6	94,1	2,0	-0,4
Украина	122,4	80,0	6,9	5,7	4,0	-1,4	594,3	92,7	2,9	-0,9
Объединенное королевство	83,9	82,5	4,6	3,9	1,3	-0,8	58,0	89,5	0,3	-0,1
Беларусь	80,7	106,7	3,4	3,7	-0,3	0,2	172,2	88,4	2,0	-0,4
Польша	74,2	86,3	3,9	3,4	2,5	-0,5	152,1	113,0	0,8	0,3
Германия	70,2	65,9	4,8	3,2	2,0	-1,6	386,9	97,8	2,6	-0,2
Турция	56,1	76,5	3,3	2,6	0,4	-0,8	388,2	105,8	4,2	0,4
Казахстан	50,3	110,7	2,1	2,3	1,0	0,2	26,5	83,1	0,4	-0,1
Болгария	33,8	100,1	1,5	1,6	1,0	0,0	78,2	117,2	0,5	0,2
Франция	30,2	125,6	1,1	1,4	0,0	0,3	103,7	119,1	0,5	0,3
Чехия	16,9	149,9	0,5	0,8	0,8	-0,2	65,0	108,9	0,4	0,1
Литва	15,0	79,7	0,8	0,7	0,5	-0,2	17,3	96,7	0,1	-0,1

Примечание: А – 2011 год; В – 2012 год

Таблица составлена автором на основе статистических данных.

Как видно из табл.2, экспорт Республики Молдова в 2012 году составил 2191,8 млн. долл. США, что на 2,5% меньше, чем в 2011 году. Из этой суммы 1389,6 млн. долл. США приходятся на экспорт отечественных товаров и 772,2 млн. долл. США – на реэкспорт.

Увеличение экспортных поставок в Российскую Федерацию состави-

ло +4,7%, в Новую Зеландию – в 5 раз, Ирак – в 2,4 раза, в Испанию в 7,8 раза, во Францию +25,6%, в Чешскую Республику +49,9%, в Казахстан +10,7%, в США +20,4%, в Китай – в 2,1 раза, в Афганистан +50,8%, в Узбекистан +42,0%, в Португалию +62,3% и способствовало росту общего объема экспорта на 5,8%.

В то же время наблюдалось сокращение экспортных поставок в Германию -34,1%, в Украину -20,0%, в Румынию -5,2%, в Турцию -23,5%, в Италию -5,9%, в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии -17,5%, в Польшу -13,7%, в Грецию -44,5%, в Литву -20,3%, что снизило общий объем экспорта на 7,3%.

Из приведенного выше анализа явствует, что с точки зрения выгодности внешнеэкономических отношений Молдовы с Россией можно заключить, что пока «нам не жить друг без друга».

Взаимные экономические интересы Республики Молдова и Российской Федерации обусловлены, прежде всего, исторически сложившимися производственными, кооперационными связями, объективной необходимостью их сохранения и дальнейшего развития на взаимовыгодной и равноправной основе.

В заключение можно сказать, что Молдова ждет от России более дешевого газа, благоприятных условий для экспорта и защиты прав молдавских граждан, находящихся в России, сохранения безвизового режима после вступления в ЕС.

Россия не против в дальнейшем продавать Молдове дорогой газ на льготных условиях, развивать торгово-экономические связи в составе Таможенного Союза, а также развивать связи с Молдовой в гуманитарной сфере, в сфере образования, культуры, науки, решать некоторые проблемы трудовых мигрантов. Полагаем, что европейская интеграция Республики Молдова никак не может являться помехой этому.

Литература

1. Ожог И.А., Шаров И.М. Краткий курс лекций по истории румын: Новая история. – Кишинев, 1992.
2. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Ассоциация ученых Молдовы им. Н.Милеску-Спэтару. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Кишинев: Elan Poligraf, 2002.
3. Стати В. История Молдовы. – Кишинев: Tipografia Centrală, 2002.
4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова об экономическом сотрудничестве на 1999-2008 годы.
5. Программа экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Молдова на 2009-2020 годы.

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА

Игор БУКАТАРУ
Республика Молдова, Кишинэу, Государственный Университет Молдовы, Факультет Международных Отношений, Политических и Административных Наук, кафедра Административных наук
Доктор политических наук, доцент

Russia's role in solving the Transdniester conflict is crucial. At the moment this conflict is frozen. Internationally most used negotiations format is "5 +2 process" (Moldova and Transdniester as sides in negotiations, with Russia, Ukraine and the OSCE acting as intermediaries and the EU and the US as observers).

Краткий обзор приднестровского конфликта. Началом конфликта между центральным правительством и руководством районов расположенных к востоку от Днестра (Приднестровье - территория на левом берегу Днестра, находящихся под контролем самопровозглашенных властей «приднестровской молдавской республики» / «пмр»), принято считать конец ´80-х годов XX века, когда «в результате «перестройки» в Советском Союзе повысилась социальная активность населения и обострились национальные и межэтнические вопросы. В союзных республиках возникли общественные движения, объединявшие представителей титульных национальностей этих республик» [1]. Именно на фоне социальной активности представителей титульной нации правобережья Днестра, начались сепаратистские настроения в восточных районах страны. К лету 1992 года началась новая фаза противостояния - эскалация конфликта, который достиг своего апогея и перерос в настоящую войну. И хотя кровопролитие удалось остановить, и сейчас конфликт остается одной из острейших нерешенных и нерешенных дипломатических проблем на постсоветском пространстве, превратившийся в «замороженный конфликт» [2, с.73].

Основные события военной фазы конфликта приходятся на март-июль 1992 года, когда противоборствующие стороны вели активные боевые действия, закончившиеся большими человеческими жертвами и огромным материальным ущербом, с обеих сторон. При российском посредничестве кровопролитие де-юре удалось остановить подписанием 21 июля 1992 года в Москве Б.Ельциным и М.Снегуром соглашения «О принципах урегулирования вооружённого конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы». Это соглашение положило начало переговорного процесса, который длится и сегодня.

Анализируя характер данного конфликта нужно подчеркнуть что он не является этническим, по примеру других «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве. По моему мнению, главными составляющими конфликта являются геополитические и социально-психологические аспекты**.**

Во-первых, это относится к роли руководящих органов СССР в возникновении приднестровского конфликта. Руководствуясь политическим принципом «divide et impera», союзный центр хотел путем поддержки сепаратистских настроений в союзных республиках контролировать ситуации. После развала Советского Союза эту роль взяла на себя Российской Федерация, считая, что приднестровский регион находится в сферах своего влияния. В то же время, в Республике Молдова в начале ´90-х годов XX века были сильны прорумынские настроения, хотя я думаю, что у Румынии не было четкого представления о своей роли в урегулировании приднестровского конфликта.

Социально-психологические аспекты относится к тому, что политический менталитет населения левобережья Днестра отличается, в большинстве своем, от менталитета граждан правобережья. Имеется в виду, что по обе стороны Днестра живут и молдаване, и украинцы и русские, но конфликтные ситуации возникают не на почве этнической принадлежности, а исходя из социально-политических ценностей и геополитических предпочтений (демократия и западные ценности vs. авторитаризм и российская геополитическая направленность). В основном эти различия предопределены историческими корнями.

Во-первых, необходимо отметить, что территория нынешнего Приднестровья ранее не входила в состав Молдавского княжества, несмотря на то, что на этой территории проживало население, которое идентифицировало себя как молдаване. Лишь 2 августа 1940 года левобережные районы, где преобладало молдавское население, вошли в состав вновь образованной Молдавской ССР. Во-вторых, правобережье Республики Молдова (Бессарабия) вошла в состав СССР только в 1940 году, в то время как районы Приднестровья находились в составе Советского Союза с момента его формирования.

Стороны, участвующие в урегулировании приднестровского конфликта. После июля 1992 года Приднестровский конфликт перешёл в переговорную (мирную) фазу. В ходе многочисленных встреч между сторонами конфликта, при посредничестве России, Украины и ОБСЕ, достигнуть соглашения по поводу статуса Приднестровья не удалось. Отношения между сторонами конфликта остаются напряжёнными и на данный момент. Перейдя в стадию мирного урегулирования, приднестровский конфликт по сей день остаётся одной из сложнейших проблем региона. Переговоры

ведутся в так называемом формате «5+2», в котором важнейшую роль играют «третьи стороны конфликта». По мнению большинства представителей экспертного сообщества Республики Молдова, «окончательное решение приднестровского конфликта неизбежно произойдет только при согласии внешних акторов» [3]. Основные международные субъекты, участвующие в урегулировании приднестровского конфликта являются частью переговорного процесса в формате «5+2»:

а) участники переговоров:

1. со стороны конституционных властей Республики Молдова,
2. со стороны самопровозглашенных приднестровских властей,

б) посредники:

3. со стороны Российской Федерации,
4. со стороны Украины,
5. со стороны ОБСЕ,

в) наблюдатели:

1. со стороны Европейского Союза,
2. со стороны Соединенных Штатов Америки.

Ни один внешний актор не отрицает на уровне официальных заявлений территориальную целостность Республики Молдова.

Факторы, определяющие роль Российской Федерации в процессе урегулирования.

*Географический фактор***.** У Республики Молдова общие границы только с Румынией и Украиной. С Российской Федерации у Республики Молдова нет совместной границы. В настоящее время, Приднестровье, представляет собой узкую полоску земли между Украиной и остальной территорией Республики Молдова. В целом протяженность молдавско-украинской границы составляет 1222 км, а 442 км в секторе «Центр» (на востоке) не контролируется молдавскими властями.

Данный аспект (отсутствие общей границы) является предопределяющим в эволюции приднестровского конфликта. В случае общности границ можно было бы говорить о повторении абхазского или осетинского сценариев, когда Российская Федерация напрямую посягала на независимость сопредельного государства – Грузии, путем военной интервенции, для сатисфакции своих интересов. В данном случае, отсутствие общей границы между Российской Федерации и Республики Молдова на руку молдавским центральным властям. Сепаратистские восточные районы страны, исходя из пророссийской внешнеполитической ориентации местных элит, находятся в анклавной ситуации, между Республикой Молдова и Украиной. Причем у каждой из данных сторон свои планы по поводу будущего приднестровского региона.

Геополитический фактор. Российская Федерация является бесспорным геополитическим актором на международной арене. На постсоветском пространстве данное государство является региональным лидером. Таким образом, отсутствие общей границы не является препятствием в проявлении геополитических интересов российского государства в Молдове. Присутствие России достаточно ощутимо в большинстве сфер деятельности молдавского общества. Во-первых, нужно подчеркнуть проблемы, связанные с военным присутствием в Приднестровье, несмотря на все протесты молдавской стороны и международные обязательства российской стороны. Также нужно отметить, что сегодня Россия проводит мощные образовательные и культурные программы на постсоветском пространстве, а в последнее время, Российская Федерация выступает за расширение своего консульского присутствия в Молдове.

Современные межгосударственные отношения Республики Молдова и Российской Федерации достаточно противоречивы. Были разные периоды отчуждения, особенно в связи с непризнанной Приднестровской Молдавской республикой, а также разными «экономическими войнами». Данные отношения невозможно рассматривать без учета таких процессов, как «появление многополярной модели мироустройства, трудности глобализации, рост конфликтного пространства в мировой политике, расширение европейских и евроатлантических структур» [4]. Приоритетным вопросом российско-молдавского диалога по-прежнему остается разрешение конфликта в Приднестровье, где пересекаются интересы не только Российской Федерации и Республики Молдова, но и других стран региона, а также ведущих акторов международных отношений современности. Важны, также, и другие аспекты взаимоотношений двух государств, как пересекающиеся национально-государственные интересы России и Молдовы, гармонизация договорно-правовой базы двух государств, социально-экономические связи, сотрудничество в области региональной стабильности и безопасности, совершенствование форм стратегического партнерства.

Экономический фактор. Экономические отношения между двумя странами достаточно противоречивы, но на данный момент Российская Федерация остается крупнейшим торговым партнером Молдовы, на ее долю приходятся наибольшие объемы молдавского экспорта и импорта [5]. Можно даже говорить про определенную экономическую зависимость Молдовы или про определенные экономические рычаги давления со стороны России. Это касается в основном экспорта «стратегических молдавских товаров» (продукты виноделия, фрукты, табачные изделия...), проблемы «газовой зависимости», ситуации с молдавскими гастарбайтерами и.д.

Молдова на сегодняшний день идёт по пути европейской экономической интеграции. В то же время, Российская Федерация и разные молдавс-

кие политические силы поднимают вопрос о присоединении Молдовы к Таможенному Союзу. Некоторые эксперты склоны считать что «разворот Республики Молдова к Таможенному Союзу позволит по-новому увидать проблему Приднестровья, станет возможен новый по своей структуре, по геополитическим целям и задачам переговорный процесс» [6].

Этнокультурный фактор. В начале статьи уже говорилось о том, что приднестровский конфликт не является чисто этническим. Но в то же время нельзя не отметить тот факт, что существуют и определенные этнокультурные аспекты проблемы, связанные, в том числе, и с российским внешним фактором. Исходя из данных переписи населения, проведенной в 2004 году в Молдове (без районов Приднестровья), национальный состав включал – 75,8% молдаван, 8,4% украинцев, 5,9% русских и т.д. Что касается Приднестровья, то в данном регионе национальный состав включает (по информации на тот же 2004 год) – 32% молдаван, 30% русских и 29% украинцев и.т.д.

Исходя из вышеперечисленных данных, можно сделать несколько важных выводов. Так, русские и украинцы соседствуют с молдаванами по обе стороны Днестра. В то же время нельзя не учитывать тот факт, что в Приднестровье они насчитываются в большем количестве. По поводу правобережных районов нельзя не отметить тот факт что, несмотря на присутствие только почти 6% русских, русский язык продолжает занимать достаточно сильные позиции в общении. Во многом это результат проводимой в СССР политики русификации, как следствие не только русские, но и эти украинцы, гагаузы, болгары, а также некоторые представители титульной нации, в значительной степени предпочитают разговаривать на русском языке. В районах непризнанной «пмр» русский язык и культура вообще играют важнейшую роль во внутренней жизни региона, несмотря на то что русские не составляют большинство. Вопреки тому, что территория левого берега Днестра была частью советской Украины до 1940 года, когда была создана Молдавская ССР в составе СССР, местное население ориентировано в большинстве своем на Российскую Федерацию. Во многом это связано с процессами русификации и советизации.

Аспекты участия Российской Федерации в урегулирование приднестровского конфликта. В контексте приднестровского конфликта Российская Федерация проявляет себя фактически в трех ипостасях [3]:

- посредника;
- стороной конфликта;
- гаранта будущего урегулирования.

Статус России как посредника урегулирования конфликта «мирными, политическими средствами» закреплен Соглашением «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регио-

не Республики Молдова» от 21 июля 1992 г. С самого начала переговорного процесса Российская Федерация подчеркнула свою огромную роль.

На данный момент политически-правовой основой переговорного процесса является итоговый документ принятый 18 апреля 2012 г. в Вене, в ходе консультаций в формате «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках процесса по приднестровскому урегулированию». В ходе двухдневного раунда сторонам удалось согласовать принципы и процедуры ведения переговоров, в котором отмечены все участники с уточнением их статуса в переговорах, определенного Братиславским документом 2002 года и Одесским документом 2005 года. Так, участниками «Постоянного совещания» являются: стороны – Республика Молдова и Приднестровье, посредники - Российская Федерация, Украина и ОБСЕ, а также наблюдатели - Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки [7]. Главное условие для участия в переговорах в качестве посредника, это беспристрастность и непредвзятость актора. Но исходя из интересов России и ее поведения, можно с уверенностью сказать, что она далека от этого.

Исходя из фактических действий Российской Федерации, большинство молдавских и международных экспертов, считают, что она контролирует и содержит Тираспольскую администрацию. «Неконституционный режим в восточных районах Республики Молдова выживает благодаря политической, финансовой, информационной и военной поддержки со стороны Российской Федерации» [3]. К примеру, только для стабилизации ситуации валютных резервов Приднестровья в конце апреля 2013 г. из Российской Федерации поступило 30 млн. долл. [9]. В то же время, Российская Федерация незаконно держит свой воинский контингент на территории Республики Молдова (примерно 1500 российских военнослужащих).

Тем не менее, официально, Российская Федерация заявляет, что она не является стороной конфликта, так как сторонами конфликта считаются Республика Молдова и «приднестровская молдавская республика», которые представляют равные стороны переговорного процесса.

Еще одним аспектом участия России в урегулирование приднестровского конфликта это так называемый статус «государства-гаранта». Впервые Российская Федерация и Украина взяли на себя такое обязательство в одностороннем порядке, без какого-либо согласования с Республикой Молдова, в Совместном заявлении, подписанном в Москве 19 января 1996 года [8]. Статус России и Украины как стран-гарантов Республика Молдова не признает, поскольку данный статус нигде не закреплен.

В итоге, роль Российской Федерации в приднестровском конфликте огромна, даже является определяющей. «Приднестровская молдавская республика» существует лишь благодаря всесторонней российской помощи. Данный регион является для Российской Федерации инструментом сохра-

нения геополитического контроля над Республикой Молдова, а также для достижения более широких стратегических целей в регионе.

Библиография:

1. Буриан А. Приднестровский конфликт и перспективы его разрешения: взгляд из Кишинева. http://ava.md/analytics-commentary/012138-pridnestrovskii-konflikti-perspektivi-ego-razresheniya-vzglyad-iz-kishineva.html (09.10.2013).
2. Ciobanu C. Frozen and Forgotten Conflicts in the Post-Soviet States: Genesis, Political Economy and Prospects for Solution. - Richmond: United States Institute of Peace, 2008. 180 p.
3. Приднестровский конфликт. Внешние акторы. http://www.ipp.md/public/files/Conflictul_transnistrean._Actori_externi.pdf (16.10.2013).
4. Брысякина Л. Межгосударственные отношения Российской Федерации и Республики Молдова: современное состояние и перспективы развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. - Москва: Орловская Региональная Академия Госсударственной Службы, 2008. 213 с.
5. Россия остается крупнейшим торговым партнером Молдовы. http://www.noi.md/ru/news_id/29538 (11.10.2013).
6. Швецов Ю. Геополитические перспективы ЕЭП и Молдовы. http://www.actualitati.md/ru/analitika/geopoliticheskie-perspektivy-eep-i-moldovy (21.10.2013)
7. Принципы и процедуры ведения переговоров в рамках «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию», 18 апреля 2012. http://www.gov.md/public/files/bpr/doc/2012-04-18-Ru_-_Statement_of_Principles_agreed.doc (24.10.2013)
8. Гаранты, посредники и наблюдатели в международном формате «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию»: особенности статуса и современные позиции. Дипломатический Вестник Приднестровья. http://vestnik.mfa-pmr.org/index.php?newsid=51# (24.10.2013)
9. Российская финансовая помощь позволила стабилизировать ситуацию на валютном рынке Приднестровья. http://www.newscom.md/rus/rossijskaya-finansovaya-pomosh_-pozvolila-stabilizirovat_-situatciyu-na-valyutnom-rinke-pridnestrov_ya.html (02.11.2013)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Светлана ЧЕБОТАРЬ
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра международных отношений
Доктор политических наук, доцент

Кристина ЕЖОВА
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра международных отношений
Доктор политических наук, доцент

At the present stage, one of the key themes in analysis of international relations in Russia Federation is the issue of EU-Russia relations developing in a format of a "strategic partnership". Russia's bilateral economic cooperation with European countries in many ways defines the vector of development of Russia - the European Union in the XXI century. In 2012, Russia was the EU's third largest trade partner after the United States and China.

На современном этапе одной из ключевых тем в изучении международных отношений в России является тема отношений между Россией и Европейским Союзом, развивающихся в формате «стратегического партнерства». Именно экономические отношения России со странами Европейского Союза во многом определяют вектор развития Россия – Европейский Союз в XXI веке.

В последние десятилетия Европейский Союз являлся крупнейшим внешнеторговым партнером Российской Федерации. В 2012 году Россия являлась третьим торговым партнером ЕС по объему товарооборота после США и Китая. Около 7% от всего экспорта ЕС поступает в Россию, в то время как импорт из России в ЕС составляет 12%. Страны ЕС для России по уровню товарооборота занимают первое место. За первые два месяца 2013 г. общий товарооборот между Россией и ЕС вырос на 1,1% по сравнению с аналогичным периодом 2012 года и составил 62,1 миллиардов долларов, в то время как обще годовой товарооборот за 2012 г. составил 410,3 миллиардов долларов [7]. Однако Россия не является основным экономическим партнером для наиболее развитых стран ЕС. Доля ЕС во внешнето-

рговом обороте России составляет примерно половину его общего объема [8].

Итак, в современных условиях, российско-европейские отношения могут быть рассмотрены в двух направлениях, плоскостях: с перспективы реализации экономических интересов Российской Федерации на западном направлении, и с перспективы политико-экономических интересов Европейского Союза на восточном направлении.

На современном этапе ЕС является стратегическим партнером России, с мощной социально ориентированной экономикой, настоящая «машина» производства и обмена. В границах Старого света Европейский Союз является крупным силовым полюсом, с его возрастающей политической и экономической значимостью, с населением, превышающим 490 миллионов человек (8,3% от всего населения земного шара). ЕС является самой населенной зоной земного шара, со средней плотностью населения составляющей около 115 человек на один квадратный километр. В то время как в США она составляет 30 человек на один квадратный километр, в России же около 9 человек на один квадратный километр. Однако следует отметить, что в рамках ЕС существуют различные показатели по плотности населения: от 470 человек на один квадратный километр в Голландии, до 30 человек на один квадратный километр в Швеции и Финляндии. Также, ЕС является одним из самых больших и открытых рынков индустриального мира, производящим около 20% мирового ВВП. В то же время, ЕС развивает сбалансированную торговлю с регионами мира, экспортирует столько же, сколько импортирует. Например, в страны Северной Америки экспортирует 11% от доли общего экспорта ЕС, а импортирует приблизительно 9%. В Российскую Федерацию ЕС экспортирует 5%, а импортирует 8%. В отношениях со странами Азии наблюдается небольшой дисбаланс – экспортирует 7,4%, а импортирует 12,5% [3, с.128].

Россия является крупнейшей и самой влиятельной державой Евразийского континента, преемником Советского Союза. Ее признали крупнейшей ядерной державой. По площади Россия занимает первое место в мире - 17,1 млн. кв. км (около 75% от площади бывшего СССР), по населению – девятое - 141,9 млн. На Россию приходится почти 12% мировой площади суши и 2% мировой численности населения [10]. Россия поставляет около 50% натурального газа и 20% нефти используемых Европейским Союзом, в то время как на страны Персидского Залива приходится около 45% от импорта нефтепродуктов [1, с.324].

На данный момент Россия колеблется между развитием и отсталостью, ряд секторов экономики активны, другие же находятся на грани краха, наблюдается резкое сокращение численности населения, высокий уровень безработицы [2, с.25]. Несмотря на внутренние слабости, которые привели

к снижению влияния России в мире, она сотрудничает с независимыми государствами бывшей империи - Советским Союзом, контролирует проблемы на Кавказе, в Центральной Азии, на Балканах, заключает договора с Китаем, поддерживает Северную Корею, продолжает диалог «на равных» с США и ЕС, оставаясь одной из самых влиятельных держав на мировой арене [2, с.26-27].

В соответствии с проектом новой стратегии внешней политики Российской Федерации от 14 декабря 2012 года, отношения Россия - ЕС становятся для нее приоритетными. Опираясь на солидную институциональную основу, отношения Россия - ЕС продиктованы логикой развития международных процессов и событий. Таким образом, в соответствии с концепцией социально-экономического развития российско-европейских отношений до 2020 года, в список приоритетных направлений развития российско-европейских отношений попали такие аспекты развития как:

- расширение возможностей для инвестирования в ключевые отрасли, стимулирующие рост и инновации;
- укрепление и углубление двусторонней торговли и экономического взаимодействия, а также создание благоприятных условий для малых и средних предприятий;
- содействие выравниванию технических регламентов и стандартов, а также высокому уровню защиты прав интеллектуальной собственности;
- транспорт;
- содействие развитию устойчивой низкоуглеродной экономики и энергоэффективности, а также поддержку международных переговоров по противодействию изменению климата;
- укрепление сотрудничества в сферах инноваций, исследований и развития, а также космоса;
- обеспечение сбалансированного развития путём принятия мер в ответ на региональные и социальные последствия экономической реструктуризации;
- обеспечение эффективного функционирования судебной системы и усиление борьбы против коррупции;
- содействие развитию связей между людьми и укрепление диалога с гражданским обществом для поощрения участия людей и бизнеса (в соответствии с Инициативой Россия-ЕС «Партнерство для модернизации», от 7 декабря 2010 года) [6].

Еще в начале 90-х годов XX века сотрудничество с ЕС стало приоритетным направлением во внешней политике Российской Федерации. Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве (СПС) между Российской Федерацией и Европейскими Сообществами (Европейское Сообщество, Евро-

пейское Объединение угля и стали и Европейское Сообщество по атомной энергии - далее Сообщество) и их государствами-членами было подписано 24 июня 1994 г. и вступило в силу 1 декабря 1997 г. Однако на этом этапе Россия была не способна выработать эффективную стратегию сотрудничества [4, с.335].

На протяжении исторической эволюции, сотрудничество с европейскими государствами было приоритетным направлением во внешней политике России. Россия не только шла навстречу Европе, но и была частью европейской системы, в качестве активного актора (крах наполеоновской империи, создание европейского «концерта держав», создание Антанты, сотрудничество СССР с европейскими государствами в политической, экономической и культурной областях). Исходя из убеждения, что Европа может стать генератором стабильности в мире, одним из приоритетных целей Российской Федерации является двухстороннее сотрудничество с европейскими государствами [5, с.122].

На сегодняшний день между ЕС и Россией сложились довольно тесные экономические связи, и сотрудничество в данной сфере развивается достаточно успешно. Как уже отмечалось выше, Российская Федерация является третьим торговым партнером ЕС по объему товарооборота после США и Китая. В структуре российского экспорта в страны ЕС по итогам 2012 года преобладали поставки минеральных продуктов - 62% от всего российского экспорта этих продуктов (на сумму 231,6 миллиардов долларов), экспорт газа и нефти составлял 29%, химической продукции - 33%, экспорт товаров и услуг в европейские страны вырос на 4,2% и составил 278 миллиардов долларов, что эквивалентно 14% российского ВВП. Объем импорта из стран Европейского Союза в Российскую Федерацию за 2012 год увеличился на 3,7% и составил 132,3 миллиардов долларов. Доля поставок машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме российского импорта составляет 44% или 69,6 миллиардов долларов в денежном эквиваленте, а в европейском экспорте в Россию – 8%. Доля продукции химической промышленности в общем объеме российского импорта – 60%, в европейском экспорте – 7% [7].

Крупнейшими в Европе поставщиками в Россию являются Германия (23,6 млрд. евро, или 30% экспорта ЕС), Италия (7,9 млрд. евро, 9%) и Франция (6,3 млрд. евро, 7%). Германия является также крупнейшим импортером российских товаров, в первую очередь - энергоресурсов (29,9 млрд. евро, 19%), следом за ней следуют Нидерланды (21,7 млрд., евро, 4%), Польша (13,6 млрд. евро, 9%), Италия (13,1 млрд. евро или 8%) и Франция (11,7 млрд. евро или 7%) [9].

В 2012 году основными торговыми партнерами России среди европейских стран были Нидерланды (темпы роста – 120,6%) и Германия

(102,8%). Высокие показатели роста товарооборота также продемонстрировала Великобритания (109,6%) [7].

Большую часть российского экспорта в ЕС составляют необработанные сырьевые товары, в то время как в европейском импорте преобладает переработанная и высокотехнологичная продукция. Структура торговли Россия - ЕС за последние годы не претерпела существенных изменений. Так, около 85% объема экспорта ЕС в Россию приходится на промышленные товары (лекарственные средства, мобильные телефоны, мотоциклы и самолеты), в то время как около 75% импорта из России приходится на энергоресурсы (нефть, газ, уголь) [7]. Как мы видим, ЕС является основным потребителем российских энергоносителей, а энергетический сектор вместе с металлургией формирует 20% российского ВВП. В соответствии с некоторыми данными, до 2030 года, спрос на газ в ЕС может вырасти с 490 млрд. куб. м. в год до 695 млрд. куб. м. в год [14], что существенно увеличит экономическое влияние России на ЕС. Так российские и европейские ТНК играют ключевую роль в создании трансевропейских газопроводов - «Южный» и «Северный» потоки. Вместе с тем данный процесс достаточно противоречив: российские ТНК стремятся войти на внутренний рынок энергоносителей стран ЕС, но страны ЕС препятствуют этому для сохранения, по их мнению, относительной энергетической независимости от России [8].

Инвестиционное сотрудничество между Россией и ЕС оказывает на существенное влияние на развитие экономических отношений между ними. Российские инвестиции в страны ЕС в последние годы более всего задействованы в крупнейших сделках по международным слияниям и поглощениям, особенно в сфере обрабатывающей промышленности, в создании единых мультинациональных технологических цепочек в сферах промышленного производства, к примеру, оборудования АЭС, гражданской авиации, и развития инфраструктуры, к примеру, единой железнодорожной системы и др. [8].

Вместе с тем эксперты отмечают, что многие сделки с участием российского капитала не доводятся до конца. Так Газпрому не удалось купить английский Centrica за 20 млрд. долларов, Северстали - Arcelor за 13 млрд., а также сорвались соглашений Газпрома с итальянской ENI и PGNiG, РАО ЕЭС - с Varna+Russe, Сбербанка - с концерном Opel и т.д. [8].

Общая сумма российских инвестиций в страны ЕС в 2012 году составила 69,3 миллиардов долларов. В последние годы основными странами, с которыми Россия сотрудничает в сфере инвестиций являются Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Великобритания. Среди стран-получателей российских инвестиций в 2012 году лидируют Нидерланды (27,1 млрд. долларов) и Кипр (18 млрд. долларов) [7]. Однако, Германия и Франция

являются одними из ключевых партнеров России, что во многом определяется политическими факторами.

Российскую Федерацию и Германию связывает многолетнее политическое и торгово-экономическое сотрудничество. На долю Германии приходится 9% от всего российского экспорта, доля импорта Германии в Россию составляет 20%, и после Китая она является крупнейшим рынком сбыта экспортной продукции для промышленности Германии. Среди торговых партнеров Германии, Россия занимает 13-14-е место. Германия является ведущим мировым экспортером машин и оборудования - 58%, на долю России приходится 2,5% от экспорта. Экспорт российского газа в Германию составляет 34%, нефти – 34,5%, цветные металлы и удобрения более 10%. Экспортными отраслями в Россию для немецкой промышленности являются автомобиле и станкостроение, химическая промышленность, электроэнергетика и здравоохранение. Германия является одним из ведущих инвесторов России, в 2012 г. ФРГ заняла 6-е место по кумулятивным инвестициям после Кипра, Нидерландов, Люксембурга, Китая и Великобритании. В Москве и регионах России работают и развиваются представительства таких концернов как Obi и Lufthansa, Metro и Rehau, многомиллионные контракты подписаны между российскими компаниями и Herrenknecht, Siemens, Bosch, пользуется спросом продукция VW, BMW, Schwartau, Adidas. По данным Germany Trade and Invest (немецкой организации, занимающейся поддержкой внешних инвестиций), в России действуют 6500 немецких компаний, 6300 из которых принадлежат среднему бизнесу [11, с.217-218].

Германия является основным поставщиком современных технологий, оборудования, товаров народного потребления на российский рынок, а Россия – основной поставщик энергоресурсов для ФРГ. Советско / российско-немецкое энергетическое партнерство началось в 1970 г., когда был подписан первый контракт по экспорту газа между СССР и западногерманским газотрейдером Ruhrgas (на данный момент E.ON Ruhrgas). За весь период существования партнерства E.ON Ruhrgas получил более 570 млрд. кубометров газа, от российской стороны. В августе 2006 г. Газпромэкспорт и E.ON Ruhrgas AG продлили действие основных газовых контрактов с 2020 до 2035 г. [11, с.198]

Другим ведущим экономическим партнером Российской Федерации является Французская Республика, занимающая 7 место в торговых отношениях России. Также, в соответствии с французскими статистическими данными Россия занимает важное место в экономике Франции. За последние 10 лет экономические и торговые е связи между Российской Федерацией и Французской Республикой увеличились в пять раз, достигнув в 2012 году 20 миллиардов евро [13, с.8]. В последние годы основной ассор-

тимент российского экспорта во Францию (приблизительно 70%) составляют нефть и нефтепродукты, природный газ, металлы, химическая продукция и продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности. Экспорт оборудования и транспортных средств занимает 1,4%, от всего экспорта России во Францию. Основные товары, которые импортируются из Франции, более 30%, это товары повседневного спроса (косметика, парфюмерия, медикаменты, электротовары, одежда, мебель, посуда), что составляет 34% от размера экспорта Франции. Объем экспорта российских товаров во Францию составил $14,9 миллиарда в 2011 году. Большую часть, или 90 процентов, этих товаров составляют энергоресурсы. Объем российского импорта из Франции составил $13,3 миллиарда в 2011 году. Свои товары в Россию экспортируют более 6000 французских компаний, 60 процентов которых представляют малый или средний бизнес [12, с.13]. Политико-экономический диалог между Москвой и Парижем развивается стабильно, на основе дружественного диалога.

С целью предотвращения мирового финансового кризиса стратегическое сотрудничество между Россией и Францией осуществлялась в сфере науки и техники (авиация, космос, энергетика, машиностроение, фармацевтика, биотехнологии). Примером удачного совместного сотрудничества могут послужить проект конструкции самолетов «Суперджет 100», разработка стартового комплекса ракет-носителей «Союз», стартовавших с экваториального космодрома Куру во Французской Гвиане в 2011 году, пуск газопровода «Северный поток» (2011 г.) связавшего Россию с Европой. Помимо «Северного потока», Франция участвует и в другом российско-европейском энергетических проекте – «Южный поток», в числе акционеров которых французские компании GDF-Suez и EDF [13, с.8-9]. Особо значимым является российско-французское сотрудничество в области космоса, в особенности конструкции спутников. Осуществляются разработки в области телекоммуникаций и цифрового телевидения – компания Tompson Grass Vallei, в области перевозки пассажиров и грузов – компания Erbas. Прослеживается особый интерес в области разработки нанотехнологий. Компания Тотал сотрудничает с Газпромом с 2011 года, с момента сдачи в эксплуатацию газопровода Норд-Стрим. Сотрудничество в области энергетики, вышло на новый уровень после подписания меморандума Electrisite–France. России принадлежит большинство акций в термоядерном проекте ИТЭР в Кадараше. Франция принимает участие в важнейших российских проектах в сфере модернизации, в числе которых инновационный центр Сколково, олимпийский комплекс в Сочи, подготовка к чемпионату мира по футболу в России в 2018 г., разработка концепции «Большой Москвы» [13, с.8].

Французский бизнес распространился по всей России. Диапазон деятельности очень широк - от производства автомобилей до продажи модной одежды. На территории России успешно функционируют такие концерны как Renault-Nissan, Peugeot-Citroen, Logan, Alstom, Alcatel, L'Oreal's, Lafarj, Sen-Goben, Er-Lichid, Accor, Servie, банки Sosiete Generale, BNP-Pariba, финансовая организации Caisse des Depots, представительства компаний Bonduelle, L'occitane en Provence, Decathlon Promod air liquide, Auchan, Lesaffre, Eurocopter, Aşan, Danon, Safran, Vinci, Buig, Total, Michlen, Sen-Goben и др. [12, с.12]. В экономическом плане одним из ключевых направлений развития двусторонних российско-французских отношений является сотрудничество на уровне регионов, которые могут стать настоящей базой для роста французских компаний, тем более, что уже имеется не один успешный пример реализации данного типа проектов.

Представляет интерес и российские инвестиции во Францию. Так в 2010 г. «Уралвагон-завод» купил французское сталелитейное предприятие Sambre et Meuse, в конце 2012 г. «Российские железные дороги» приобрели логистическую компанию GEFCO. Российский капитал участвует в амбициозном европейском проекте последнего десятилетия – реконструкцию парижского квартала Дефанс.

Итак, приоритетными направлениями сотрудничества между Россией и ЕС являются такие отрасли как нанотехнологии, аэронавтика и космос. Россия уже сейчас рассматривается со стороны ЕС как партнер в области предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, в сфере космических исследований и транспортной авиации. Сфера инвестиционного сотрудничества России и Европейского Союза остается в целом неблагоприятной для российской стороны, что в определенной мере обусловлено неопределенностью в отношении еврозоны и будущего ЕС.

Литература

1. Alomar B., Daziano S., Garat Ch. Marile probleme europene. – Bucuresti, Institutul European. 509 p.
2. Carpinschi G. Politică externă şi diplomaţie. - Iaşi: Sf. Maria, 2007. 85 p.
3. Dobrescu P. Geopolitica. - Bucureşti: comunicare. ro, 2008. 423 p.
4. Ачкасов В., Ланцов С. Мировая политика и международные отношения. - Москва: Питер Пресс, 2009. 448 с.
5. Иванов И. Новая российская дипломатия: десять лет внешней политики страны. - Москва. Олма-прес, 2001. 382 с.
6. Инициатива Россия-ЕС «Партнерство для модернизации». www.economy.gov.ru/wps /.../partnerstvo_dlya_modernizacii.doc?...
7. Лихачев А. Тезисы выступления заместителя Министра экономического развития Российской Федерации «Отношения Россия – Европей-

ский Союз». www.economy.gov.ru/ wps/wcm/connect/.../russia-ec.doc?MOD (дата обращения 15.10.2013)
8. Павлова В. Состояние и перспективы инвестиционного сотрудничества России и стран Европейского Союза. Автореферат диссер. на соискание учен. степени кандидата экономических наук. - Москва, 2012. 24 с. www.fa.ru/dep/upanpk/...04/ автореферат %20 Павлова%20ВС.pdf (дата обращения 15.10. 2013)
9. Россия – в тройке крупнейших торговых партнеров ЕС. http://www.kommersant.ru/doc/1658463/print (дата обращения 15.10.2013)
10. Россия – место на карте и в мире. http://www.rgo.ru/2010/12/rossiya-–-mesto-na-karte-i-v-mire/ (дата обращения 20.10. 2013)
11. Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций: коллективная монография. под ред. А.Девяткова и А.Макарычева. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. 272 с.
12. Россия – Франция, 3-е ежегодное приложение к газетам «Ведомости», The Moscow Times. - Москва. 2012. http://www.ccifr.ru/ru/la-chambre/arhiv-spetsvyipuskov/
13. Фабиус Л. Россия и Франция: партнерство в глобализированном мире. // Россия в глобальной политике. том 11. специальный 232 выпуск. 2013, с.8-11. http://www.ccifr.ru/ru/la-chambre/arhiv-spetsvyipuskov/(дата обращения 24.10.2013)
14. Энергосотрудничество и энергобезопасность. http://www.russianmission.eu/ru/energosotrudnichestvo-i-energobezopasnost (дата обращения 15.10.2013)

ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ: РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА – РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Светлана ЧЕБОТАРЬ
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра международных отношений
Доктор политических наук, доцент

Наталья СТЕРКУЛ
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра международных отношений
Доктор политических наук, доцент

The article deals with the relations between the Republic of Moldova and Russian Federation. In different historical periods in the relations of the states it can be traced as a clash of opposing views and opinions, and the search for mutually acceptable solutions. Both countries have experienced the change of political leadership and rethink many aspects of bilateral relations. As a result, it was realized the importance of a strategic partnership in the modern world. The authors focus attention on issues of bilateral relation of states (Transnistrian conflict, the withdrawal of Russian troops from the territory of the Republic of Moldova and legal justification in Russia's position of these issues). The article analyzes interesting facts and events in political point of view, in particular, it examines the Moldovan-Russian relations in the context of the relations of the key political players: the United States, the EU, the UN, NATO and the OSCE.

Распад СССР и возникновение его территории 15 новых независимых государств создали для России принципиально новые условия с геополитической и геостратегической точек зрения. В результате распада советской империи Москва потеряла не только 24% своей территории и около 40% населения, но также и основные координаты внешней политики [4, с.402-404]. В результате Россия была оттеснена вглубь Евразии, что для страны, которая на протяжении веков играла важную роль в мировой политике, было неприемлемым. В то же время Россия претендовала и в будущем играть роль великой державы и стремилась вернуть себе статус сверхдержавы. Для того чтобы сохранить статус великой державы, Россия должна была сохранить свое влияние, в том числе и военное присутствие в

Молдавии, Грузии, Армении, что являлось инструментом для оказания политического давления.

Впервые за всю историю молдавско-российских отношений за последние 200 лет Молдова имеет общую границу со своим большим соседом прошлых лет, что создает принципиально новую геополитическую ситуацию [4]. Согласно концепции внешней политики нашей страны, двусторонние отношения Молдовы и России являются приоритетными, их характер зависит от политической стабильности и успеха экономических реформ. Однако для лучшего понимания молдавско-российских отношений, целесообразным видится принимать во внимание роль российского фактора во внешней политике, безопасности и обороны, а также способность сторон учитывать позиции друг друга, исходя из их собственных интересов. В то же время эволюция молдавско-российских отношений формирует представление о курсе внешней и внутренней политики, продвигаемой Республикой Молдова. Официальные отношения между Молдовой и Россией начались задолго до распада Советского Союза. Они были ознаменованы подписанием 22 сентября 1990 года в Москве президентом Республики Молдова М.Снегуром и Председателем Верховного Совета России Б.Ельциным Договора о принципах межгосударственных отношений между Российской Социалистической Федеративной Республикой (РСФСР) и Молдавской Советской Социалистической Республикой (МССР) [2, с.123]. Подписание данного договора представляет собой достаточно решительный шаг для обеих сторон, особенно если принимать во внимание тот факт, что Советский Союз имел достаточное количество инструментов для оказания давления в рамках двусторонних отношений как политического и военного характера, так и в вопросах обмена официальными представителями.

Для России договор с Молдавской Советской Социалистической Республикой явился вторым межгосударственным соглашением. Значение договора имело особое значение, поскольку стратегия администрации Кремля в результате его подписания состояла в снижении роли СССР в двусторонних отношениях в обход руководства Москвы, которое возглавлял М.С.Горбачев. Президент России Б.Ельцин открыто провозгласил данные цели, подчеркивая необходимость уничтожения существующей вертикали, основанной на сверхмонополизации и сверхцентрализации власти во всех областях: политической, экономической, социальной. Было принято решение инициировать горизонтальные отношения – республика с республикой, регионы с регионами, предприятия с предприятиями. Президент России был убежден, что суверенитет республик это серьезный и необратимый процесс, который не может быть игнорирован, и к которому необходимо отнеситесь с должным уважением. По словам российского лидера,

решение заключается в налаживании двусторонних отношений, ведущих к возникновению конкуренции и созданию конкурентоспособной экономической системы.

Распад СССР и его «сателлитов» воспринимались Кремлем как временное болезненное состояние, поскольку полагали, что со временем страны бывшего СССР попытаются в той или иной форме сблизиться с Россией. Такой формой взаимоотношений между государствами стал Содружество Независимых Государств (СНГ). В сентябре 1993 года к СНГ присоединились Азербайджан, в декабре того же года - Грузия, а 8 апреля 1994 года и Республика Молдова. Результатом проводимой Россией политики явилось использование в своих геополитических интересах положения большинства новых независимых государств. Договор о принципах межгосударственных отношений между Россией и Молдавской СССР был подписан 22 сентября 1990 года, Республика Молдова получила признание своего суверенитета со стороны Российской Федерации 18 декабря 1991 года [9]. По мнению наблюдателей, Россия не собиралась в кратчайшие сроки ратифицировать данный договор, на это были, по меньшей мере, три основные причины: во-первых, договор предусматривал уважение территориальной целостности и нерушимости границ сторон; во-вторых, Москва надеялась восстановить свою империю; в-третьих, Россия использовала Договор в течение длительного периода времени как рычаг влияния и шантажа на Молдову в целях сохранения военного присутствия в Молдавии для урегулирования Приднестровской проблемы.

На протяжении длительного периода времени Россия заявляла, что не будет ратифицировать данный Договор до тех пор, пока не будет решен вопрос о предоставлении правового статуса Приднестровской Молдавской Республике и четко определены права русскоязычного населения, решена языковая проблема и вопрос культурной идентификации. Власти Москвы полагают, что ратификация договора будет означать автоматическое признание территориальной целостности Молдовы, чего собственно ожидали на Западе. Кроме того, ратификация договора приведет к трансформации данной проблемы в сугубо внутренне дело Республики Молдова, и Россия лишится возможности защищать интересы русскоязычного населения [1, с.19-21]. Так, в молдавско-российских отношениях четко прослеживаются две основные проблемы: незаконное военное присутствие российских войск на территории Республики Молдова и непосредственно сам Приднестровский конфликт.

Проблема российского военного присутствия возникла с политической и юридической точки зрения тогда, когда Президент Республики Молдова издал Указ №234 от 14 ноября 1991 года, согласно которому оружие, боеприпасы, транспортные средства, военная техника, военные базы и другое

имущество, принадлежащее воинским частям советской армии, базировавшихся на территории республики были объявлены собственностью Республики Молдова. Согласно Указу президента М.Снегура от 18 марта 1992 года «с целью создания основ для вооруженных сил Республики Молдова, бывшие советские военные подразделения, расположенные в Молдове переходят под юрисдикцию Республики Молдова и относятся к Министерству обороны Республики Молдова: «вся техника, вооружения, здания и другое имущество, находящееся на учете у военных подразделений».

Игнорируя указ Президента М.Снегура, 1 апреля 1992 года Б.Ельцин, президент России издает Указ №220 «о переходе под юрисдикцию Российской Федерации воинских частей вооруженных сил бывшего СССР, которые временно находятся на территории Республики Молдова». Согласно данному указу 14 армия находится под юрисдикцией Российской Федерации. Этот шаг был обусловлен следующими факторами: необходимостью поддержания стабильного и безопасного функционирования военных подразделений; сдерживание межэтнических столкновений; обеспечение защиты солдат и членов их семей. Хотя данный Указ был расценен молдавской стороной как незаконный и рассматривался как проявление недружеского отношения, Молдова не оспорила его. Вероятно, это объясняется тем, что документ был издан в очень напряженный период для молдавско-российских отношений, и одной из его основных целей являлось недопущение участия военнослужащих в конфликте. Существует ряд причин, объясняющих незаконность Указа Ельцина. Общепризнанным является то, что на территории государства действуют внутренние законы и нормы международного права, которые данное государство приняло. Указ Президента Б.Ельцина, несмотря на эти правила, касался той части организационного устройства, которая не принадлежит Российской Федерации. Таким образом, Указ от 1 апреля 1992 года не может считаться законным основанием для сосредоточения российских войск на территории Республики Молдова [3, с.124-125].

На протяжении более чем десяти лет Республика Молдова прилагает усилия, направленные на вывод российского военного контингента со своей территории в рамках двусторонних переговоров и пытается заручиться поддержкой международного сообщества. Молдо-российские переговоры по данному вопросу после подписания «Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова» от 21 июля 1992 года» насчитывают 11 раундов. В течение всего этого времени молдавская сторона требовала вывода российских войск со своей территории. Москва, однако, под различными предлогами затягивала выполнение своих международных обязательств.

Руководство Молдовы закрепило за Россией роль арбитра в Приднестровском регионе, исходя из того, что только посредством выработки соглашения с российской стороной имеется возможность разрешения Приднестровского конфликт, которое повлечет за собой вывод войск с территории республики. Основной акцент был сделан на том, что Россия находится на пути формирования демократического государства, что предполагает соответствующее отношение к Республике Молдова касательно вопроса о выводе российских войск [6, с.9].

Следует отметить, что не существует каких-либо предпосылок для политического самоопределения данной территории. Согласно статистическим данным в этой регионе проживают: молдаване – 38,5%, украинцы – 29,5%, русские – 25,3%, болгары - 1,6%, другие национальности – 4,6%. Было бы нонсенсом создавать молдавское государство в пределах Республики Молдова. Украинцы, русские не могут потребовать создания украинского, российского государства, поскольку такие государства уже существуют. Очевидно, что за вопросом о самоопределении кроются геополитические интересы России, касающиеся возможности сохранения 14 армии как военной базы, расположенной вблизи НАТО. Эволюция конфликта демонстрирует абсурдность идеи о трансформации республики в конфедеративное государство или федерацию. Республика Молдова предпринимала конкретные шаги для разрешения конфликта, которые могли бы удовлетворить обе стороны, однако все они отвергались Приднестровской стороной.

Таким образом, 21 октября 1994 года был подписан Договор между Республикой Молдова и Российской Федерации, касающийся правового статуса, порядка и сроков вывода воинских формирований Российской Федерации временно находящихся на территории Молдовы [7, с.165-167]. Учитывая технические возможности и время, необходимое для дислокации военных подразделений, данное соглашение обязало Россию вывести свои войска в течение трех лет с момента вступления данного соглашения в силу. «Практические действия по выводу воинских формирований Российской Федерации с территории Республики Молдова в течение указанного срока, будут синхронизированы с политическим урегулированием Приднестровского конфликта и определением особого статуса Приднестровского региона Республики Молдова». Данная уступка, сделанная молдавской стороной, является необоснованной и ставит под сомнение достижение соглашения без ущерба для национальных интересов Республики Молдова.

Еще одной причиной политики России в отношении присутствия российских войск за рубежом является национальная военная доктрина Российской Федерации, принятая 2 ноября 1993 года. В данной доктрине сфо-

рмулированы основные источники внешней военной угрозы. Анализ данного документа, позволяет констатировать, тот факт, что Россия обосновывает вмешательство в близлежащие государства, руководствуясь при этом принципами сохранения собственной безопасности, которые распространяются на: приграничные с ней территории, где имеют место локальные войны, распространено подавление прав, свобод и интересов российских граждан; а также возможны расширения военных блоков и союзов против России, в том числе и оказание военного давления вдоль российских границ и границ ее союзников.

С 1995 года, Россия для сохранения своего военного присутствия в Молдове, пошла по пути трансформации военного контингента и сократила квоты российских миротворческих сил в Приднестровье. Намерение Российской Федерации преобразования военных сил 14 армии по поддержанию мира не является новым. Россия внесла данное предложение еще в ходе вооруженного конфликта летом 1992 года. В ноябре 1995 года обсуждался вопрос о снижении квоты российских миротворческих сил в рамках Объединенной Контрольной Комиссии. Россия мотивирует свое предложение финансовыми трудностями в обеспечении средств миротворческого контингента. Вместе с тем, данное предложение является свидетельством того, что Москва не намерена осуществлять вывод российских войск с территории Молдовы в соответствии с соглашением, подписанным в октябре 1994 года, тем самым трансформация военного контингента продлит присутствие российских войск на территории Республики Молдова.

В ходе вооруженного противостояния руководство Республики направило международному сообществу призыв содействовать прекращению конфликта. В результате ООН, ОБСЕ, НАТО, США, Великобритания и другие страны обратились к России с просьбой вывести 14 армию с территории Республики Молдова. Если бы Республика Молдова выработала твердую и последовательную позицию, возможно Российской Федерации не удавалось бы с такой легкостью манипулировать сложившейся ситуацией.

Объективный анализ молдавско-российских отношений сквозь призму взаимосвязи между Европейским Союзом и Россией, США и Россией позволяет утверждать о сложности достижения конкретных результатов, из-за воздействия каждого из этих субъектов на процесс принятия решений в результате наличия собственных интересов в регионе. В то же время из-за различий в подходах к безопасности Североатлантического Союза и влияния США, ЕС активизировал сотрудничество с Россией, особенно в рамках политики соседства. Так, можно предположить, что отношения ЕС и России будут характеризоваться большей последовательностью. Для таких государств как Республика Молдова, Грузия, в некоторой степени это ка-

сается и Украины такой стратегический шаг в отношениях ЕС – Россия может иметь последствия для национальных интересов данных государств [8, с.18-19].

Большие надежды возлагались на то, что смена политического руководства в Республике Молдова приведет к определенным изменениям в молдо-российском политическом диалоге, однако существенных достижений в этом вопросе пока не наблюдается. Вместе с тем, такие наболевшие вопросы как вывод российских войск с территории Республики Молдова, вывоз вооружений, урегулирование Приднестровского конфликта требуют незамедлительных решений. С включением США и ЕС в переговоры по Приднестровскому конфликту, роль этих двух акторов в регионе возрастет. Но маловероятным видится разрешение проблемы незаконного трафика на молдавско-украинской границе, незаконного размещения российских вооруженных сил в регионе и других вопросов, касающихся стабильности и демократизации. В то же время, принимая во внимание трудности сотрудничества между этими субъектами, как в рамках механизма консультаций согласно условиям ОБСЕ и нового формата переговоров «5+2», эффективность стабилизации международной миссии в Приднестровье является сомнительной. Ввиду этого можно предположить, что Россия будет использовать все преимущества с целью затягивания переговорного процесса.

Литература

1. Cernencu M., Galben A., Rusnac Gh., Solomon C. Republica Moldova: istoria politică (1989-2000). Documente şi materiale. - Chişinău: USM, 2000.
2. Cojocaru Gh. Politica externă a Republicii Moldova. - Chişinău: ”Civitas”, 2001
3. Gribincea M. Politica rusă a bazelor militare. Moldova şi Georgia. - Chişinău: „Civitas”, 1999.
4. Interviul lui Boris Elţin acordat televiziunii naţionale a Moldovei îndată după semnarea Tratatului dintre RSSM şi RSFSR. // «Moldova Suverană», 29 septembrie, 1990
5. Leancă I. Evoluţia relaţiilor externe. Tranziţia: retrospective şi perspective. - Chişinău: ”Gunivas”, 2002.
6. Nantoi O. Cu privire la situaţia în raioanele de Est ale Republicii Moldova (1992-2000). / Aspecte ale conflictului transnistrean. - Chişinău: Institutul de Politici Publice, „Ştiinţa”, 2001.
7. Popa V. Republica Moldovenească Nistreană – mit sau realitate sau dreptul la autodeterminare vis-a-vis de separatism. // Moldova între Est şi Vest. Identitatea naţională şi orientarea europeană – Chişinău: „CAPTES”, 2001.

8. Prohniţchi E. Vectorul european al Republicii Moldova la confluienţa intereselor externe ale României, Ucrainei şi Rusiei, ipp.md/biblioteca.php?/=ro&ppage=2&idc=25-37k-suplimental
9. Tratat de însemnătate epocală. // «Moldova Suverană», 25 septembrie, 1990

МЕНЯЮЩИЕСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Юлия ГОРИНЧОЙ
Республика Молдова, Кишинэу, Молдавский Государственный Университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политических наук
Кандидат философских наук, доцент

In the modern evolution of international relations there are a lot of paradoxes and problems. Acting today as active participants in the region, the relations between Russia and Moldova must comply with the generally accepted norms and principles of international law should be of progressive character and not influenced by changes in the trajectory of foreign policy.

Тектонические перемены, произошедшие на политической карте мира после распада Советского Союза, привели к появлению ряд новых национальных государств как субъектов международных отношений. Эти новые суверенные государства столкнулись с проблемами формирования собственных национальных интересов, определения места и роли в глобальных и региональных процессах в рамках меняющейся международной системы. В связи с этим в межгосударственных отношениях России и Молдавии развивались политические, экономические, духовные и культурные связи, появлялись и разрешались противоречия, определяя, таким образом, перспективы и динамику современных и будущих российско-молдавских отношений.

Эти отношения во многом объясняются территориальной близостью и социокультурным единством, которое способствовало появлению общих фундаментальных мировоззренческих установок культур и народов Российской Федерации и Республики Молдова. Появление многополярной модели мироустройства, трудности глобализации, рост конфликтного пространства в мировой политике, расширение европейских и евроатлантических структур – лишь немногие факторы которые обусловливают потребность в научном анализе таких актуальных аспектов взаимоотношений двух государств, как пересекающиеся национально-государственные интересы России и Молдавии, гармонизация договорно-правовой базы двух государств, социально-экономические связи, сотрудничество в области региональной стабильности и безопасности, совершенствование форм стратегического партнерства.

Межгосударственное сотрудничество России и Молдавии, существуя и развиваясь в рамках трансформирующейся системы современных меж-

дународных отношений, находится под влиянием как традиционных связей (существование в рамках постсоветского геополитического пространства), так и региональных приоритетов (общие интересы в Европе). При организации сотрудничества Российской Федерации и Республики Молдова в восточноевропейском регионе на современном этапе необходимо учитывать значение третьей силы в формировании региональных тенденций (США, ЕС, НАТО). Сложный современный период во взаимоотношениях двух стран требует оптимизации механизмов взаимодействия, способных разрешить существующие проблемы и вернуть двусторонние отношения между Российской Федерацией и Республикой Молдова в русло стабильности и партнерства. Несмотря на то, что отношения двух государств на современном этапе можно охарактеризовать как сложные и достаточно противоречивые, фактор общего прошлого является по-прежнему одним из определяющих в процессе исторических преобразований и современных трансформаций межгосударственных отношений.

В современной эволюции международных отношений немало проблемного и парадоксального. Источник происхождения подобных проблем - это различные объективные и субъективные причины, порожденные интенсивными и взаимосвязанными процессами постоянного переустройства мирового порядка. Так столетиями регион современной Молдавии расценивался как сфера стратегических и геополитических интересов Российского государства. В данном регионе на продолжении длительного периода происходили процессы, вовлекавшие Россию и Молдавию в общемировые и региональные события международных отношений, начиная с формирования русского и молдавского этносов, участия в русско-турецких войнах, присоединения Бессарабии к России, существования в рамках СССР, формирования национальной идентичности и принципов внешней политики новых независимых государств, разрешения современного приднестровского конфликта и прочее.

Современные Российская Федерация и Республика Молдова, формулируя и обосновывая свой внешнеполитический курс, выстраивая круг политических и экономических партнеров на международной арене, должны учитывать исторический опыт и геополитические условия, которые предопределяют политические интересы и партнерские отношения двух государств. Отсутствие разумного, взвешенного подхода к данным вопросам может привести к негативным последствиям. Очевидным в подобной ситуации может стать, на наш взгляд, дисбаланс таких важных в развитии общества факторов, как историческая память и исторически сложившиеся реалии.

Новыми характеристиками государств стали укрепление государственности, переход к рыночной экономике, формирование новых границ и пос-

троение демократических общественно-политических систем. Сегодня отношения между Россией и Молдавией должны основываться на общепризнанных нормах и принципах международного права как обязательных правилах поведения государств на международной арене**.**

Одной из самых трудных проблем Российской Федерации и Республики Молдова, определяющих выбор поведения на мировой геополитической арене, стал процесс формирования современных стратегий внешней политики этих государств с 1990-х годов до настоящего времени.

Учитывая современную политическую конъюнктуру восточноевропейского региона, жизненно необходим кардинальный пересмотр прежней системы отношений, а также формирование новых, соответствующих общемировым тенденциям линий поведения России и Молдавии в качестве активных субъектов в регионе. Вне зависимости от того, каким будет вектор внешней политики России и Молдавии в дальнейшем, Россия останется для Молдавии центром притяжения как более сильный партнер в плане торгово-экономических преференций, социокультурных связей народов, духовных и общественных взаимоотношений.

На современном этапе можно констатировать, что межгосударственные российско-молдавские отношения охватывают все сферы жизнедеятельности. Оптимизация двусторонних отношений повлечет за собой укрепление дальнейшего сотрудничества, основанного на национальных интересах России и Молдавии и на уверенности партнеров друг в друге. Однако укрепление политических, культурных, социально-экономических связей двух государств должно носить *поступательный характер* и не испытывать влияния от изменений траектории внешнеполитического курса государств. Долгосрочная стратегия сотрудничества должна, на наш взгляд, подразумевать разрешение ряда противоречий и проблем, существующих как внутри России и Молдавии, так и в двусторонних связях этих стран. В современных условиях во многом устарели и требуют пересмотра правила управления экономическими отношениями, механизмы торгового регулирования, мониторинг людских и информационных потоков.

В этом заключается суть необходимости выработки новых принципов и моделей регулирования, двусторонних российско-молдавских отношений, среди которых приоритетным остаётся латентный приднестровский конфликт, который, нарушая целостность Молдавии, отражается на ее геополитическом и геоэкономическом статусе, на безопасности восточноевропейского региона. Современное состояние переговорного процесса по урегулированию приднестровского конфликта, несмотря на предпринимаемые сторонами усилия, в целом характеризуется отсутствием практических сдвигов в направлении преодоления противостояния. Возможность консервации указанной ситуации на неопределенный период создает благо-

приятные условия для формирования и последующего развития группы рисков, представляющих серьезную проблему для региональной безопасности.

Недавнее расширение НАТО и Европейского Союза изменило геополитическую карту Европы и приблизило приднестровский конфликт с его фактическими и потенциальными угрозами безопасности к границам Европейского Союза, чем вызвало рост интереса к данной проблеме со стороны евроатлантических структур. В случае если данные структуры, а также ближайшие соседи Молдавии - Украина, Румыния и Россия направят свою деятельность на то, чтобы способствовать мирному и устойчивому решению приднестровской проблемы, а не на геополитический передел региона, то данные действия принесут пользу в деле достижения конечного результата. В то же время извечное противоречие между принципом неприкосновенности границ суверенного государства и правом на самоопределение народов может оказать отрицательное влияние на урегулирование продолжающегося приднестровского кризиса. Одновременно мы уверены, что экономическое, социальное, гуманитарное разрешение конфликта приведет к урегулированию его политической составляющей, определению статуса Приднестровья и нормализации геополитической обстановки в регионе. А в этом, как известно, заинтересованы все акторы региональной безопасности вне зависимости от их взглядов на возможные модели разрешения данного конфликта.

Ситуацией вокруг приднестровской проблемы усугубляется процесс выбора Молдавией своей позиции в контексте мировых интеграционных процессов и определения вектора национальных интересов и приоритетов внешней политики. В этих условиях России и Молдавии предстоит сформировать новую модель сотрудничества и партнерства. В двусторонних отношениях России и Молдавии не хватает стабильности. Однако стабильность этих отношений необходима, прежде всего, в связи с тем, что сложный характер современной системы международных отношений становится менее предсказуемым и требует большей гибкости и взаимопонимания субъектов международных отношений. От стабильности в двусторонних отношениях зависит степень конфликтности на региональном и глобальном уровнях. Поэтому именно уверенность в долгосрочном партнерстве между государствами определяет характер связей в рамках региональной и глобальной систем. Следовательно, смена парадигмы во внешней политике России и Молдавии не должна переводить отношения двух стран в разряд второстепенных. Наоборот, рассматриваемые государства должны объединить как можно больше ресурсов на реализацию конкретных, применимых к определенной сфере взаимоотношений, совместных проектов. Их реализация может способствовать тому, что с планомерными, ностя-

щими постоянный характер, интересами государств будут считаться ведущие международные организации, крупные мировые и региональные державы.

Принцип плодотворной стабильности, развития и достижения дальнейших положительных результатов во взаимоотношениях Российской Федерации и Республики Молдова, поэтапное укрепление сотрудничества должно стать частью внешнеполитической доктрины рассматриваемых государств, что позволит на практике установить взаимовыгодные партнерские отношения между Россией и Молдавией. Правильно понятый «национальный интерес» предполагает признание права на существование, а также обязательное принятие во внимание и уважение интересов всех взаимодействующих сторон.

В этой связи, один из «отцов-основателей» теории политического реализма, Г.Моргентау выделял в содержание «национального интереса» два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной «национальный интерес» принимает в пространстве и времени. Центральный элемент интереса состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств [4, с.163-164].

В странах, переживающих переходный период своего развития, наблюдается не только усиление взаимовлияния общественных и национальных интересов, но и рост приоритета первых перед вторыми. Именно такая ситуация характерна сегодня для России и Молдавии, а так же для других государств бывшего СССР. В отличие от «общественного интереса», понятие «национальный интерес» относится к сфере внешней политики государства [5, с.242]. Внутриполитические национальные интересы требуют «всемерной концентрации на главной задаче - возрождении государства, экономики, благосостояния народа. Внешняя же политика должна быть полностью подчинена этой задаче - и философски, и концептуально, и оперативно». Иначе говоря, во взаимодействии национальных и общественных интересов приоритетными становятся вторые.

Определяя национальные интересы как «потребности и желания, воспринимаемые нацией в контексте международной обстановки», учёные классифицируют их по четырем категориям (защита родины; экономическое процветание; пропаганда ценностей; благоприятный мировой порядок) и трём степеням важности (жизненно важный; важный; периферийный) [6, с.18]. В свою очередь, такая классификация предваряет следующий шаг - процес стратегической оценки, с учетом которой определяются приоритеты национальной политики и военной стратегии государства [7].

Национальные интересы любого субъекта международных отношений - это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства. В наши дни составные элементы и содержание национального интереса в целом претерпевают существенные изменения под давлением новых фактов и обстоятельств. Бурное развитие производительных сил, средств массовой коммуникации и информации, новые достижения научно-технической революции, усиливающаяся интернационализация всех сторон общественной жизни, возникновение и обострение глобальных проблем, растущее стремление людей к демократии, личному достоинству и материальному благополучию - все это трансформирует интересы участников международных отношений, ведёт к реформулированию целей их взаимодействия. Тем не менее, обновление их содержания не должно выходить за пределы совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства той или иной страны. Реализовать на практике эту гармонию интересов очень трудно, парой невозможно, но стремиться надо всегда – это есть гарантия безопасности каждого субъекта международных отношений и уважения его суверенитета на международном уровне.

Библиография:

1. Концепция национальных интересов: общие параметры и специфика. // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7.
2. Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис, 1997, №1.
3. Национальный интерес versus государственный интерес: теоретические понятия и политическая реальность. «Круглый стол». // Полис, 2000, №1.
4. Цыганков А.Л. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику, // Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. – Москва, 1992.
5. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York, 1951.
6. Nuechterlein D.E. America Recommitted: United States National Interests in a Reconc tured World. - Lexington, 1991.
7. Yarger R.H. and Barber G.F. The U.S. Army War College Methodology for Determining Interests and Levels of Intensity. Carlisle Barraks, 1997.

8. Saca V., Cebotari S. Identificări conceptuale în cadrul sintagmei „proces integraţionist – interes naţional – politică externă”. // Revistă de Filozofie şi Drept Nr.3 (142), 2006, pp.57-66.
9. Saca V. Interesul naţional al Republicii Moldova în contextul diversităţii europene. // Unificarea Europeană: Filosofia diversităţii (Materialele Conferinţei Internaţionale). – Chişinău, 2004, pp.283-291
10. Сака В. Особенности политических интересов в современном молдавском обществе. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXII. – Chiisnau, USM, 2003.

ХАРАКТЕР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ДИЛЕММА «EAST - WEST» ИЛИ МНОГОВЕКТОРНОСТЬ?

Сергей НАЗАРИЯ
Република Молдова, Кишинёв, Государственный институт международных отношений Молдовы,
Кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент кафедры Международных отношений

Some Moldovan experts and politicians dominated by the idea that Moldova should implement a full ene reorientation tatsiyu foreign policy of the West to join the European Union and even NATO. And even offered a break with Russia and withdrawal from the CIS. Another part of politicians and experts in favor of Moldova joining the Customs Union under the auspices of Russia. However, there is a third position regarding the evolution of our country's foreign policy – this landmark multi-vector, when Moldova hearth of contradictions between East and West should be a place of interaction of these two power poles.

У некоторых молдавских и западных экспертов, а также у правящей кишинёвской «элиты» доминирует мысль о том, что Республике Молдова однозначно следует осуществить полную переориентацию внешнеполитического курса на Запад, вступить в Европейский Союз и даже в НАТО [1, 4; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 14]. Некоторые предлагают пойти дальше, подразумевая под этим фактический разрыв с Россией и выход из СНГ [8; 9; 10; 15]. Другая часть молдавских политиков и экспертов выступают за вступление Молдовы в таможенный союз под эгидой России [14; 16; 19]. Однако есть и третья позиция касательно внешнеполитической эволюции нашей республики – это ориентир на многовекторность, когда Молдова из очага противоречий между Востоком и Западом должна стать местом взаимодействия этих двух силовых полюсов [2; 3; 6; 7; 13; 14; 16; 21; 22]. Они считают, что сближение с одним из них не должно происходить во вред отношениям с другим.

Думаем, есть смысл с позиций политического реализма и государственного прагматизма проанализировать эти идеи, а также основные, жизненно-важные ориентиры внешней политики Молдовы.

Во-первых, когда предлагалась «смена курса с востока на Запад», утверждалось, что внешняя политика Республики была односторонне ориентирована на СНГ, а с приходом коммунистов к власти эта односторонность усилилась, а также углубилась наша зависимость от России. Позволим се-

бе утверждение – данный постулат был в принципе ложным. Более того, реальное положение вещей обстояло с точностью до наоборот.

В современных условиях, оптимальным стратегическим курсом должна *интеграция в Европу* посредством сближения с ЕС, однако нашим *стратегическим партнёром* навсегда остаётся *Россия*. И в данном постулате нет ни малейшего внутреннего противоречия, т.к. Россия также является европейской державой, важнейшей стратегической целью которой остаётся интеграция в Европу. И то, что Россия является важнейшим стратегическим партнёром Евросоюза, подтверждено основными документами ЕС и многочисленными заявлениями европейских и даже американских лидеров первой величины. Данная мысль была подтверждена и на прошедшем в марте 2005 года в Париже саммите «четвёрки» Путин-Шрёдер-Ширак-Сапатеро [21; 23] и в идее создания четырёх общих пространств между Россией и ЕС [17].

Всё это означает только одно – наше дальнейшее укрепление отношений с Россией означает не отход от Европы и европейских ценностей, а сближение с Европой и укрепление нашей независимой государственности. Более того, в Плане действий Европейского Союза для России отмечается, что он выступает за создание зоны свободной торговли, которая охватывала бы территории России и Евросоюза.

Второй момент, касающийся т.н. «смены курса»: следует срочно взять линию на интеграцию в европейские структуры, в первую очередь в ЕС и НАТО. За этим просматривается реальное желание, под лозунгом европейской интеграции, ликвидировать «искусственную» молдавскую государственность, присоединив «исконно румынскую провинцию Бессарабию к матери-родине Великой Румынии». В этом вся суть, хотя открыто далеко не все сторонники «смены курса» имеют смелость признавать это.

Также напрашивается вопрос: как представляется процесс интеграции нашей республики в Евросоюз и НАТО? Кто нас туда приглашал и известно ли «интеграционистам», что для вхождения в эти структуры следует выполнить ряд условий, от которых мы пока далеки? Кроме того, мы нейтральная страна и вступление в какой-либо военный блок невозможно. Это не просто декларация, зафиксированная в Конституции, – это воля подавляющего большинства наших граждан. Да с нами никто и не станет говорить об интеграции в европейские структуры, пока мы не выполним ряд условий: практически на порядок не увеличим ВВП на душу населения, не решим приднестровский вопрос (а это без помощи и посредничества Российской Федерации в принципе невозможно даже в новых геополитических условиях), реально не конформируемся европейским ценностям. Последнее, как представляется, и легче и труднее одновременно. Это значит, что мы должны привести своё законодательство в соответствие с европей-

ским, что относительно несложно и недолго, хотя и не совсем просто. Посложнее принять, и не только декларативно, европейские гуманистические ценности и реально следовать им. Ещё сложнее работать, хозяйствовать и организовывать свою жизнь по-европейски. Быть ответственными и исполнительными. Именно в этом главная сложность «вхождения в Европу», именно так мы должны «построить у себя дома» Европу.

Новой Молдове следовало бы определить, что в опыте её европейских соседей полезно для её возрождения. Необходимо определить одно-два направления, в которых наша страна способна быть конкурентноспособной на мировом рынке и акцентировать основное внимание на их развитии (кстати, таких основных направлений в мире около 25, из которых, к примеру, Германия конкурентноспособна в семи; Россия – в трёх: военной, атомной и космической отраслях, добыча и экспорт сырья не в счёт). Начиная примерно с 2001 г. молдавские экономические реформы декларативно нацелены на консолидацию институтов и принятие законов, которые будут содействовать эффективной работе рынков. Молдавская экономика нуждается в инвестициях для замены основных фондов и расширения инфраструктуры. Инвестиции нужны для диверсификации и модернизации. В этом аспекте, особо актуальным является усовершенствование нашего «экономического» законодательства и лучшим образцом для этого может послужить европейское законодательство.

Законы Европейского Союза содействуют большей эффективности бизнеса, и здесь общие подходы к стандартам дали бы Молдове возможность доступа на потенциальный единый рынок. Преимущество сближения таможенного законодательства очевидно, т.к. снимаются торговые барьеры. Применение правил и дисциплины Европейского союза позволило бы обеспечить надлежащее функционирование любой будущей зоны свободной торговли или общего экономического пространства. Сближение нормативов в области финансовых услуг помогло бы создать стабильный молдавский финансовый рынок, что послужило бы стимулом для привлечения капитала и стабилизации потоков капиталов. Всё это стало бы первым шагом на пути интеграции нашей страны в Европу, а экономическая интеграция, сопровождаемая нормативными реформами, содействовала бы экономическому росту Молдовы.

И *третий*, последний момент предлагаемой односторонней ориентации на запад: как можно быстрее отдалиться от России, а ещё лучше, порвать с ней и выйти из СНГ. Хотя любому мало-мальски образованному и трезвомыслящему человеку ясно, что российских энергоресурсов на прежних условиях нам не видать, что российский рынок для нас на нынешних условиях будет закрыт, от чего и Россия пострадает, но в Молдове наступит полнейший экономический коллапс и развал государства. В этом кон-

тексте и речи быть не может о решении приднестровского вопроса. А что нам делать с несколькими сотнями тысяч наших граждан, работающими в России, и которые будут выдворены в результате предлагаемого «коренного разворота». Мало того, что сотни тысяч людей останутся без работы и их семьи без средств к существованию, они пополнят армию бродяг, попрошаек и бандитов. Ведь это самый короткий и эффективный путь к развалу государства и столь «долгожданному объединению с родиной-матерью România Mare».

Правда в этом контексте следует напомнить (особенно после невиданного прежде и абсолютно нерационалистического политического давления России на Молдову в феврале-марте 2005 г. во время парламентской кампании в нашей стране и повторно в сентябре-октябре 2013 г.), что осуществление такой деструктивной по отношению к нам программы – закрытие для нашей винно-табачной продукции российского рынка, реализация нам по завышенным мировым ценам энергоресурсов, визовый режим для наших граждан при въезде на территорию Российской Федерации и другие недружественные меры - контрпродуктивны не только для Республики Молдова, но и для Российской Федерации. Во-первых, все эти меры противоречат правилам ВТО и рассматриваются ею как экономический и политический шантаж.

Во-вторых, введение визового режима для молдавских граждан невыгодно экономически самой России: при необходимости скорейшего удвоения её ВВП в условиях сокращения рождаемости в стране такой шаг будет направлен против экономических интересов российского государства.

В-третьих, следует сказать несколько слов по поводу лишения молдавских производителей российского рынка. В этом контексте, следует напомнить, что около 2/3 молдавских винодельческих мощностей находятся в настоящий момент в руках российских инвесторов, поэтому реализация данных угроз не менее болезненно ударит и по ним. Более того, около 2/3 импортируемой Россией алкогольной продукции является молдавского происхождения. По качеству она не уступает лучшим мировым образцам, а по цене несравненно более доступна простым россиянам. Т.о. в случае изгнания молдаван с рынка России это будет означать удар и по российскому потребителю.

Четвёртое. Некоторым «горячим патриотическим головам» в России давно следует понять: объективно и субъективно Москве несравненно выгоднее иметь дело с законным правительством Молдовы, чем с непризнанным режимом.

И последнее – российскому руководству не следует забывать, что подобные заявления, а тем более их практическая реализация могут означать в первую очередь удар по друзьям России в бывших союзных республиках

(включая и проживающих в них русских) и ослабление их внутриполитических позиций в своих странах, усиливают антироссийские настроения на постсоветском пространстве и укрепляют врагов России. В полной мере это относится и к Республике Молдова.

Естественно, что отношения с Востоком не должны осуществляться во вред нашим отношениям с другими странами, не должны препятствовать процессам европейской интеграции и возможному вступлению в обозримом будущем нашей республики в общеевропейские структуры. Хотя такая перспектива для нас ещё не близка и маловероятно, чтобы хронологически Молдова вступила, к примеру, в ЕС раньше России. Так что и с этой точки зрения в ближайшее время отношения с Российской Федерацией должны оставаться для Республики Молдова приоритетными. Однако наши доморощенные «интеграционисты» утверждают, что таким образом мы разорвём связи с Западом, который от нас откажется. На это ответим так: если Запад не порвёт с Россией (такое предположение очень близоруко, так как его нормальные отношения с Российской Федерацией не просто выгодны, но и крайне необходимы), он не порвёт и с нами.

Не следует игнорировать и факт невозможности внешнеполитического «разворота» без сильнейшего удара по гуманитарным связям наших людей, с их братьями на Востоке. Однако именно это меньше всего волнует наших «демократов-гуманистов», столь рьяно пекущихся о правах человека и торжестве общечеловеческих ценностей. Ведь для большинства из них каждодневные проблемы людей – это мелочи лишь «препятствующие великой цели воссоединения с Patria-Mumă - România Mare» [5; 10; 12; 18]. По нашему же мнению, Молдова, как и прежде, должна продолжать свою многовекторную внешнюю политику, которая должна быть там, где у неё есть интересы и именно это пойдёт на благо подавляющему большинству её граждан.

Bibliografie

1. Anatol Ţăranu despre demersul preşedintelui Timofti. http://www.europalibera.org/content/article/25191260.html.
2. Burian A. Moldova între Est şi Vest în contextul transformărilor geopolitice contemporane. // Revista Moldovenească de Drept Internaţional şi Relaţii Internaţionale, nr.3, 2013, p.44-50.
3. Burian A. Moldovan Statehood: geopolitical perspective and prospects. // Revista Moldovenească de Drept Internaţional şi Relaţii Internaţionale, nr.2, 2008, p.37-49.
4. Despre APE. http://www.ape.md/pageview.php?l=ro&idc=147.
5. Diplomat UE: Comisia Europeană regretă declaraţia lui Băsescu despre unirea Moldovei cu România. http://www.publika.md/diplomat-ue--

comisia-europeana-regreta-declaratia-lui-basescu-despre-unirea-moldovei-cu-romania_1708041.html.
6. Juc V. Edificarea relaţiilor internaţionale postrăzboi rece: aspecte teoretico-metodologice şi replieri geostrategitice. http://ru.scribd.com/doc/108959362/Victor-Juc-Thesis.
7. Platforma electorală a Partidului Comuniştilor din Republica Moldova. http://www.pcrm.md/main/index_md.php?action=program.
8. Programul Partidului Liberal din Moldova. http://www.pl.md/pageview.php?idc=13.
9. Programul Partidului Liberal Democrat din Moldova.
10. Programul Partidului National Liberal din Moldova. http://www.e-democracy.md/files/parties/pnl-program-2011-ro.pdf.
11. Statutul Partidului Comuniştilor din Republica Moldova. http://www.e-democracy.md/files/parties/pcrm-statute-2008-ro.pdf.
12. Ţăranu Anatol: Concilierea începe de la adevăr. http://www.timpul.md/articol/anatol-taranu-concilierea-incepe-de-la-adevar-24885.html.
13. Андриевский В. Молдова между ЕС и Россией. http://ava.md/analytics-commentary/022325-moldova-mezhdu-es-i-rossiei.html.
14. Воронин послам ЕС: «Большинство молдавского общества делает свой выбор в пользу Таможенного союза». http://www.grenada.md/post/voronin_speech_poslam_es.
15. Гуцу: На заработки в РФ едут молдаване без образования и достоинства». http://enews.md/news/view/34560/.
16. Додон Игорь: Будущее готовит нам другие перспективы! http://replika.md/analitic/2953-igor-dodon-buduschee-gotovit-nam-drugie-perspektivy.html.
17. Европа и Россия: Строительство стратегического партнерства. http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/political_relations/political_framework/index_ru.htm.
18. Еуджен Томак: «Объединение Молдовы и Румынии произойдет скорее, чем мы думаем». http://enews.md/articles/view/4050/.
19. Мнение экспертов: «Для Молдовы сближение с Евросоюзом хуже конца света». http://enews.md/articles/view/3880/.
20. Назария С. Многовекторность внешней политики Республики Молдова и необходимость её научного прогнозирования. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXII. – Chişinău, 2003, p.84-109.
21. Назария С. Внешнеполитические и экономические интересы Молдовы в СНГ: проблемы и перспективы. http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=12770.

22. Реница В. Россия или Европа? За пределами двойственности. http://enews.md/articles/view/3861/.

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (LXIV), 2014

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 28.03.2014. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Tirajul 200 ex.